

НАЙДИ СВОЮ ПРАВДУ. ПРОПОЙ ЕЁ ВСЛУХ.

Девчонки на луне

ДЖЕНЕТ МакНЭЛЛИ

Annotation

У всех, кто окружал Фиби Феррис, была своя правда. Её мать Мэг, бывшая рок-звезда, профессионально уходила от вопросов и рассказывала только то, чем всё закончилось: про спокойную жизнь после славы, хорошо известную Фиби. Её сестра Луна, бруклинская фанатка инди-рока, продвигала свою суровую правду о её личном становлении, избирательно опуская факты, которые не устраивали девушку. А отец Фиби — Кирен, сооснователь любимой группы матери, вообще ничего не говорил с тех пор, как перестал звонить три года назад. Но Фиби, поэтесса, подававшая надежды и находившаяся в поиске собственной индивидуальности, устала от полуправды и туманных объяснений. Навещая Луну в Нью-Йорке, девушка собиралась выяснить, каким же образом она вписывалась в эту семью выдумщиков и, может, даже сочинить собственную сказку о музыканте, которую втайне писала вот уже несколько месяцев. Рассказанное, в чередующихся главах, первое приключение Фиби, переживало расцвет, тогда как история любви Мэг и Кирен подходила к своему финалу, оставляя после себя лишь затёртую драгоценную жемчужину правды о прошлом её семьи и давая Фиби возможность совершить прыжок в собственное неизвестное будущее.

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного и ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

Дженет Макнэлли
«Девчонки на луне»

Оригинальное Название: *Girls in the Moon by Janet McNally*

Дженет Макнэлли — «Девчонки на луне»

Автор перевода: *Ольга Г.*

Редактор: *Анна И.*

Вычитка: *Алёна Д.*

Оформление: *Алёна Д.*

Обложка: *Ирина Б.*

Перевод группы: <https://vk.com/lovelit>

Аннотация

У всех, кто окружал Фиби Феррис, была своя правда. Её мать Мэг, бывшая рок-звезда, профессионально уходила от вопросов и рассказывала только то, чем всё закончилось: про

спокойную жизнь после славы, хорошо известную Фиби. Её сестра Луна, бруклинская фанатка инди-рока, продвигала свою суровую правду о её личном становлении, избирательно опуская факты, которые не устраивали девушку. А отец Фиби — Кирен, сооснователь любимой группы матери, вообще ничего не говорил с тех пор, как перестал звонить три года назад.

Но Фиби, поэтесса, подававшая надежды и находившаяся в поиске собственной индивидуальности, устала от полуправды и туманных объяснений. Навещая Луну в Нью-Йорке, девушка собиралась выяснить, каким же образом она вписывалась в эту семью выдумщиков и, может, даже сочинить собственную сказку о музыканте, которую втайне писала вот уже несколько месяцев. Рассказанное, в чередующихся главах, первое приключение Фиби, переживало расцвет, тогда как история любви Мэг и Кирен подходила к своему финалу, оставляя после себя лишь затёртую драгоценную жемчужину правды о прошлом её семьи и давая Фиби возможность совершить прыжок в собственное неизвестное будущее.

Глава 1

Все мамины секреты, поведанные мне однажды, оказались лишь вывернутыми наизнанку историями.

Одним тёмным вечером мы с мамой сидели в нашем саду. Я видела на ясном небе над головой ленивый зигзаг Кассиопеи и представляла, как звезды начнут сами собой трескаться до тех пор, пока не взорвутся. Я зевнула, и хотя очень хотела есть, в моей голове было множество мыслей о том, как высоко в космосе от созвездия останется дьявольски черная дыра, которая будет ненасытной.

Я не стала рассказывать об этом матери, но отметила вслух, что её рассказ подозрительно напоминал слова папиной песни. Было понятно, что мама поняла, о какой именно композиции шла речь: «Я узнал в твоём секрете всё то, что слышал от тебя в те годы, месяцы, недели, когда ты была для меня родной».

Мама улыбнулась и пожала плечами.

— Ну, да, это же я написала те строчки, — она запрокинула голову назад, посмотрела на черное, как смоль, и усыпанное звездами небо и, как обычно, больше ничего к этому не добавила. Эта история всегда была вывернута шиворот-навыворот и задом наперёд.

Поэтому в ту ночь я сама отправилась на поиски её разгадки, как это часто случалось прежде, пробираясь вниз по лестнице, как только мама легла спать. Когда я дошла до её шкафа с компакт-дисками и встала в жёлтый, освещаемый уличным фонарём, круг, то провела пальцем по ребристым краям дисков, пока не увидела его имя — Кирен Феррис — и название его первого сольного альбома «Небеса», вышедшего, когда мне было три года. Я вынула глянцевый вкладыш из коробки и нашла в списке песню под названием «История с секретом». Имена К. Феррис и М. Феррис стояли рядом в скобках после названия. Через год после их расставания. В нескольких десятках песен, и много где ещё, они останутся вместе навсегда.

Через три часа я полечу в Нью-Йорк, к сестре Луне, но сейчас я была на кухне и всеми способами старалась застегнуть свой чемодан. Стоял август, и в комнате была страшная жара. Я легла плашмя на чемодан и изо всех сил потянула молнию, но его края всё равно не хотели смыкаться. Припав лицом к жесткой ткани, я глубоко вздохнула. Было так душно, что мне казалось, будто вся вода из моего организма медленно испарялась в воздухе. Капельки пота стекали по влажному лбу на деревянный пол.

Оставаясь в том же положении, я вынула телефон и написала сообщение — слова песни, только что пришедшей в голову: «Не туда светил солнца луч, заплутал слабым проблеском в небе». Я быстро глянула на экран с текстом и нажала «отправить».

И в тот же момент в окне возникло мамино лицо, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности.

– Уже готова? – спросила мама. И из-за москитной сетки она выглядела размытым бледным овалом с массой тёмных волос сверху. С тех пор, как я купила билет на самолёт, женщина стала немного нервной, хотя, конечно, сама этого не признавала. Зато она вычистила каждый дюйм нашего дома, а этим утром объявила войну сорнякам и провела в саду несколько часов, выдергивая росичку и обезглавливая одуванчики. За её плечами я видела войско повергнутых врагов в печальной куче у дороги. Моя мать не просто занималась прополкой, а обязательно вела с сорняками диалоги, да так, чтобы и мне слышно было за завтраком. Основной их смысл таков: «Сейчас я возьмусь за тебя, слышишь меня, сорняк?» И так далее, и тому подобное на протяжении всего того времени, пока я ела овсянку.

– Эм, ага, почти, – я села, а затем легонько подпрыгнула на маленьком темно-зеленом чемодане с немного запачканными углами и, наконец, умудрилась застегнуть его молнию. Раньше он принадлежал Луне, а сейчас так распух, что вот-вот мог лопнуть. Мне было нелегко решить, что брать с собой, потому что я не могла знать наверняка, какую Луну застану, когда приеду. Будет ли она аки медовый сиропчик, который ежесекундно источал любовь и доброту, или аки спящий вулкан, где-то внутри которого кипела вся её энергия и остатки злости. Сестра постоянно менялась, перевоплощалась, и я хотела быть во всеоружии.

Последний раз она приезжала домой в апреле, на время осенних каникул и именно тогда сказала маме, что не собиралась возвращаться в университет. «Не сейчас», – сказала Луна, – «когда-нибудь потом». Этой осенью, прямо с сентября, она бы лучше покаталась по Западному побережью со своей группой.

– Они не против дать мне академ, – сказала сестра. – Я ходила в деканат и всё такое, – девушка смотрела в окно, а не на маму. Прямо у дома буйно цвело дерево магнолии, прижавшись своими длинными кремовыми лепестками к стеклу. – У меня останется стипендия.

Мама ничего не сказала, но нахмурила лоб и плотно сжала губы.

Луна глубоко вздохнула и сказала:

– Я думала, ты поймёшь. Ты тоже ушла из колледжа до его окончания, а потом вернулась.

Сидя на диване напротив неё, я не понимала, как сестра могла рассчитывать на мамино понимание. Наша мать даже не рассказывала нам о том времени в группе «Shelter». Как вообще можно было предполагать, что она будет поддерживать Луну в решении бросить учёбу и пойти по её стопам?

– Я должна сделать это сейчас, – продолжила сестра. – Другой возможности у меня не будет.

Я ожидала, что мама скажет ей «нет», но та лишь глубоко вздыхала.

– Хорошо, – ответила она, после чего отправилась в гараж, где принялась за работу над десятифутовой скульптурой с острыми краями, которую около месяца спустя продала игроку «Баффало Сэйбрз». Он установил её напротив въезда в своё имение в Сполдинг Лейк, где та игриво сверкала в солнечном свете элитного жилого квартала. Позднее, я в шутку сказала Бэну, что скульптура была выкована в порыве гнева.

– Хоккеистам нужна такая энергетика, – сказал Бэн, соглашаясь с моими словами. – Они всё время бьются головами.

– То есть, ты хочешь сказать, что мне следует радоваться тому, что свой гнев мама вымещает на творчестве, а не на чём-то ещё?

Он кивнул.

– Хотела удостовериться, – сказала я.

Моя мама всё так же стояла у окна и смотрела на меня. Она опустила локти на подоконник,

и я могла видеть, как мать изображала своё «обеспокоенное материнское» лицо.

– Нечего тут смотреть, – произнесла я. – У меня просто небольшие технические сложности. Всё нормально.

Мама снова нырнула вниз, вне сомнений, чтобы выискать негодницу амброзию, которая втиснулась между гортензий. Так могло продолжаться весь день. Похоже, женщина не ощущала жару. Мэг Феррис – художник по металлу, и не было никого счастливее неё с паяльной лампой в руке, когда синее пламя устремлялось в цель, подобно падающей звезде. Джейк, её приятель по художественному отделению, называл маму богиней ковки, что также было связано с характером женщины. Как и с нравом Луны. Медленный прожиг приводил к куда большему извращению. Как в металлообработке. Мама работала в студии, которую сама построила в нашем гараже, и я старалась держаться от этого места подальше.

Моя собака, Дасти (естественно, Спрингфилд) вылебала всю воду из своей серебряной миски, и я подошла ближе, чтобы подлить ещё. Вернув посуду на пол, я выглянула в окно, которое не закрывалось до конца из-за влажности. Дорожки во дворе лет сто никто не красил, и это было одной из многих прелестей дома в викторианском стиле. Мы с Луной родились в Нью-Йорке. Там, в районе Уэст-Виллидж, в небольшой квартире, заваленной записями, гитарами и музыкальной аппаратурой, жили мои родители. Мне было почти два года, когда они расстались, и мама забрала нас в Баффало, к моим бабушке и дедушке, откуда сама была родом. Она купила наш дом в полуразрушенном состоянии и восстановила его. Мамины родители помогали ровно столько, сколько женщина им позволила, возложив на себя почти всю работу. Это я к тому, почему у нас такое окно.

Если бы сейчас вы увидели мою маму, которая ковырялась в садовых грядках в своём фиолетовом сарафане, немного грязная, с волосами в разваливающемся пучке и с босыми ногами, то вы бы ни за что не поняли, кем была эта женщина. Что двадцать лет назад моя мать была первой девушкой на луне.

Знаю, звучит глупо, но это не то, что вы подумали. Всё обошлось без надутого белого костюма космонавта, без неба со звездами, которое было больше похоже на раскрывшуюся в темноте жеоду (*прим.пер.: жеода – геологическое образование, замкнутая полость в осадочных или некоторых вулканических породах*). Маме не пришлось стоять, по щиколотку в пыли, на краю пустого лунного моря и смотреть оттуда на вращающийся драгоценный шар нашей планеты. Всё было проще, символичнее, по земному. Впрочем, как я уже говорила, она не расскажет об этом: ни о луне, ни о музыке, ни о чём другом, что ещё было до того, как родилась моя сестра.

Сейчас же я волокла свой чемодан через порог, параллельно удерживая ногой открытую дверь. Дасти тоже устремилась к выходу, и тут у нас образовалась небольшая толкучка, пока собака не выбралась на свободу, перепрыгнув через мою голень. Дальше я планировала столкнуть чемодан с края крыльца, чтобы не пришлось тащить его по ступенькам вниз, но вряд ли это было хорошей идеей. Мама не сводила с меня глаз.

– Похоже, очень тяжёлый, – сказала она и прислонилась спиной к машине, а мамины розовые садовые перчатки валялись в траве.

– Эм, да не особо, – я старалась громко не кряхтеть, пока спускала чемодан по ступеням, наблюдая при этом за мамой, у которой на лице застыла лёгкая (фальшивая) улыбка. Внизу я набрала побольше воздуха в грудь и вытянула ручку, чтобы покатить багаж дальше.

– К тому же, – сказала я, приподняв чемодан от земли и засунув его в открытый багажник, – это хорошо тренирует мою мускулатуру, – и согнула для наглядности один бицепс.

– А по мне так тяжёлый, – сухо заметила мама. Собака прыгала у её ног, тихо посапывая и пытаясь убедить женщину покатать её где-нибудь на машине.

– Скоро, Дасти, – проговорила женщина, и от её слов собака легла на траву, положив подбородок себе на лапы.

До меня доносился умопомрачительный аромат, сладкий и тяжелый, как винтажный парфюм, который истончали розы из-под окна, где прятались, подобно животным, запуганным маминым напором. Я склонила голову в их сторону и прошептала:

– Не волнуйтесь, она вам ничего не сделает.

Мама улыбнулась.

– Кстати, – сказала она, – я профессионал в прополке. Смотри, как стало классно.

– Королева Сада, – ответила я, и она кивнула.

– Так, добавим-ка кое-что в твой чемодан, – продолжила мама, подняв вверх указательный палец. – Оно в студии. Почему бы тебе пока не погулять с Дасти, а когда вы вернётесь, я буду готова?

К этой стратегии – отвлечь и занять – мама прибегала еще со времён, когда я была ребёнком. Только я открыла рот, чтобы возразить, как женщина уже исчезла в гараже. Поэтому мне с собакой пришлось отправиться к дороге, напевая под нос песню, которую я давным-давно пыталась забыть.

Солнце светило белым обручем в небе, всё сильнее нагревая тротуар под моими босыми ногами. Подобно сонной пчеле, неподалёку жужжала газонокосилка. Через несколько минут меня здесь не будет, а через несколько часов — и в этом городе. Моё лето закончится через неделю, поэтому, разумеется, именно тогда, когда я уже одной ногой отсюда слиняла, появилась Тесса.

Глава 2

Моя лучшая подруга возникла из ниоткуда, заехав на старом синем велосипеде на подъездную дорожку к своему дому. На солнце волосы девушки отливали золотом. Дасти повернула голову и посмотрела через дорогу; её шелковистые уши развернулись подобно спутниковым тарелкам. Собака вытянула свой нос, понюхав воздух, чтобы уловить на ветру запах Тессы, и завиляла хвостом.

– Предательница, – прошептала я, отчего Дасти посмотрела на меня, но вилять хвостом не перестала. Странно, почему я не услышала предупреждающего скрипа – скре-е-е-е-е, скре-е-е-е-е – от заднего колеса велосипеда. Видимо из-за шума ветра и листьев над головой. Или просто не расслышала. Неожиданно было увидеть подругу, ведь я гуляла здесь каждый день этим летом, и она ни разу не показывалась.

Из своей комнаты мне было видно окно её спальни, чуть выше подпорки для жимолости, которая помогала нам улизнуть поздними вечерами. Прошли месяцы, но я всё еще могла повторить это с завязанными глазами и босиком, если понадобится бы, и знала, где скинуть туфли, чтобы те не угодили в кусты роз. Когда нам с подругой было по двенадцать, мы сбегали из дома, чтобы поболтать, катаясь на качелях в конце квартала и приходя в восторг от отбрасываемых в свете фонарей теней. Потом мы стали сбегать на вечеринки, а один раз в сомнительный бар на Эллен-стрит, где не спрашивали паспорт. В те редкие вечера, когда Тесса выбиралась одна, она присылала мне смс по возвращении домой, а затем сигналила своим фонариком «ОК» азбукой Морзе: три длинные вспышки, затем длинная, короткая, длинная. Я до сих пор по привычке каждую ночь смотрела на её окно, но еще ни разу не увидела в нём девушку.

Даже сейчас Тесса тряхнула, как озорная пони, своими волосами цвета соломы, но не повернула голову в мою сторону. Гараж уже был открыт, демонстрируя предметы из прошлого и настоящего семьи Уайтинг: выцветшие пластиковые бассейны-лягушатники, сложенные как

ракушки поверх песочницы в форме черепахи, сетчатый мешок футбольных мячей под тремя теннисными ракетками, прикрепленных к стене. Рядом с дверью стоял выдавший виды детский прицеп, в котором мы катали по кварталу наших кукол.

Двумя месяцами ранее, как и за многие годы до этого, я бы уже ждала Тессу через дорогу, опередив подругу. Казалось, мне было известно о её приближении до того, как она начинала идти. Сейчас всё было иначе, поэтому я не знала точно, бежать ли мне в её двор или развернуться к своему дому, сделав вид, что не видела подругу.

Но что-то удерживало меня.

Тесса спрыгнула с велосипеда и вкатила его в гараж. Я ожидала, что она воспользуется потайной дверью, чтобы исчезнуть на своём заднем дворе на следующие несколько месяцев, на год, навсегда, но девушка повернулась и посмотрела на меня.

У меня перехватило дыхание, и я почувствовала, как в груди сильнее забилось сердце. Тесса пошла в моём направлении, дошла до середины подъездной дороги и остановилась в ожидании. Девушка казалась похудевшей, на лице был заметен румянец. Волосы развевались вокруг её головы, как ленты на ветру. Подруга легко поддела сандалией цветок календулы. Дасти дёрнула поводок, потом снова посмотрела на меня.

Не дав себе шанса развернуться, я двинулась по тёплому асфальту в сторону Тессы и остановилась у края тротуара, глядя на девушку, стоящую посередине, между гаражом и мной.

– Привет, – сказала я и отпустила поводок. Дасти подбежала к Тессе и стала обнюхивать её колени.

На лице подруги были солнечные очки, поэтому я не могла видеть её глаза. Да это и не было важно, потому что она склонилась к собаке и положила руки на голову Дасти.

– Привет, – сказала девушка, но было непонятно, говорила она со мной или с моей собакой.

Мы познакомились летом, когда мне было пять. Луне было семь, и её бесило, что девочка, переехавшая в дом напротив, была моего возраста, а не её. Несмотря на это, каждое лето мы играли все втроём в нашем саду. Когда Луна пошла во второй класс и нашла там свою лучшую подругу Пилар, в нашей компании стало на одного человека больше.

Тесса мне сразу понравилась, потому что она была забавной и смелой, даже, если смелость означала лишь стоять, не шевелясь, когда вокруг головы летала пчела, или прыгать в парке с лавки на лавку, когда между ними почти не было места. Родители Тессы часто ругались. Иногда, когда мы с ней сидели, прислонившись спинами к её дому, и слушали их разгневанные речи, я думала, что то же самое было, когда мои родители развелись. Это то небольшое, что я помнила.

Я сделала несколько шагов по дороге по направлению к Тессе – мой первый визит на землю семейства Уайтинг за всё лето – а затем начала говорить. Я настолько привыкла рассказывать ей о своих делах, что не смогла удержаться и в этот раз, даже после целых двух месяцев нашей молчанки.

– Я сегодня улетаю в Нью-Йорк, – сказала я. – Мама с Луной почти не разговаривают друг с другом. Думаю, меня засылают туда в качестве шпиона, – я поджала пальцы на ноге. – Или посла, – благодаря школьным экзаменам, синонимы стали сами собой выстраиваться в моей голове: дипломат, посланец, гонец. Мой мозг превратился в грёбаный словарь.

Подруга молчала, всё ещё сидя на корточках. Я встала ближе к ней, ожидая, что та продолжит разговор.

– Луна была в «Pitchfork», – сказала она, по-прежнему обращаясь к Дасти или, возможно, к дороге под ногами. – В июле.

– Я знаю, – ответила я. Около месяца назад музыкальный сайт выложил фотографию на своей главной странице, снабдив небольшим комментарием об осеннем туре группы «Moons». «Луна и группа Moons наступают на Америку» – гласил заголовок, а ниже подпись: «Дочь Мэг

Феррис следует по орбите матери». На фотографии Луна сидела на лавочке, за которой стояли парни, и смеялась, положив руки на красноватое дерево по бокам. Солнечный свет идеально падал через окно ей на колени. Прошло четыре месяца с тех пор, как я видела сестру вживую, и иногда мне было трудно поверить, что она реальная. Даже такие фото, где она вся сияла и смотрела куда-то мимо камеры, не помогали.

Тесса встала, и я испугалась, что она уйдёт до того, как я скажу что-то важное, поэтому выпалила:

– Я собираюсь навестить отца. Это решено. Даже если Луна не захочет.

– Удачи, – сказала подруга нейтральным голосом. Она не спросила, каков был мой план, или почему я, наконец, решилась на это после стольких лет раздумий. Затем девушка покачала головой. – Они ставили «Summerlong» минимум три раза вчера, пока я была на работе.

Это была ещё одна песня отца, и меня не удивило то, что она играла у Тессы на работе – в магазине для скейтеров и сноубордеров. Там вечно включали заводную и энергичную музыку, пытаясь заставить людей покупать перчатки, головные уборы и две лыжные куртки, когда им была нужна только одна. А если на улице тепло, то два скейтборда или две пары пластиковых наколенников. «Summerlong» отлично вписывалась в эту тему, так как звучала очень жизнерадостно. Чаще всего люди не догадывались о её печальном смысле.

Песня вышла в том же первом альбоме, что и «Secret Story», через год после распада «Shelter», но композицию продолжали ставить на 92,9 FM «Hot Mixx Radio» («Заряди свой день любимыми песнями!») с мая по сентябрь. В прошлом месяце я услышала её в продуктовом магазине. Я стояла у полок с сухими завтраками, а мама была в отделе с замороженными продуктами, поэтому теперь у нас больше рисовых хлопьев и малинового эскимо, чем два человека могли бы съесть за год. Мы обе выбрали одинаковую стратегию: неторопливо и увлечённо читать ингредиенты, сделав вид, что подходим к делу со всей серьёзностью, а затем выбрать оба варианта. Это был милый спектакль для магазина, хотя зрителей у него не было. Главное – это избегать друг друга, пока песня не закончится, чтобы не пришлось о ней говорить. У мамы хотя бы была тележка, поэтому я выглядела как кретинка, неуклюже неся в руках полдюжины коробок. Я набрала столько, что едва могла видеть что-либо вокруг себя. К тому времени, как мы встретились, играла «Cruel Summe» группы «Bananarama», и моя мать просто посмотрела на мою башню из коробок и кивнула, будто это было абсолютно нормально покупать шесть коробок с завтраками. Я сбросила их в корзину.

Я подумала о том, чтобы рассказать Тессе эту историю, но не стала.

– Я прошу прощения... От имени всей моей семьи, – сказала я псевдосерьёзным голосом, и на секунду заметила тень улыбки, пробежавшей по лицу девушки, и мне показалось, что всё ещё будет хорошо. Подруга тряхнула головой.

– Я научилась не обращать на неё внимание, – ответила Тесса и скрестила руки, как бы отгородившись от меня. Что мне всегда в ней нравилось, так это то, что она не стремилась к определённости, никогда не была такой уверенной во всём, как моя мама или сестра. Во всяком случае, раньше не была. Сейчас девушка выглядела весьма уверенной.

Всё должно было быть не так. Тесса должна была понять. Это же она выдвинула ту теорию о горизонте.

Отец выпал из моей жизни три года назад, причём так, словно вечернее солнце зашло за линию горизонта: ты знаешь, что оно по-прежнему существует, но точно не знаешь где. Время от времени, солнце снова появлялось в поле зрения, а в случае с отцом – на страницах музыкальных журналов или как об исполнителе песен в вечерних ток-шоу. И именно Тесса нашла на карте «Google» студию отца в Уильямсбурге и помогла мне разыскать на «eBay» журнал, который я повезу показать Луне. Подруга дала мне свою кредитку, а я так и не вернула

ей деньги.

Девушка оглянулась через плечо на свой дом, но там никого не было видно.

– Журнал пришёл, – сказала я, – эм, недавно. Хочешь посмотреть? Я могла бы принести.

– Да ладно, – отмахнулась она.

– По-моему, я всё ещё должна тебе восемь баксов.

– Запишу на твой счёт, – сказала Тесса и отступила на один шаг, но не ушла. Она продолжила стоять там, но теперь смотрела на верхушку дуба над нами, да так сосредоточенно, что я тоже чуть не повернула голову, чтобы взглянуть туда же.

Внезапно меня пронзило чувство отчаяния, что аж передёрнуло. Всё лето я ждала возможности поговорить с подругой и вот дождалась, когда та могла меня выслушать, а у меня не получалось вспомнить, что я хотела сказать. Вся эта канитель случилась из-за секрета, тайны, которую я хранила в надежде защитить подругу, но теперь я знала, что тот секрет уже не сохранить. Можно было бы попробовать сберечь его, как яичную скорлупу или хрупкий кокон, но тайны не бывают полыми. У них есть своя масса и свой вес. Они вращаются вокруг нас, как маленькие спутники, удерживаемые гравитацией поблизости и притягивающие нас собственной силой тяготения.

Я хотела сказать это подруге, но никак не могла подобрать слова.

– Тесса, прости меня, – я чувствовала, как начал дрожать мой голос. – Я... Я думала, что всё делаю правильно.

Девушка посмотрела куда-то влево, поэтому получилось, что я говорила в её профиль.

– Ну, да, – сказала она мягким голосом. – Но ты ошиблась. Он ведь мне очень нравился, Фиби.

– Знаю, – ответила я, и тогда какой-то демон честности стал управлять моими губами. – Мне тоже.

Немного сузив глаза, Тесса закусила нижнюю губу и кивнула, но не так, будто отвечала на вопрос, а словно поняв что-то.

– Удачи в Нью-Йорке, – сказала она. – Повеселись там со своей знаменитой семейкой.

Последняя фраза была произнесена не вредным, а почти искренним тоном. Хотя как можно такое сказать без сарказма?

Тесса развернулась и пошла по дороге к дому, хлопая своими шлёпками по бетону. Она исчезла в тёмной пещере гаража, а я стояла там, не отводя глаз, и наблюдая за тем, как медленно опускалась автоматическая дверь, пока не коснулась земли.

Дасти посмотрела на меня, склонив голову, словно к чему-то очень внимательно прислушивалась. Она как будто спрашивала меня: «И что это с ней?» Я положила ладонь на её голову, и собака прижалась ухом к моему бедру. Через секунду я должна буду пойти домой, но пока мои ноги не хотели двигаться. И лишь когда я отбросила тяжёлые мысли, в голову вернулись слова песни «Summerlon»: «Свет заманит тебя, свет поймает тебя, но лето длится недолго. Долго как лето».

Никогда не могла понять их смысл. Он пел, что лето долгое или нет? Может, это такой особый вид долготы. Типа, не долго, как лето.

Да ну его.

Уверена, что отец использовал это как метафору для развала своей группы, или брака, или чего-то ещё, где накосячил, но сейчас мне было трудно не принимать эти слова буквально. Через несколько недель разгоряченное солнце успокоится, и лето перетечёт в осень. Мне придётся вернуться в школу и столкнуться со всем тем, чего я избегала все каникулы. Но между «сейчас» и «потом» была неделя, и я планировала получить ответы на несколько вопросов. Жаль, что у меня не было наглядных пособий, как немедленно вернуться в прошлое.

Глава 3

Мэг

Июнь 2001 года

Ключ застрял в замке, и я гнала от себя мысли, что это могло быть знаком.

– Проблема? – спросила из-за спины сестра.

– Всё супер, – ответила я, не оборачиваясь. Набрал побольше воздуха в грудь и закрыв глаза, я подёргала ключом влево и вернула его в исходное положение, замок щёлкнул и провернулся.

Но я не спешила входить в дверь и вместо этого помчалась вниз по лестнице и выбежала на траву. Там, возле клумб, разбитых во дворе дома, стояла Кит и мои девочки. «Фиби собирает одуванчики, а Луна разговаривает с кустами роз», – пронеслось у меня в голове. Над лужайкой дугой сгибался серебристый клён. Его величавая крона, как и высокие кусты вдоль тротуара, тотчас покорили меня. Пусть это и был старый дом, да ещё в самом центре города, но он был очень похож на домик из сказки, скрытый листвой от глаз прохожих и проезжавших мимо машин.

Луна разулась и теперь расхаживала по мягкой траве, считая свои шаги между кустами роз: один-два-три-четыре. Уже полгода она занимались балетом, который давался ей очень легко. И было неважно, где она прыгала: в танцевальном классе с зеркальной стеной или на полу нашей гостиной. Хотя уже не нашей, неделей ранее мы продали ту квартиру банкиру с его беременной женой. Я снова подумала о нем – о том месте, что ещё совсем недавно было нашим домом – и у меня перехватило дыхание. Но тут мне в ноги врезалась смеющаяся Фиби, с одуванчиками в руках, и я снова смогла дышать. Дочь смотрела на меня, улыбаясь и щурясь на солнце, и я была почти уверена в правильности принятого мной решения. Почти.

– Ну, что, девочки, пойдёмте, – сказала я, взяв Фиби за руку и легонько покружив её в танце на траве. Девочка захихикала и плюхнулась в клевер. Затем я подняла с дороги картонную коробку – всё, что прихватила с собой, не считая наших чемоданов. Грузчики только завтра принесут остальное, а значит, мне придётся запомнить, какие вещи я взяла, а какие оставила.

– Пойдёмте в новый дом. Посмотрим, что там, – позвала я.

– В новый дом! – повторила Фиби.

Через пару месяцев ей будет два года, и это были её первые предложения, хотя я знала, что понимала она почти всё.

Луна закончила свой счёт и повернулась ко мне.

– А я могу посмотреть свою комнату?

Я кивнула.

– Ну, конечно.

Она ухватилась за мою ладонь, а Кит подхватила Фиби на руки. Поднявшись на пять ступенек вверх, мы очутились на узком крыльце, где передо мной снова нарисовалась тяжёлая деревянная дверь.

– А вдруг там ещё кто-то живёт? – спросила Кит, криво улыбнувшись. Месяц назад она остригла себе волосы в номере чикагского отеля. На последней неделе нашего последнего тура. Теперь её глаза казались огромными. Но стрижка ей шла.

– Нет там никого, – ответила я, открыла дверь и пнула коробку через порог.

– Даже енотов? – Кит дотронулась до высохшей дверной рамы. По всей ее длине тянулась трещина. Интересно, как давно она тут образовалась? Лет сто назад?

– Что значит, кто-то ещё живёт? – спросила Луна. Она посмотрела на меня, хлопая

длинными ресницами.

– Милая, это сложно объяснить, – ответила я, – но в нашем доме точно никого нет.

Внутри было темно: все окна прихожей были наглухо задернуты шторами, но из окна столовой на пол падал одинокий солнечный луч. Он образовал на паркете идеальный золотой квадрат, и всё, чего мне хотелось в тот момент — это сесть в него и просидеть там до конца жизни, если получится. Или до тех пор, пока я не придумаю, что мне делать дальше.

Но вместо этого я втянула Луну внутрь. За нами вошли Кит и Фиби. Какое-то мгновение мы стояли в тёмной и холодной тишине. Окна были закрыты, но я всё равно могла слышать пение птиц.

– Не очень-то похоже на «Ритц», – протянула Кит.

– Да уж, – ответила я. Луна выпустила мою руку и прошла в кухню.

– Всё равно «Ритц» уже не такой классный, как раньше.

Кит засмеялась.

– Мне он показался офигенным, – сказала она, пожав плечами и улыбнувшись, и я была признательна сестре за то, что та не считала меня сумасшедшей. Даже если и считала, то вслух этого не говорила.

– Напомни-ка мне, – сказала Кит, усаживая Фиби на пол, – почему мы не расскажем маме с папой, что мы здесь?

Она прошла к другой стене гостиной и отворила окно слева от меня.

Я провела рукой по деревянным лестничным перилам. Они были гладкими и блестящими, несмотря на плотный слой пыли.

– Потому что папа сразу начнет всё чинить, – ответила я.

Наши родители жили примерно в пятнадцать минутах от нас, всё в том же доме нашего детства. Они были милейшими и тишайшими созданиями, и я любила их, но мне нужен был один день на новом месте без них.

Кит дёрнула за раму, пытаясь открыть окно, но оно не хотело поддаваться.

– По мне, это не такая уж плохая идея, – сказала она. – Плюс, у мамы есть абсолютно всё, что известно человечеству, для уборки.

– У нас есть банка «Комета», – ответила я, – где-то в той коробке.

Кит провела носком ботинка по деревянному полу, оставив заметный след в толще пыли.

– Думаю, нам понадобится больше одной банки.

– Утром им позвоним, – сказала я. – Если сможем найти розетку, то, может, и телефон подсоединим.

Я наклонилась к коробке, чтобы отыскать в ней роторный телефон шестидесятых годов оливково-зелёного цвета. Он прослужил мне всю жизнь, а точнее с того давнего дня, как я раздобыла его на бабушкином чердаке перед отъездом в Нью-Йорк.

– Возможно, мне всё-таки стоит позвонить Кирену, – сказала я.

Кит посмотрела на меня.

– Серьёзно?

– Ага, – кивнула я, словно совсем не была в этом уверена. Я ещё не привыкла к новым правилам. – Он захочет узнать, как мы добрались до Баффало. В смысле, как девочки добрались.

Последний раз я видела его два дня назад в нашей квартире, когда грузчики закончили упаковывать вещи. Кит уже забрала девочек к себе в Бруклин, где мы планировали переночевать. Мы с Киреном ходили по квартире, делая вид, что делим имущество. В конечном счёте, я забралась на подоконник гостиной, просто чтобы не путаться под ногами. Кирен подошел и

прислонилась боком к подоконнику. Я слезла с окна и встала на пол.

– Ты уверена? – спросил Кирен низким голосом. – Мы ещё можем всё исправить.

«Исправить что?» – хотела я спросить. – «Нашу семью? Группу?»

Я посмотрела за его плечо и случайно поймала взгляд грузчика на другом конце комнаты: темноволосого парня в бандане и белой футболке. Он нёс полку и улыбнулся мне, и я задумалась: какими он видит нас здесь, в этой квартире, деливших вещи. Я снова взглянула на Кирена.

– Как? – спросила я.

– Придумаем что-нибудь, – ответил он, глядя на меня, не моргая.

Он прикоснулся ладонью к моей щеке и провёл большим пальцем по моим губам.

– Вы могли бы остаться.

На секунду я будто замерла, будто мои босые ноги были прикованы к полу. Мне хотелось ему верить, признаю это. Я почувствовала, что меня притянуло к нему, на крошечный миллиметр, а затем услышала за спиной звук шаркающей по полу мебели и вернулась на подоконник.

– Не могу, – произнесла я. – Не такую жизнь я хочу своим дочерям. Да и себе.

Кирен покачал головой, и я не знала, что это значило. Что он не согласен со мной или что не собирался снова возвращаться к этому разговору? Затем мужчина улыбнулся, и прежде, чем смог бы сказать что-то еще, я повернулась и вышла в коридор, вниз по лестнице, на улицу, в метро.

Наконец, я нашла розетку в стене над кухонной столешницей. Я вставила провод бабушкиного телефона и подняла тяжелую трубку. Ничего. Слушая в ней мёртвую тишину мне страшно захотелось зареветь. Я плотно зажмурила глаза и осталась неподвижна, хотя сестра всё равно всё поняла.

– На Элмвуд есть платные автоматы, – сказала Кит тихим голосом. – Или, может, поищем после ужина что-то поближе. Я позвоню маме завтра, как только проснёмся, а сегодня я позвоню Кирену и скажу, что у нас всё в порядке. Лады?

– Лады.

И вот опять сестра пришла мне на помощь.

– Так, – сказала Кит, подходя к окну рядом с лестницей, – давайте поищем лишних жильцов, – она раздвинула шторы и прислонилась к перилам. – Должно быть, они отсиживаются на втором этаже.

Фиби встала напротив меня, пытаясь дотянуться до потолка.

– Наверх, – сказала она. – Наверх, – я наклонилась и взяла её на руки.

Луна подошла к Кит и положила руки ей на колени. Весь её хвостик рассыпался, и теперь волосы спадали на шею. Девочка выглядела такой серьёзной и взрослой.

– А можно посмотреть мою комнату? – спросила она. Кит бросила на меня взгляд, спрашивая разрешения.

– Конечно, – ответила я. – Она справа от лестницы. Пока синяя, но мы можем перекрасить её в любой цвет, какой захочешь.

– Фиолетовый, – сказала Луна, ни задумываясь ни секунды.

– Хорошо. Значит, фиолетовый, – я повернулась к Фиби. – А тебе какой, зайчик?

– Фиолетовый, – сказала Фиби.

– Нет! – воскликнула Луна и повернулась в сторону сестрёнки. – Ты не можешь покрасить свою комнату в фиолетовый, – но потом подобрела, – хорошо?

Фиби нахмурилась, сдвинув брови вместе, и посмотрела на сестру.

Кит потормошила волосы Луны и сказала:

– Фиби может выбрать любой цвет, какой захочет, начальница наша. Пойдём.

Держась за руки, они пошли по лестнице на второй этаж, и я вновь взглянула на свою картонную коробку. Ночью мы вчетвером будем спать на этом надувном матрасе в свете уличных фонарей, и я буду наблюдать, как дышат мои дочурки. На следующий день придёт мама со своим ящиком, набитым дезинфектантами и отбеливателями, а отец принесёт свой зелёный железный ящик с инструментами, подписанный его именем на крышке. В своей спокойной манере семейки Фостер они будут пытаться починить мою жизнь, пусть и не признавая в ней поломки. А осенью Кит начнёт учёбу в юридическом колледже Вашингтона, и вся прошлая рок-звёздная жизнь начнёт казаться сном.

– Фиби, а ты хочешь посмотреть свою комнату? – спросила я. – Оттуда можно увидеть задний дворик. И все деревья с цветами.

Девочка кивнула с серьёзным выражением лица, и я подняла её. Малышка казалась такой лёгкой и крошечной. Я вновь поразились: и как мы тогда с Кирином вернулись к пелёнкам? И я была так рада, что у меня была Фиби, хоть и не планировала двоих – как и Кирином – к своим двадцати семи годам.

Я остановилась рядом с лестницей, чтобы мы обе смогли посмотреть в окно. Фиби прижалась ладонью к стеклу. В нём я могла видеть наше тусклое отражение, от того и знала, что Фиби улыбалась.

– Тебе нравится дом? – спросила я у нее, и она кивнула.

– Новый-дом-наш-дом, – сказала она, как будто это было одно слово. Стоило мне услышать это, как в моей голове начала обретать форму песня. Она уже начала выстраивать там свою особую архитектуру, заполняя собой каждый уголок моего сознания, но я прервала это. Я закончила её рождение прежде, чем она начала развиваться.

Мне больше не надо было сочинять песни, но когда-то мне придётся объяснить девочкам всё, что произошло. Я могла бы сберечь те слова для такого момента. Возможно, я начну рассказ с конца и преподнесу его как сказку: «Давным-давно жили мы вчетвером в почти пустом доме, и мне было совсем не страшно».

Ну, или, может, самую малость.

Глава 4

Когда мы с Дастии вернулись домой, мамы всё ещё не было. Я подошла к заднему крыльцу, где накануне оставила свой рюкзак. По сравнению с чемоданом он казался пушинкой. Нащупав журнал в его внутреннем кармане, я убедилась, что издание никуда не пропало, а затем достала телефон и записала новые слова: «Тяжёлая штука – секреты, сложно всюду носить их с собой». Тут же пришёл ответ: «Это ты о нас? (Ха)»

Вскоре пришла мама, неся маленькую скульптурку, немного похожую на цветок. На колючий, футуристический, выполненный из стали цветок. Она вручила его мне.

– Цветок-робот, – сказала я. – Как мило. Попробую хранить в нём зубные щётки.

Я перевернула его, чтобы рассмотреть снизу.

– Только попробуй! Цветы и скульптуры. Я стараюсь совместить мои интересы, – мама сделала жест, который, как я полагала, должен был изобразить совмещение, но это было похоже на то, как она с энтузиазмом растягивала эспандер.

– Это вообще-то для Луны, – сказала мама, – а не для тебя.

Ах, да, для Луны, оставившей меня на всё лето ради своей группы после того, как сообщила нашей маме, что собирается забить на учёбу.

Добираясь из Питтсбурга в Кливленд, сестра благополучно миновала Баффало. Скорее

всего, потому, что ей было легче сказать маме «нет», находясь с ней в разных городах.

– Выходит, что общаться ты с ней не собираешься, – уточнила я, – но послать изваяние из железа – другое дело?

– Я общаюсь с ней, – мама смотрела на свои малиновые кусты, а не на меня. Она замолчала, чтобы выпрямить защитную сетку от птиц, которая повалилась набок. Правда, от чересчур резкого рывка несколько незрелых ягодок отскочили в сторону забора.

– Когда? – я продолжала держать скульптуру, не имея никакого понятия о том, куда её положить и что вообще с ней делать.

– Несколько дней назад я послала ей смс, – мама присела на колени и выдернула из ягодной грядки сорняк с заострёнными листьями.

– Я лишь хочу сказать, что не могу вас помирить. Ты посылаешь меня, но тут я тебе не помощник.

Она посмотрела на меня и улыбнулась так, будто говоря: «Именно ты, родная, можешь мне помочь». На что я стала неистово – и очень драматично – мотать головой. Из одной стороны. В другую. Я была серьёзно настроена убедить мать в обратном.

– Я не «посылаю» тебя, – сказала она, поставив голосом кавычки так, что я почти смогла увидеть их в воздухе. Она встала и стряхнула с колен траву. – Ты едешь её навестить.

– Верно, – я провела ногой по траве, поддев носком клевер.

– Но, если возможность сама представится, то ничего плохого не случится, если ты попробуешь с ней поговорить, – мама открыла дверь автомобиля и начала рыться в вещах на заднем сиденье. – Тебя она послушает, – её речь стало сложно разобрать, когда женщина с головой нырнула в машину, поэтому я подалась вперёд. – Просто попроси её рассмотреть вариант этой осенью вернуться к учебе.

Набрав в лёгкие побольше воздуха, я внезапно осознала, насколько мне было не по себе. Всё, чего я хотела всё лето — уехать, но сейчас былая уверенность покинула меня.

– Мне и без Луны забот хватает, – сказала я.

Мама обернулась ко мне, после чего протянула руку, чтобы заправить прядь волос мне за ухо. Я почувствовала неожиданный прилив слёз к глазам.

– Знаю, лето выдалось тяжёлым, – сказала она. – Но всё наладится, когда ты снова пойдёшь в школу.

– Вряд ли, – ответила я. – Пока гуляла, напоролась на Тессу. Разговор явно не задался.

Мама знала лишь часть истории: о том, что я хранила тайну, которая, как я думала, могла навредить Тессе, но которую надеялась исправить. Мама не знала, что случилось на самом деле. Она не знала о Бэне, и о том, что мои друзья Эви и Уилла тоже всё лето не звонили мне.

Я протянула скульптуру маме. Казалось, вещь была сделана из свинца. Без преувеличений.

– Ты можешь забрать её?

Женщина уже успела развернуться к заднему сиденью и достать две полоски упаковочной плёнки с пузырьками. Одну из них она выдала мне.

– От стресса, – пояснила она. Я прислонилась к машине и начала лопать пузырьки, да так сильно и быстро сдавливая, что Дасти подбежала ко мне узнать, что же я делаю, и может ли она это съесть.

Мама оторвала от мотка чёрной изоленды длинный кусок.

– Ты возишь изоленту в машине? – спросила я. – Это же фишка всех похитителей людей. И если бы в сериале «Закон и Порядок» ты числилась подозреваемой, то тебя бы точно повязали только за одну эту ленту.

Мать пожалала плечами, закрепляя изолентой пузырчатую плёнку вокруг скульптуры.

– Никогда не знаешь, когда она может пригодиться.

Через ткань платья ощущался жар, исходивший от машины. Я переминалась с ноги на ногу.

– Ладно. Попробую. Но ничего не обещаю.

– Вот и умничка, – мама передала мне запакованную скульптуру – воздушную из-за пузырьков, но тяжёлую, как плотное ядро. Прямо как комета.

– Мам, меня из-за этого из самолёта вышвырнут, – я протянула вещь обратно. – Во время сканирования они примут её за оружие. За очень аккуратно упакованное оружие. Оружие-реликвию.

Женщина широко улыбнулась, в точности как Луна.

– Тебе надо будет проверить свой чемодан, не весит ли он тысячу фунтов. В любом случае, при подходящих обстоятельствах, почти всё можно было бы использовать как оружие.

– Говорит мне женщина, которая каждый день изготавливает колюще-режущие штуки из металла, – я покачала головой. – Ты точно была бы подозреваемым номер один в «Законе и Порядке».

Я расстегнула молнию чемодана, совсем немного, и попыталась впихнуть свёрток внутрь. Когда я снова подняла глаза вверх, мама пристально смотрела на меня взглядом, который Луна называла «мамина печаль». По-видимому, пришло время для торжественного прощания. И лучше уж здесь, чем в аэропорту.

– Не знаю, что я буду делать без тебя, – произнесла мама. Она пригладила растрепавшиеся локоны, и солнце блеснуло в её серебряном кольце.

– Это всего на неделю, – ответила я. На одну чудесную неделю, когда мне не придётся приходить домой с работы в кофейне и пахнуть кофейными зёрнами и кексиками. Когда мне не придётся, стоя за кассовым аппаратом, слушать от ещё одного сорокалетнего мужичка в костюме а-ля «я адвокат» и в обручальном кольце, что у меня красивые глаза. На неделю, когда мне не придётся смотреть на окно Тессы и видеть пустой стеклянный квадрат. К тому же, несмотря на печальные глаза матери, ей не так уж и тяжело было меня отпускать. Она знала, что, в отличие от Луны, я вернусь.

– О, совсем забыла, – сказала мама. – Вот это я сделала для тебя.

Она сняла тонкий серебряный браслет со своего запястья и надела мне на руку. Он был тёплым от её кожи и волнистым по форме, похожим на поверхность пруда в ветреный день.

Мы с Луной часто шутили, что придёт время, когда мама выкует нам по паре одинаковых бирок, как у собак, чтобы мы никогда не забывали, кому принадлежим. Многие годы нас тянули к земле цепочки, серьги, браслеты, стягивавшие запястья и свисавшие с лодыжек. И всё же Луна как-то умудрилась сбежать, вопреки всем этим железякам-утяжелителям. Может, она просто сняла их. Тогда почему я не могу сделать то же самое?

Мама закрыла крышку багажника и, оперевшись на него руками, уселась сверху. Было видно, что она что-то задумала.

– Нам стоит обсудить правила, – сказала она.

– Правила?

– Всего парочку.

– Жду не дождусь их услышать, – я прислонилась к краю машины.

– Хорошо, – начала мама. – Правило первое: быть осторожной.

– Так.

– Не пить, – продолжила она. – Или... не много пить.

– Без проблем, – мы с алкоголем не особо дружили, и я не спешила налаживать с ним отношения.

– Никаких музыкантов.

После этих слов в моём сознании бегущей строкой пронеслась надпись: «МУЗЫКАНТОВ С

СОБАКАМИ БЕЗ ОБУВИ НЕ ОБСЛУЖИВАЕМ».

– Уж что-что, а музыканты там будут, – ответила я. – Твоя дочь, например.

Мама помотала головой.

– Я не об этом.

– Хорошо, – сказала я, – тогда о чём ты?

Мне, конечно, был хорошо понятен подтекст, но хотелось услышать это от неё.

– Я о том, что тебе нужно быть предусмотрительной.

– Но не все же такие, как отец, – сказала я. – По крайней мере, я надеюсь. Вот Джеймс классный. Ах да, Луна же встречается с музыкантом?

Ну да, для сестры действует свой набор требований. А, может, Луна всегда играет только по своим правилам?

Мама нехотя кивнула.

– Мне нравится Джеймс, хотя меня вовсе не радует то, что он поддержал Луну в решении бросить университет.

– Ты знаешь, что она делает только то, что сама хочет, – парировала я. – Ты хоть до возвращения коров в стойло её придерживай, только ей будет пофиг.

– Коров? – мама вскинула брови.

– Неважно. Ты ведь меня поняла, – я запрокинула голову и увидела белые пушистые облака, плывшие надо мной как воздушные шарики, сбежавшие из огромной связки.

– Впрочем, с мальчиками я пока завязала. Проблем и без них выше крыши.

– Резонно, потому что мальчики – это проблемы, – сказала мама и улыбнулась, блеснув белыми зубами, словно жемчужинами. Но я знала, что она говорила серьёзно. Это был один из её основных жизненных принципов: девочки – лучше всех, а от мальчишек жди беды. Как-нибудь мама напишет эту надпись на майке, первую часть – спереди, вторую – на спине. Главный вопрос состоял в том, почему после разгоревшегося сыр-бора с отцом она не собрала девчачью группу типа «The Bangles» или «Sleate-Kinney» или не стала выступать сольно, как Лиз Фэр? Тогда она могла бы забить вообще на всех людей. У неё бы всё могло получиться.

По правде говоря, в свете последних месяцев я бы первой встала в очередь за этой идиотской майкой. Я бы купила её всех цветов и носила целую неделю.

Мама нагнулась, подняла мой рюкзак, лежавший на траве рядом с лестницей, и заглянула в него.

– Ты положила себе еду в дорогу?

В один стремительный прыжок я оказалась возле неё, чтобы выхватить рюкзак из её рук. Спасибо всевышнему за десять тоскливейших лет занятий балетом. Приземлившись у края дорожки, одним лёгким движением я выхватила рюкзак.

– Да! – ответила я, и, ощутив необходимость объяснить свою прыткость, добавила: – И она не для тебя.

Я прижала рюкзак к груди.

Мама посмотрела на меня, будто у меня поехала крыша, но развивать эту тему не стала, так как времени до отъезда оставалось всё меньше.

Я улыбнулась одними губами, потому как не хотела, чтобы мама увидела то, что я прятала: выпуск журнала «SPIN» от февраля 1994 года. Того самого, что мы с Тессой купили на её кредитку.

Несмотря на лёгкую потрёпанность, журнал был в довольно хорошем состоянии для двадцатилетнего глянцевого издания. Девушка на обложке была одета в чёрное платье с длинными рукавами, её губы подчёркивала помада сливово-фиолетового цвета, а глаза – густая чёрная подводка. На ногах красовались рваные серые колготки и сапоги со шнуровкой до колен.

На лице была не то, чтобы улыбка, скорей, она выглядела так, будто была готова улыбнуться в случае удачной шутки. Так что, уж простите меня за слова из песни Мадонны, но: «Кто эта девушка?»»

Бум! В точку!

Девушка на обложке – моя мать, а закрывавший её колени фиолетовый заголовков гласил: «Мэг Фэррис, первая девушка на Луне». Позади виднелась бледная серебряная Луна, прямо как с обложки альбома «Shelter» для журнала «Море спокойствия». Слева от девушки стояли остальные члены группы: басист и ударник, Картер и Дэн, не забывавшие навещать маму, проезжая Баффало. Они были для нас с Луной эдакими добрыми дядями: привозили нам записи и концертные постеры, и всегда таскали нас в пиццерию.

На обложке также был гитарист – красивый, высоченный, в чёрной футболке и джинсах – мой отец, Кирен Феррис. С недавних пор злостный неплательщик алиментов, человек-загадка, а также автор двусмысленных странных песен про лето.

В саду пышными кустами цвели тёмно-розовые лилейники, а также желтоглазые ромашки, яркие как звёзды. Я уеду, а моя мать так и останется здесь, прореживая кусты роз и снимая слизней с георгинов. За неделю, что меня не будет, она сделает три или четыре маленькие скульптурки, каждой из которых суждено оказаться в гостинной какого-нибудь богача. И она будет ждать меня, чтобы услышать, как отреагировала Луна на ее сообщение.

Я развернулась к машине. Мама забралась на водительское сиденье, и из динамиков раздались «Smiths». Дасти сидела сзади, прижавшись носом к окну с моей стороны, и бешено махала хвостом.

– Позаботься тут о маме, – сказала я ей через стекло, как, если бы собака была кем-то вроде той собаки-няньки из «Питер Пэна». Хотя я знала, что Дасти могло хватить только на перебранку с мотоциклами, проезжавшими по нашей улице с односторонним движением, а ещё на отваживание кроликов от сада. Но она точно не смогла бы усмирить Мэг Феррис. Я подошла к маминому окошку.

– Поехали! – сказала мама и надела солнцезащитные очки. – Ноги в руки, сматываем удочки, или как там ещё?

– Чтобы уехать-то? Давай без этого, – попросила я. Обойдя машину, я на минуту остановилась, чтобы написать сообщение, пока не забыла: «Я подгоню слова друг к дружке, как жемчужины на нить, чтобы запомнить, как придётся, а о случившемся забыть».

– Фиби! – рявкнула мама.

Я нажала на «отправить» и открыла дверь, прижимая сумку к себе так, словно в ней был котёнок, или младенец, или еще кто-то, требующий нежного обращения и защиты от мира и от самого себя. Этот журнал символизировал собой смысл моего существования, а также Тессу и то, как я подвела нашу дружбу. Поиск этого журнала, возможно, стал последним добрым делом Тессы для меня, потому что последнее доброе дело, которое я пыталась сделать для неё, приняло совсем не тот поворот.

Глава 5

В апреле, еще, будучи друзьями, мы с Тессой пошли на вечеринку в большой старый дом на другом конце города. Это был один из первых приятных весенних деньков в Баффало, а нам так опостылела зима, что мы были счастливы оказаться на свежем воздухе. Каждая травинка казалась нам маленьким чудом, так же, как и сочные гладкие листья на деревьях, как и запах травы, совершенно вскруживший мне голову. Хоть я и не горела желанием идти на ту вечеринку, я всё же надела джинсы со свитером и выкатила из гаража свой велосипед, чтобы вместе с Тессой колесить по погружившимся в темноту улочкам. И так до самого Делуэрского

парка.

Огромный фиолетовый дом Викторианской эпохи находился за полквартала от зоопарка, около которого мы и оставили наши велосипеды, рядом с вольером с жирафами. Мы хотели прийти туда пешком: не оставлять же велосипеды перед домом. Может для них вообще не найдется места, чего так боялась Тесса. Когда мы проходили мимо жирафов, то видели, как те медленно прогуливались по территории. Такие величавые, они словно парили над землёй. Один из них опускал к земле свою голову так медленно и осторожно, будто строительный кран стрелу, и всё равно ему пришлось согнуть ноги, чтобы достать до травы.

Я прислонилась на мгновение к забору, чтобы подольше понаблюдать за животными, но Тесса уже пошла дальше. Это ей хотелось пойти на ту вечеринку, устроенную одним знакомым парнем из академии Альфреда Дельпа, которая находилась по соседству со школой Сент Клэр. Я знала, что там будет кучка выпендрёжников, попивающих пиво и вино, смешанное с соком, пытаюсь делать это как можно тише, чтобы соседи не вызвали полицию. Уж точно не предел моих мечтаний.

Тем не менее, спустя час у меня в руке была бутылка пива, уже совсем тёплая, так как я редко уделяла ей внимание. Она скорее была нужна для всеобщего признания, вроде талисмана, а уж точно не для того, чтобы пить. Тесса бы назвала меня трусихой. Если бы заметила. Но у неё было другое отношение к алкоголю. Подруга уже заканчивала вторую бутылку пива, притом, что та была еще холодной.

Задний двор был освещен гирляндами, висевшими яркими бусинами вдоль забора. Газон был идеального изумрудного цвета, а стебли садовых тюльпанов устремляли свои бутоны прямо в небо. Мы сидели вокруг металлической коптильни вместе с подружками Эви и Уиллой, а также группой других девочек из Сент Клэр. Вернее, я сидела на ржавом металлическом стуле, упершись ногами в перекладину между его ножками, а Тесса стояла, прислонившись бедром к забору. Ей нравилось стоять. Как одной из тех птиц с длинными шеями – типа цапли – балансируя на одной ноге или на обеих, когда становилось немного ветрено. Она всегда хотела быть в курсе происходящего вокруг.

– Да где парни-то? – спросила Тесса. – Разве организатор вечеринки не из академии Дельпа? Где его друзья?

– Хуже соотношения девочек и мальчиков, чем на вечеринке в декабре у Эмерсон, быть не может, – ответила Эви.

Уилла вытянула ноги вперед и скрестила стопы.

– Фигня это. Вот если мы сможем сегодня обойтись без скорой помощи, это будет зачётно.

Последний раз мы ходили на вечеринку в зимние каникулы. Она проходила в огромном старом особняке Эмерсон МакГрат на улице Линкольн Паркуэй. Дом освещался таким количеством рождественских лампочек, что можно было подумать, что родители девушки ожидали гостей из космоса, и сделали всё возможное, чтобы пришельцы не сбились с пути. Эмерсон объявила всем, что вечеринка будет в стиле Великого Гэтсби, но это, очевидно, было для неё лишь предлогом вырядиться в шёлковую сорочку и пить джин из старого хрусталя. Тесса и Эви не были одеты в ночнушки, но джин хлестали от души, отчего к ночи обеих девушек сносило к стенам, как матросов во время шторма. По пути домой мы с Уиллой пытались удерживать их в вертикальном положении, но когда мы пересекали поляну у художественной галереи Олбрайт-Нокс, Эви запрыгнула на скульптуру, похожую на банан из папье-маше, и свалившись с неё, вывернула лодыжку. Пришлось девушке звонить своему брату Дэниелу, чтобы тот её забрал. На той же неделе я выдвинула свою кандидатуру на должность помощника старосты нашего класса, а Эви – на пост старосты. Как ни странно, но мы обе выиграли, несмотря на то, что подруге пришлось произносить свою предвыборную речь на костылях.

– Первое правило самосохранения – держаться подальше от современного искусства, – сказала я, изогнув бровь и глядя на Эви.

Девушка выставила вперёд правую ногу в блестяще-серебристой балетке и покрутила стопой.

– Всё срослось, – сказала она.

– Она теперь наученная, – сообщила Уилла, скрепляя свои волнистые рыжие волосы на макушке. – Во всяком случае, теперь она знает, что в следующий раз Дэниел не придет за ней после падения с огромного банана.

– А ты бы так этого хотела! – парировала Эви, ткнув в плечо Уиллу, и та покраснела. Эви считала, что девушка давно и по уши влюблена в Дэниела, хоть та и отрицала это с десятого класса.

В моей сумочке завибрировал телефон, я вынула его и прочитала: «С субботой тебя. Что делаешь?»

«Школьная вечеринка» – напечатала я. – «Повсюду огни и тёплое пиво, несколько звёзд с неба светят красиво».

Экран телефона снова загорелся: «Прямо стихи. Может, начало для целой песни? «

Я улыбнулась. Тем временем Уилла встала и схватила Эви за руку.

– Ну, пошли уже, – сказала Уилла, – нам нужно найти туалет, очень писать хочется.

Эви закатила глаза, но позволила подруге себя утащить. Только они ушли, как Тесса встала на цыпочки, устремив глаза на дорогу. Даже со своего стула я смогла увидеть группу парней в свитерах и штанах бежевого цвета во главе с долговязым блондином. В таком составе они подошли к парадной дорожке, после чего разбрелись по заднему двору.

– Это он, – чересчур громко прошептала Тесса. Она нависла надо мной, отчего её волосы стали касаться моего плеча, и указала на только что пришедших парней.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на блондина, в чью сторону указывала подруга.

– Кто? – спросила я.

– Парень с лакросса, – уже много месяцев она талдычила про этого парня. Даже посреди зимы Тесса умудрилась рассмотреть его, едущего на велосипеде по Делуэру с лакроссной клюшкой, похожей на антенну, за спиной. Однажды подруга так близко подъехала к парню, катаясь по парку на отцовской машине, что чуть не сбила его. Я её тогда слегка утихомирила, спросив: «Нафига тебе красавчик, если он труп?»

Теперь я сама вытягивала шею, чтобы рассмотреть его, пока он выбирал выпивку.

– Ты уверена? – спросила я. – При нём нет лакроссной клюшки.

– Уверена! – громко прошептала Тесса.

Блондин прошёл со своим пивом до места рядом с нами, прямо за кругом из стульев. За ним последовал один из его друзей, темноволосый парень с миндалевидными глазами и классными плечами под свитером.

– Привет, – сказал блондин Тессе, заметив, что она смотрела на него. Он обошёл ряд из стульев, чтобы сесть напротив нас. – Я Тайлер, – у парня были длинные волосы, норовившие попасть в правый глаз, поэтому ему приходилось держать голову слегка наклонённой. Он был симпатичным.

– Тесса, – ответила подруга. – А это Фиби.

Я подняла руку в приветствии. Темноволосый парень улыбнулся.

– Я Бэн, – представился он, глядя при этом на меня, после чего протянул руку Тессе, сидевшей ближе к нему. Она пожала её.

– Вы ведь играете в лакросс? – спросила подруга. «Очень изобретательно, Нэнси Дрю», – подумала я, но парней, похоже, вопрос не смутил.

Бэн кивнул, и Тесса посмотрела на меня, округлив глаза. Я улыбнулась.

– Ага, – сказал Тайлер и указал на друга горлышком бутылки. – Вот он настоящий профи.

Бэн улыбнулся.

– Мама выросла в резервации, вот и играл всё детство с двоюродными братьями.

– Серьёзно, он звезда, – Тайлер сделал движение руками, которое, наверное, должно было изобразить подачу в лакроссе, но оно выглядело так, будто парень снег лопатой разгребал, и весьма изощрённым способом. – Я постоянно тренируюсь, но он всё равно надирает мне зад.

– Мой восьмилетний двоюродный брат смог бы надрать тебе зад, – ответил Бэн, – так что это ни о чём не говорит.

Откуда-то из глубин зоопарка раздался павлиний крик – пронзительный резкий звук, заглушивший все остальные звуки на улице. «Брачная ночь», – подумала я. Тайлер и Бэн тоже были как павлины, которые борются друг с другом за возможность произвести впечатление на неприметную серую самку. Трясут своими птичьими попками, распускают эти свои переливающиеся перья, и ради чего?

Кто-то на другом конце двора сделал погромче радио, и за электронной музыкой я расслышала заунывный голосок одной известной поп-певицы.

– Тэйлор Свифт, – сказал Тайлер, сморщив нос.

– И что? – спросила Тесса. – Ты настолько сложный крендель, что мисс Свифт нечем тебя порадовать?

– Я бы немного иначе выразился. Просто в последнее время я в основном слушаю рок 90-х. Совсем другое звучание: более дерзкое, более шумное. «Nirvana», знакомо? Ранний «Weezer». Бывает «Shelter».

Тесса засмеялась. Это был тихий гудящий вид смеха, который звучит одновременно приятно и злорадно.

– Что? – Тайлер подался вперёд.

– Прикальываешься? – спросила Тесса. Она посмотрела на меня, а затем снова на него. – Хочешь произвести на нас впечатление, тогда придётся сильнее постараться.

Взглядом я попыталась сказать подруге что-то вроде: «может, всё-таки не стоит торопиться строить из себя мисс недоступность».

Парень выглядел таким растерянным, что я была убеждена, что парень понятия не имеет, кто перед ним.

– Мой отец – Кирен Фэррис, – сказала я, раскрыв карты.

– Чего? – его словно обухом по голове ударили. – Выходит, что твоя мама...

– Мэг Фэррис.

– Боже ты мой! – воскликнул Тайлер, выпучив глаза. – Я ж знал, что она живёт в Баффало, но я думал, что она стала отшельницей, – парень потряс головой, – Я нигде её не встречал.

Я собиралась сказать, что только из-за того, что он нигде её не видел – да и где, в магазине? на заправке? – не значит, что мама стала отшельницей. Но я решила промолчать.

– Она профессор в университете Баффало, – сказала Тесса. – Скульптор.

– Так, стало быть... – казалось, что Тайлер делал какие-то вычисления у себя в голове, после чего взглянул на меня. – Так это из-за тебя группа распалась?

– Что? – на другой стороне лужайки я заметила нашу подругу Эви, стоящую на стуле и исполнявшую танец под мисс Свифт.

– Мэг же родила? – продолжил Тайлер. – И на этом пришёл конец группе.

– Она родила её сестру, говнюк, – сказав это, Тесса обернулась посмотреть на меня.

– Возможно, это было и из-за меня. Может, я стала последней каплей, – я наклонилась к уху Тессы и прошептала: – Ну и язычок у тебя сегодня.

Подруга пожалала плечами.

Но Тайлеру всё равно было не до Тессы. Он снова откинулся на спинку своего шезлонга и посмотрел на меня так, словно собирался сказать нечто очень серьёзное.

– Твоя мама с кем-нибудь встречается? – спросил он.

Я усмехнулась в ответ и спросила:

– А что? Дать тебе её номер?

Бэн рассмеялся, а Тайлер, улыбаясь, пожал плечами.

– Может, и дать, – парень звонко поставил бутылку на землю. – Вообще-то я просто хотел уточнить, встречается ли она с каким-нибудь музыкантом? – он подался вперёд. Наверное, надеялся на какую-то историю.

– Нет, – сказала я. – Она вообще ни с кем не встречается. И ей не очень-то хочется общаться с людьми из её прошлой жизни, так что никаких историй.

Поразмыслив над информацией, блондин сказал:

– Может, она лесбиянка.

– Тайлер, – улыбаясь, спокойно произнес Бэн, но в голосе было слышно предупреждение.

– Она не лесбиянка, – сказала я, покачав головой. Я подумала о том, что сказала бы мама, если бы была здесь, или, скорее, чего бы она не сказала. Наверное, женщина бы просто откинулась на спинку стула и слушала бы всё с ехидной улыбкой на лице.

– А что, – продолжил Тайлер, пожав плечами, – нет ничего плохого в том, чтобы быть лесбиянкой.

– Вот тётя Фиби, Кит, – лесбиянка, – произнесла Тесса задумчиво, словно пытаюсь меня морально поддержать. – Как и моя двоюродная сестра Кристи, – взглянув на подругу, я дала понять, что это не имеет отношения к делу, и снова повернулась к Тайлеру.

– Конечно же, нет ничего такого в том, чтобы быть лесбиянкой, – сказала я. – Но моя мама – не такая. Просто ей не нужен постоянно мелькающий перед глазами мужик, – я склонила набок голову. – И теперь понимаю, почему.

Тайлер вскинул вверх обе руки, выставив ладони, как бы говоря «как скажешь».

– А может, ты знаешь кого-то из детей других рок-знаменитостей? К примеру, Фрэнсис Бин?

– А, ну, естественно, – ответила я. – У нас есть свой маленький клуб. Мы собираемся раз в месяц, а Фрэнсис Бин постоянно приносит колёса.

Бэн встретился со мной глазами, покачал головой и произнес одними губами: «Прости».

Я даже не особо понимала, какой наркотик называли «колёсами», да Тайлеру это было и не нужно.

Именно тогда вновь раздался вопль павлинов – вселяющий ужас крик, похожий на человеческий.

– Это из зоопарка или кого-то зверски убивают? – я обернулась к Тессе. – Ну, же, пора убираться отсюда, пока эти мокрушники сюда не заявились.

Подруга поставила своё пиво на железный стол и встала на слегка шатающиеся ноги.

– Уже уходите? – спросил Тайлер. Он всё ещё сидел, держась за подлокотники своего шезлонга, как король на троне. Я решила, что парень был не столько неприятным человеком, сколько чересчур самоуверенным и даже слегка забавным. Так что, раз уж Тесса хочет его, я бы с ним поладила.

– Уж лучше мы пойдём, – ответила я.

Бэн толкнул Тайлера в руку.

– Это всё ты, напугал их! Сделай что-нибудь!

– Фиби у нас босс, – произнесла Тесса, немного покачиваясь. – Вечно она босс.

Когда мы стали уходить, Бэн даже по-джентельменски встал. Казалось, что он хотел пожать мне руку или сделать что-то еще, но так и не сделал, зато мы обменялись бессмысленными жестами. Я почувствовала, как мои губы медленно расплылись в улыбке.

Мимо нас медленно проезжали машины, шурша и шаркая колёсами по асфальту. Было поздно, и в углу неба была заметна тонюсенькая ресничка луны, отворявшая дверцу в ночь. В холодном ночном воздухе было слышно лаянье морских львов. В холодном ночном воздухе был слышен лай морских львов. Мы шли быстро, молча, пока не подошли к светофору.

– Значит, парня с лакросса зовут Тайлер? – спросила я, когда сменился свет. Мы ступили на дорогу.

– Чего? – зыркнула на меня Тесса. – Нет. Парня с лакросса зовут Бэн.

И тут я почувствовала, как от ее слов мое сердце упало, словно к нему примотали медное грузило, а затем закинули подальше в море. Я видела, как оно кружилось в воде, видела проблеск металла, поймавшего свет луны при падении. Тогда я отвела взгляд от Тессы в сторону зоопарка. Сад с жирафами теперь опустел, став лишь участком зелёной травы. Он казался таким маленьким.

– А-а, – произнесла я Тессе, но про себя подумала «чёрт!»

И когда я думала об этом сейчас, то чётко осознавала, что уже тогда я почувствовала, что что-то назревало.

Уже тогда я догадывалась, что всё закончится плохо.

Глава 6

Мэг

Август 1991 года

Зайдя в квартиру, я закрыла дверь. Меня всё ещё трясло. Я надеялась, что Фиби, привязанная слингом к моей груди, этого не почувствовала. Малышка всё ещё спала, заснув на детской площадке, и не обратила внимания на стремительную пешую прогулку до нашего дома через два квартала. Хотя я скорее бежала, чем шла, чтобы поспевать за широкими шагами Кирена. Одной рукой он тянул меня, а другой держал Луну, и я видела, что ей не было страшно. Девочка улыбалась мне, свисая с плеча отца. Её волосы светились в лучах почти осеннего солнца, но это не могло успокоить бурю в моей душе.

По дороге домой мы не сказали друг другу ни слова – слишком быстро шли. Сейчас же Кирен усадил Луну в её игровой уголок, а затем подошел ко мне в другую часть комнаты.

– Где ты был? – спросила я. – Ты же сказал, что придешь в три.

Мужчина провёл рукой по волосам как расчёской.

– Интервью затянулось. Я звонил, но ты уже ушла, – ответил он и указал рукой на моргавший огонёк автоответчика, словно тот мог доказать его невиновность.

– Да, ведь мы договорились на три. Я вышла в два пятьдесят.

– Прости, Мэг. Я потерял счёт времени, – произнес Кирен и сел на диван. – Иди сюда.

Я аккуратно села, стараясь не разбудить Фиби в слинге. Мои неуклюжие движения из-за привязанной спереди малышки напомнили мне о беременности. О том состоянии, когда ты словно эдакий дирижабль на ножках, боишься на что-нибудь наткнуться, поэтому перемещаешься как танцовщица, принимающая мышечные релаксанты. Эта большая, светлая, просторная комната напоминала сцену, хотя в тот день мне совершенно не хотелось концертов.

Как только я увидела эту квартиру, то сразу влюбилась в неё: в вид из окна, в открытую гостиную, в кухню и спрятанные спальни. Но сейчас же мне вспомнилось первое впечатление от

квартиры: пустота. Она была с голыми стенами – такой мы впервые увидели её, следуя по пятам за риэлторшей в чёрных капронках и на высоченных каблуках. Я была на пятом месяце беременности, на мне была короткая юбка и фланелевая рубашка Кирена. Помню свое отражение в зеркале ванной, и то, как смотрелись мои тяжёлые ботинки на гладком деревянном полу. Всего в двух кварталах, прямо за суши лавкой, располагалась наша любимая пиццерия. Мы частенько наведывались туда, еще, не будучи богатыми и знаменитыми.

– Отсюда до «Сакуры» меньше пяти минут быстрым шагом, – сказал тогда Кирен, обнимая меня руками и зарываясь лицом мне в шею, а затем усмехнулся. – Сойдёт за решающий фактор?

– Вполне, – ответила я. Также подкупал вид из окна на реку, переливавшуюся синим сапфиром и сверкавшую как битое стекло. И, конечно же, увиденная мной из такси детская площадка, где однажды будет бегать и играть мой ребёнок.

С которой мы только что вернулись.

Мы пошли на детскую площадку, потому что я хотела, чтобы Луна покаталась на горке. Девочке было два года, а она так ни разу и не бывала на детской площадке. Я хотела покачать дочь на качелях, и чтобы она узнала, какими прекрасными бывают последние летние деньки.

И всё было действительно замечательно... поначалу. Кирен опаздывал, но меня это не удивляло. Единственными людьми, заметившими нас, были несколько подростков, шедших домой из школы. Какое-то время они просто сидели на скамейке и наблюдали, поэтому вполне могли догадаться, что это и вправду я. Мне было не трудно дать автограф в их тетрадях, когда ребята осмелились подойти, или улыбаться, когда они рассказывали мне про свои любимые песни с нашего нового альбома. Но после них появились два фотографа. «Фрилансеры», – подумала я, потому что те не сказали, на кого работали. Когда один из них попытался залезть своей камерой прямо в лицо Луны, я услышала, как она стала звать меня своим тоненьким испуганным голоском. В те секунды, когда я потеряла дочь из виду, я совершенно не могла дышать, будто кто-то сжимал мою грудную клетку. Будто в мире не осталось воздуха. Другой фотограф стоял в пяти футах от меня, закрыв лицо за камерой.

– Мэг! Можно нам посмотреть на малыша?

Я не сказала «нет». Вообще ничего не сказала, а просто постаралась ухватиться за Луну, но фотограф не давал мне прохода.

– Уйди с дороги, – сказала, точнее, прорычала, я. Луна заплакала, и я смогла проскочить мимо и взять её за руку.

– Ладно тебе, Мэг, – сказал тот фотограф, продолжая щёлкать камерой. – Всего несколько снимков.

Я притянула Луну к себе, как вдруг из ниоткуда появился Кирен и подхватил её на руки. На долю секунды он замер перед фотографами, пока они сверкали вспышками, после чего взял мою руку.

Вспомнив это, во мне начала закипать былая злость.

– Ты им позировал, – обвинила его я.

– Не будь смешной, – отмахнулся Кирен. – Я не позировал, а остановился. Попытался сообразить, куда идти.

– Да куда угодно надо было идти. От них надо бежать.

– Я пытался, – оправдывался Кирен, но я покачала головой.

Сидевшая на полу Луна делала вид, будто читает книгу с фиолетовым енотом на обложке.

– Могло произойти всё, что угодно, – сказала я, чувствуя подступавшие слёзы. – Мне было страшно.

– Мэг, это были фотографы, а не какие-нибудь маньяки.

– Они вели себя как маньяки, – парировала я.

Кирен положил свою руку на мою, но я высвободила её.

– Что, если это было ошибкой? – спросила я.

– Что именно?

– Всё это. То, что думали, что сумеем сохранить и «Shelter», и семью.

Я покачала головой и положила ладонь поверх тёплой пушистой головки Фиби. Малышка всё ещё спала.

– Я не хочу, чтобы девочки так росли.

– Зай, это было всего один раз, – сказал Кирен. Он взял меня пальцами за подбородок и посмотрел прямо в глаза.

– Ну, да. И именно в этот самый раз Луна впервые в жизни была на детской площадке.

– Она это не запомнит, – сказал он. – Мы отведём её туда ещё раз, и всё будет хорошо. Сегодня просто не повезло.

За неделю до этого мы были в Чикаго, пели на фестивале у озера, где был наш первый концерт с тех пор, как родилась Фиби. Ранним вечером мы играли в свете утомлённого солнца, и я очень старалась, но мой голос скрипел, а дыхание сбивалось. Когда мы вернулись в отель, девочки уже спали. Как и Кит, растянувшаяся на двуспальной кровати рядом с Луной. Я не стала её будить.

Утром мы все завтракали блинчиками с черникой и дыней в гостиничном ресторане. Я заметила пару девушек за столом позади нас, лет двадцати с небольшим. Они наблюдали за нами и шептались. Через несколько минут одна из них подошла к нам с листовкой фестиваля.

– Вы не дадите автограф? – спросила девушка.

Я ничего не сказала, но постаралась улыбнуться.

– Конечно, – сказал Кирен и взял у нее ручку. Он черкнул своё имя через весь лист, и передал ручку мне. Я расписалась ниже.

Луна наблюдала за происходящим.

– А ты не хочешь расписаться? – спросила девушка.

Девочка расплылась в улыбке и взяла в ладошку зелёный карандаш, которым недавно рисовала. Внизу листовки она вывела петлеобразную закорючку.

– Спасибо, Луна, – поблагодарила девушка.

Я вздрогнула, когда услышала от незнакомки имя своей дочери, но этого никто не заметил. Девочка вернулась за свой стол, а Кирен – к своему завтраку. Мне же больше не хотелось есть.

– Уже приучаете? – спросила Кит, и в её словах была слышна улыбка. Я удивленно посмотрела на сестру, и она нахмурилась.

Кирен пожал плечами и произнес:

– Такова часть игры.

Я посмотрела на него.

– Наша жизнь – не игра.

– Это просто автограф, – сказал Кирен. – Цена за вход.

«Вход куда?» – хотела я спросить, но не стала.

Сидя сейчас в гостиной, я посмотрела на него и сказала:

– Ты любишь это, – он не взглянул на меня. – Ты любишь то, что нас везде узнают.

Кирен резко повернулся ко мне.

– А ты нет. Ты никогда это не любила.

В свете от окна я могла видеть шрам, который шёл вдоль линии его подбородка, тонкий, как шелковая нить. Во время семейного отдыха на полуострове Кейп—Код он упал с велосипеда. Ему тогда было шесть лет. Эту историю мне рассказала его мать в нашу первую встречу в том самом коттедже, посреди пляжа.

Я почти дотянулась до Кирена, чтобы провести пальцами вдоль шрама, а может, чтобы положить ладонь ему на плечо. Думаю, я хотела убедиться в том, что он всё также реален. Простой человек, а не рок-звезда. Не идол, а плоть и кровь.

Но он вдруг наклонился, чтобы взять со стеллажа свою гитару, и удалился в спальню. Фиби по-прежнему спала, прижавшись головкой к моей груди. Я чувствовала её дыхание, мягкое, как пушок одуванчика. Луна потянулась вперёд и выбрала новую книгу.

Чтобы заполнить пространство над диваном, мы повесили на стену нашу увеличенную фотографию, которую сделал наш друг Алекс. После того, как Кирен передал ее в журнал «Rolling Stone», Алекс увеличил и вставил фото в раму. На нем мы на сцене в Портленде, знакомим народ с альбомом «Sea of Tranquility». Мои волосы светятся ярким янтарным цветом, и я с довольной улыбкой смотрю через сцену на Кирена, а он – на меня, при этом его левая рука держит на гитаре аккорд соль мажор. Мы выглядим так, будто нам безумно весело.

Но здесь и сейчас, на диване, я уже не могла поверить, что всё это было на самом деле.

Глава 7

Небо над облаками было таким ярко-синим, что на него было больно смотреть, поэтому мне пришлось закрыть глаза и слушать гул самолетных двигателей, ощущая через кресло их вибрации. Я летала одна всего два раза, и последний – в феврале, чтобы посмотреть, как живётся Луне в большом городе. И как же мне нравилась анонимность: я могла быть кем угодно, сидя у иллюминатора со стаканчиком апельсинового сока со льдом, пустым пакетом от крендельков и салфеткой. И кроме моих предпочтений в еде больше ничего и никого здесь не волновало.

На полпути в Нью-Йорк, когда виртуальный самолет на мониторе переднего кресла поворачивал на юг – где-то в районе Бингемтон – я достала журнал, хоть и обещала себе не делать этого. Да уж, довольно странно было носить с собой такое старое издание. Будто я какая-то путешественница во времени: прибыла из 1994 года и села в самолёт, предварительно забежав в туалет, чтобы стереть с губ тёмно-бордовую помаду.

Первый раз мы с Тессой увидели издание на веб-сайте журнала «SPIN» в архиве обложек, по соседству с другими выпусками, на которых красовались «Jane's Addiction», «Weezer» и Курт Кобейн, ещё живой (октябрь 1993 года), и после его смерти (июнь 1994 года). Там же была моя мама, такая молоденькая, красивая, но чужая. Для меня этот журнал стал вещественным доказательством того, что мои родители когда-то были вместе, что они вообще существовали и даже сотворили что-то вместе, помимо нас с Луной. Во времена расцвета их группы интернета ещё толком не было, поэтому на сайте нам удалось раздобыть ничтожно мало информации. Да и вообще, мне хотелось держать что-то материальное в руках, что-то, что существовало в одно время с музыкой родителей. Как настоящий антрополог я нуждалась в артефакте той, давно вымершей цивилизации. Поэтому мы около часа рыскали по интернету, но всё же нашли печатный выпуск и купили его с помощью кредитной карточки папы Тессы, которую тот дал ей на всякий случай. Если это и не был тот самый «всякий» случай, то каким он вообще должен быть?

И вот журнал лежал на выдвигном столике, а я пальцами старалась разгладить его смятую обложку. Таким он пришёл – уже немного испорченным, хоть и вложенным в картонный конверт, с указанными на нём моим именем и адресом. Поверх плеч и макушек участников группы были напечатаны разные заголовки. Взгляды почти у всех были сфокусированы на чём-то в отдалении, только отец смотрел прямо в камеру. Мы давно с ним не виделись, но я знала его лицо. Несмотря на пролетевшие двадцать лет, я была уверена, что внешне он не изменился:

довольный, невозмутимый, будто бы знал что-то, чего не знала я. Как написать хит, к примеру. Или как уйти и не вернуться.

Мама была совсем не такой. Она, к примеру, запросто могла сделать вид, что не являлась Мэг Феррис, той самой рок-звездой. Какой-нибудь парень мог подойти к ней на рынке возле лотка с морковью – той, что без ГМО, с ботвой! – и сказать: «Привет, а ты не Мэг Феррис?». И мама начинала чётко следовать заранее продуманному сценарию.

Специально для таких ситуаций она довела до совершенства смену выражений лица. Для начала: «Кто, я?», после чего: «Да сколько можно!», а затем: «Ну, да, да, но она не я! Спасибо за комплимент, дружище!». Всё выступление занимало около десяти секунд, а потом она говорила: «Да мне все говорят, что я похожа на нее. Хотелось бы!». Она ослепительно улыбалась, а бедный парень начинал смущаться, держа в руках пакет с помидорами или домашним чеддером, в итоге сдаваясь: «А, ясно», и медленно шел прочь. Или мог нарочито весело сказать: «Обознался!», и оба начинали смеяться странным неестественным смехом, свойственным никудашным актёрам. Ещё могла появиться жена этого парня или подруга, чтобы утянуть его за собой к латке с зеленью. Может, маме и было сорок два, но выглядела она ого-го как. После всего этого Мэг Феррис «под прикрытием» торжественно оборачивалась на меня, как будто рассчитывая на бурные аплодисменты.

Каждый раз я думала о том, чтобы сказать правду случайно встретившемуся фанату, просто чтобы посмотреть на мамину реакцию. Именно поэтому было странно, что я до сих пор этого не сделала, хотя у меня был шанс, прямо здесь. Пока я была в самолёте, а она – на земле.

Моей соседке – женщине в длинном строгом платье бирюзового цвета и сандалиях на высоком каблуке – я дала бы лет тридцать восемь. Когда самолет начал разгоняться на взлетной полосе, женщина угостила меня жвачкой, но пока это было «потолком» нашего общения. Зато, заметив мой «SPIN», соседка чуть слышно ахнула, и я почувствовала, как сами собой в голову полезли лживые оправдания, словно из тайника семейки Феррис.

– «Shelter»! – воскликнула женщина. – Я обожала эту группу. Это же их старое фото?

– Это старый журнал, – сказала я. Из всех историй, крутившихся в голове, я, наконец, остановилась на одной. – У моего отца много таких.

– Клёвый отец, – ответила женщина и слегка наклонилась, заговорщически глядя на меня. Я пожалала плечами и улыбнулась.

– Я была так потрясена из разрывом, – сказала она. Я не знала, имела ли она ввиду группу или моих родителей. – Мэг Феррис была такой отвязной девчонкой, а Кирен – таким очаровашкой, – женщина понизила голос до громкого шёпота. – Я ревновала его к ней. Почти ненавидела Мэг. Меня послушать, так я говорю, будто мне снова шестнадцать лет, – погрузившись в свои мысли, она трясла своим стаканчиком со льдом как маракасой, а затем поставила его на столик.

– Я — Джессика, – представилась она. – Можно? – она протянула руку. На них был идеальный маникюр, каждый ноготь – узкий овал, покрашенный в кораллово-розовый цвет. При их виде мне стало стыдно за свой обсыпавшийся золотой лак.

Я дала ей журнал, и Джессика принялась листать его в поисках той статьи.

– Семьдесят седьмая страница, – подсказала я ей.

Она кивнула, не придав значения тому, что я это запомнила.

– О, Господи, – она вернулась к обложке, чтобы проверить дату издания. – Не могу поверить, что прошло уже двадцать лет.

Джессика прикрыла руками рот, а затем потрогала щеки, будто думала, что сможет найти там другое лицо.

– Ты же слышала их музыку?

– Ага, – ответила я. – Мне нравится «Sea of Tranquility».

– Он лучше всех! Мой любимый альбом. И песня, – женщина нашла статью и полностью раскрыла журнал у себя на столике. Там была фотография с обложки альбома: тёмно-синий фон с затемнённой луной в центре.

– О, Господи! – она повернулась ко мне. – Моей любимой песней была «Still». Ты её знаешь? – она начала напевать её с закрытым ртом.

Я кивнула и бросила взгляд на спящую пожилую даму, что сидела через проход на нашем ряду, немного напрягшись от мысли, что Джессика может вот так петь ещё долго. Но она перестала, исполнив лишь пол припева.

– Я купила новый альбом Кирена, – сказала она. – Он всё такой же классный. И симпатичный, – Джессика дотронулась до лица моего отца на фотографии. – А Мэг... Она давно пропала.

Какие-то секунды я обдумывала её слова. Смотря, что подразумевать под словом «пропала». Конечно, я крайне редко слышала, чтобы мама пела, и даже когда доводилось, она всегда делала это в другой комнате. Прямо как та птица, что считалась вымершей, и чья песня рикошетом отражалась в листве деревьев по всему лесу. Но стоило только приблизиться, как та успевала замолкнуть.

– Она теперь художница, – сказала я Джессике. – Работает по металлу. Скульптура и ювелирное дело, – я не стала говорить ей, что часть её работ была на мне: тонкий серебряный браслет-цепочка на запястье, правильной геометрической формы серьги-гвоздики в ушах. Ничего такого, что пришлось бы снимать перед детектором металла в аэропорту, и всё же с собой. Пару лет назад журнал «Rolling Stone» хотел напечатать крошечную статейку о маминих скульптурах в разделе типа «Куда делись бывшие звезды?», но Мэг отказалась от интервью. Но они всё равно всунули его анонс и фотографию с наружной выставки Олбрайт-Нокс под заголовком «Певица «Shelter» делает скульптуры из металла». Они достали её фото, где она стояла на фоне пустой белой стены галереи, с сайта университета. Мама там выглядела очень официально. Чересчур серьёзная, но всё равно красивая.

Джессика обернулась ко мне:

– А ты хорошо о них осведомлена. И притом, что молодая! Твой отец их фанат?
«Хороший вопрос, – подумала я. – Так, да или нет? Не уверена».

Поэтому я пожала плечами и дала размытый ответ.

– Был когда-то.

Она понимающе кивнула.

– А ты и сейчас.

– В яблочко, – ответила я. Это была правда, хоть мне и приходилось сохранять свой фанатизм в тайне. Казалось, мама совсем не выносила звука своего голоса из магнитофона. Но я слушала «Shelter» через айпод, и только в наушниках. И лишь изредка я могла уловить в этих песнях женщину, которую знала. На короткие доли секунды.

Джессика откинулась на кресло, держа перед собой журнал, и у меня в голове мелькнула мысль о том, чтобы рассказать ей правду. Женщина, возможно, поверила бы мне, если бы внимательно посмотрела на фотографию моей матери: у нас были одинаковые сине-зелёные кошачьи глаза, одни и те же скулы. Правда, уж кто действительно был похож на неё, так это Луна. Рассказав ей правду, я подарила бы ей историю, которую она отнесла бы туда, куда направлялась, а я стала бы знаменитой на каких—то нескольких минут, пусть всего лишь как дочь. Но тут подошла стюардесса и велела мне убрать под ноги сумку, и Джессика протянула мне журнал.

– Спасибо, – сказала она. – Ничто так не заставляет чувствовать себя молодым и старым одновременно, как воспоминания, – она достала из косметички, лежавшей на коленях, помаду и стала без зеркала красить ею губы, да так быстро, будто делала это уже тысячу раз. Почувствовав, как нос самолета опустил по направлению к земле, я повернулась к иллюминатору. Теперь вместо облаков я могла увидеть воду – широченный синий Атлантический океан – и изгиб береговой линии Лонг-Айленда.

Самолёт медленно спускался с неба, а я смотрела на обложку журнала с маминой фотографией. Если бы я захотела рассказать историю, то с чего бы начала? «Мама назвала нас обеих в честь луны», – сказала бы я. «Она пыталась создать для нас свою вселенную в прошлой жизни, но потом что-то заставило её всё поменять. Наш отец продолжил писать музыку и остался в Нью-Йорке, будучи знаменитым. И, в конечном счёте, почти три года назад, он просто перестал звонить».

Аэропорт становился всё ближе, как и Луна. Где-то там внизу, в его залах с огромными окнами, она наносила на губы блеск, читала книгу, напевая песню и слушая свой айпод.

Она ждала... меня.

Глава 8

Мэг

Апрель 1997 года

Стоило нам подъехать на такси к дому, как в автокресле проснулась и потянулась Луна, вытянув из-под покрывал крошечный кулачок. Томас, наш швейцар, открыл для меня дверь и впустил в салон весенний ветерок.

– Миссис Фэррис, – мужчина обращался ко мне так, несмотря на многократные просьбы называть меня просто Мэг. – Добро пожаловать домой, – он посмотрел на дочку. – Привет, малышка.

– Мы назвали её Луной, – сказала я, отстёгивая её от кресла.

– Красавица, – произнес Томас.

Он подал мне руку, и я, подхватив Луну другой, согнутой в локте, рукой, выскользнула из машины. Девочка казалась лёгким перышком, и я вдруг поняла, что никогда не держала вот так детей в реальной жизни. Да вообще никогда! После того как родилась моя сестра – мне тогда было три года – точно никого. И то, я тогда держала её под надзором взрослых, сидя на диване с подложенными под руку подушками. Я даже не помнила этого, но видела на фотографиях.

Кирен уже вышел из машины с другой стороны и, стоя на обочине, протянул ко мне руки. Я неуклюже передала ему кроху, поддерживая обеими руками, пока не убедилась в надёжности его объятий. Он приподнял Луну, показывая ей дом.

– Вот тут мы и живём, – сказала Кирен. Мы стояли в тени дома, но малышка всё равно моргала от света. Муж посмотрел на меня и прислонился губами к уху Луны. – Твоя мамочка напишет о тебе очень много песен.

Краем глаза я кого-то увидела и напряглась, думая, что это фанат или, того хуже, фотограф. Но это оказалась пожилая женщина с чересчур прямой спиной в костюме от Шанель – одна из тех дам из Нью-Йорка, что чаще встречаются в районе Верхнего Ист-Сайда, нежели в Уэст-Виллидже, где жили мы. Я была уверена, что она не имела ни малейшего представления о том, кем мы были, но всё же она остановилась на тротуаре рядом с нами.

– Какая красивая малышка, – сказала она. На ней были панорамные солнцезащитные очки, которые женщина ненадолго спустила вниз. Её глаза были синими и влажными.

– Спасибо, – ответила я. Было чувство, будто я только что прошла тест.

– О, да, – сказал Кирен, – разве не красotka?

Мы все кивнули. Я, женщина и Томас. Мы все улыбались.

Какое-то время женщина стояла на тротуаре, глядя на нас. Казалось, будто мы позировали, но рядом не было никого с фотоаппаратом, потому что никто не знал, где мы живём. Пока.

– Любите её столько, сколько понадобится, – сказала женщина. – Но не слишком сильно, – она подняла вверх свой указательный палец. – Вот в чём секрет.

– Я постараюсь, – сказала я.

Она кивнула.

– Да тебя шатает, а ты даже не держишь её, – сказала женщина, и тут я поняла, что она права. Три дня с ребёнком, а я уже не могла стоять так, как раньше, спокойно. Словно в моих костях заплутала какая-то новая музыка и теперь пыталась выбраться наружу.

Женщина улыбнулась и сказала:

– Думаю, у вас всё будет просто чудесно, – и она пошла своей дорогой. И тут Луна принялась вопить, резко вскрикивая тоненьким голоском. Подобно сирене, прорезывавшей безмятежную ночную тишь. Кирен протянул дочку мне.

Я взяла Луну на руки, и дочка замолчала. На секунду, за которую она крепко зажмурилась и открыла рот, чтобы издать новый оглушительный визг.

– У неё твои лёгкие, – сказал Кирен.

Внутри меня назревала паника, но он взял меня за руку, и я стряхнула напряжение. Взглянув на мужа, я перевела взгляд на дом, в котором мы жили, потом на крышу и, наконец, на небо.

Кричи до самых облаков, детка. Пусть весь мир узнает о твоём появлении!

– И впрямь, – ответила я, крепче сжимая Луну в руках.

Глава 9

Луна стояла в зоне выдачи багажа, прислонившись бедром к металлическому ободу конвейера, и не сразу меня заметила, поэтому у меня было несколько секунд, чтобы рассмотреть сестру. С мая её волосы отросли и теперь струились по плечам тёмными блестящими локонами. Луна была одета в черное платье без рукавов и золотистые сандалии-гладиаторы на плоской подошве со шнуровкой вокруг лодыжек и пальцев. С её левого запястья свисали тонкие плетеные ленточки, наподобие фенечек, и несколько пластмассовых браслетов. Никакого металла. Ничего «от мамы». Я изучала лицо сестры в поисках хоть каких-либо изменений за те несколько месяцев, что мы не виделись, но в целом девушка выглядела так же. Если и было что-то новое, то я этого не заметила.

Распознать настроение Луны всегда было сложной задачей. Если сестра молчала. Больше всего о ней говорил её голос. По мне так сестра была громковата, при этом её голос можно было сравнить с только что сваренной домашней карамелью: теплый, золотистый и сладкий, в смысле глубины и бархатистости его звучания. На протяжении тех двух лет, что мы учились вместе в школе Сэнт Клер, я всегда сначала слышала её и только потом видела, что стало одной из причин, почему я сразу чувствовала себя там как дома.

В первый день учебного года Луна, будучи одной из старост одиннадцатых классов, встала рядом с баннером в школьном спортзале, чтобы перечислить имена закрепленных за ней девятиклассников. На ней были обтягивающие джинсы и футболка с надписью «Сэнт Клер». Моё имя сестра приберегла напоследок, а я то всё переживала, что не попаду к ней. Но, дойдя до меня, она сказала так громко, насколько могла, не срываясь при этом на крик:

– Фиби Фэррис – это моя сестра!

Благодаря такому родству, я сразу стала знаменитостью, потому что всем этим взволнованным четырнадцатилеткам в тот день стало ясно, что с Луной стоит дружить. Весь школьный год голос сестры раздавался эхом в коридорах, и я могла слышать его из своего класса, или находясь на мраморных лестницах пролетом ниже. Луна всегда была где-то поблизости.

Она пела в хоре, и, проходя мимо класса музыки по дороге на обед, я всегда слышала её голос среди прочих. Я представляла его у себя в голове в виде золотой нити, тянувшейся сквозь совершенно обычный ковёр. Вот что отличало её, вот что позволяло ей делать всё, что она хотела. Позднее я тоже стала ходить в хор, потому что по нему было легче получить зачёт, но мой голос был заурядным – тихим и невыразительным. Не золото, не серебро, и даже не тусклая бронза. Мне не досталось ничего из того, что было у всех остальных в моей семье.

И вот сейчас в ярко освещённом просторном зале аэропорта наши взгляды встретились, и Луна направилась ко мне. Она обогнула еврейскую семью с четырьмя детьми, державшимися за руки в один ряд. Крайняя самая маленькая девочка лет двух протянула руку, пытаясь дотянуться до куртки Луны, проходившей мимо. Сестра улыбнулась малышке, на секунду притронувшись пальцами к её каштановым кудряшкам, и пошла дальше.

– Фифи, – сказала Луна, разводя руки в стороны для объятий.

Так она называла меня в детстве, ведь именно так сестра могла произнести моё имя в два года, когда я только родилась. Пару лет назад она в шутку вышила его красивыми буквами слева от V-образного выреза на моём темно-синем свитере от J.Crew. Я до сих пор иногда носила его.

Луна крепко сжала меня, и на те несколько секунд мне стало трудно дышать.

– Там вообще-то буква «б», – сказала я ей в плечо. Сестра пахла цитрусом и сладким миндалём. – Ты забыла про неё.

– Биби? – она отступила назад, улыбаясь. – Ты поменяла имя?

Я закатила глаза.

– Ага, решила вспомнить молодость.

Увидев свой чемодан, я наклонилась и стащила его с конвейера. Багаж был тяжелее, чем я ожидала, а колёсики издавали такой страшный грохот, когда катились по полу, что кто-то даже оборачивался на меня.

– Поехали на «Эйр Трэйн», – предложила Луна и пошла вперед. – Сэкономим на такси, а вечером ходим в индийский ресторан.

– Хорошо, – согласилась я.

– Но предупреждаю, что у него только название такое гламурное. Я про «Эйр Трэйн», – сказала она, рисуя в воздухе кавычки. – Большую часть времени мы будем тащиться по болотам Квинса.

– Как мило.

Я следовала за сестрой, пока она шла, следуя знакам, и вот мы вышли на платформу станции Эйр Трэйн, где спокойный голос объявлял о прибывающих поездах.

– Хочешь перекусить? – спросила Луна. Она вытянула из своей сумочки дезинфектор для рук и выдавила несколько капель себе на ладонь.

– Не помешало бы, – ответила я, взяв у неё дезинфектор. – Но после твоего вопроса я чувствую себя пятилетней девочкой.

– Милашка Фифи, – сказала Луна, поглаживая меня по голове. Она передала мне пакет, на котором было что-то написано по-корейски.

– Что это? – спросила я.

– Вымороженная зелёная фасоль. Совсем подсела на них. Беру их на крутом азиатском рынке рядом с местом, где мы репетируем. Постоянно хожу туда.

Я взяла несколько фасолин и раздавила их зубами. Они были неплохи – сладкие и похожие

на траву. Тут я поняла, что зверски голодна, несмотря на лёгкое волнение от перелета и от того, что оказалась в новом месте.

Я прислонилась к стене спиной и вынула телефон, чтобы отправить сообщение: «Я здесь». Почти мгновенно телефон прожужжал в ответ: «Не шутишь?». Я улыбнулась.

Пока мы ждали нашего поезда, я написала ответ: «Похоже на правду».

Луна смотрела в свой телефон, поэтому я достала из своей сумки упаковку «M&M» и бросила её к ней на колени. Её лицо просияло.

– О, – сказала она. – Шикуюем.

Это было моё первое подношение Королеве Луне. Вот бы это всегда было так просто.

Если честно, то если бы у неё был алтарь, то мы все стояли бы возле него для того, чтобы пачками сжигать в нём «M&M». Для того, чтобы набирать эти сладкие разноцветные бусины в пригоршни и самозабвенно бросать их в огонь.

Глава 10

Выбравшись в город со станции Бороу Холл, что в районе Бруклин Хайтс, мы словно очутились в другой стране. Здесь пахло раскалённым асфальтом и пережжёнными крекерами, и у меня в животе урчало, несмотря на зелёные бобы сестры и «M&M». Ярко светило солнце, отражаясь от проносющихся мимо машин и ровного белого бетона, устилавшего площадь. Луна знала, куда идти, поэтому я следовала за ней, таща за собой «слона на колёсиках». Пока мы ждали зелёный свет на перекрёстке с Корт Стрит, рядом с нами остановился автобус. От него шёл такой мощный поток воздуха, словно на нас дышал гигантский дракон. Как же стало хорошо, когда он уехал, хоть мы и остались наедине с жарой и безветрием. Казалось, моя кожа уже вся покрылась песком от уличной пыли, но мне было все равно.

Солнце так пекло, что даже подошвами босоножек я могла ощущать тепло асфальта. Мой чемодан отстукивал ритм, перебегая трещины тротуарных плит: бррррррррррр-бум-брррррррррррр-бум-брррррррррррр-бум. Пройдя ещё несколько блоков от Бороу Холл по Корт Стрит, Луна свернула в лиственный переулок. На углу находился книжный магазин, и, проходя мимо него, я разглядела в нём детей двенадцати-тринадцати лет, поглощённых чтением книг у стоявшего рядом с окном стеллажа.

Мы с Луной зашли в тень, и я смогла увидеть наше отражение в зеркалах витрин. Я посмотрела на себя, оценивая, хорошо ли я смотрелась на улицах большого города рядом с Луной. По-моему, я смотрелась хорошо. Наши волосы были почти одного темно-каштанового цвета, а кожа — одного оттенка цвета слоновой кости. Если бы вы мельком взглянули на нас, а ещё лучше — на наше отражение, то вы, скорее всего, не смогли бы нас различить. В реальной жизни вы бы поняли разницу. От Луны исходило больше света и блеска, чем от меня. У неё была идеальная осанка, и она смотрела всем прямо в глаза.

Я отвернулась от окон.

– А прикольный книжный магазин на углу, да? – сказала я.

Луна кивнула.

– Ага, там суперский кондиционер. Как-то на прошлой неделе я просидела там весь день из-за 35-градусной жары. А мой любимый магазин будет дальше по Корт Стрит. Я тебя туда потом отведу, – и она махнула рукой за спину, в сторону медленно волочившихся машин.

Луна остановилась посреди квартала напротив дома из тёмно-красного песчаника. Он был частью ряда из других таких же домов, соединённых вместе боковыми стенами. У некоторых из

них была веранда с каменной лестницей, но у этого дома перед входом был невысокий каменный парапет, доходивший до тротуара. Сверху шла ограда из кованого железа высотой в один фут, была и лестница, спускавшаяся к деревянной двери цокольного этажа. Несмотря на стоявшие возле неё мусорные баки, дверь всё равно казалась немного волшебной. Даже не знаю, почему. Может быть, потому что за ней была новая жизнь Луны.

– Шермехорн стрит, дом 14, – сказала Луна, произнеся как «Скиммехорн». Звучало то ли по-голландски, то ли завораживающе, то ли оба варианта. Сестра побежала вниз по лестнице, после чего отворила тяжёлую дверь и театральным жестом пригласила меня войти.

– Заходи, – сказала она и исчезла за дверью.

В доме было прохладно и темно, несмотря на скудные солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь мозаичное окно слева от нас. Мы немного постояли в небольшом квадрате фойе, возле деревянного столика с рассыпанной на нём кучей писем. Луна порылась в журналах и конвертах, чтобы, наконец, вытянуть из них издание «Rolling Stone». Она проверила этикетку на обложке.

– Мой, – сказала она, подняв его словно приз. И я тут же вспомнила о журнале «SPIN» в сумке, о его смятой обложке, о наших родителях, навсегда застывших в нём в миллиметрах друг от друга. Я хотела показать его Луне, но время еще не пришло. Сначала я хотела выяснить, что она думает о них, о родителях. Мне хотелось прощупать почву.

Квартира находилась на четвертом – последнем – этаже, на который Луна поднималась по лестнице так быстро и бодро, словно была той дамочкой из фильма «Звуки музыки», весело взбирающейся на гору. Ожидая, что она вот-вот запоёт что-нибудь швейцарское, я медленно поплелась вверх, оббивая чемоданом ступеньки за собой. Время от времени я посматривала вверх и видела её выше, чем то место, до которого, по моим расчётам, я могла бы подняться. Она утверждала, что тут всего четыре этажа, но тут явно был оптический обман, ведь мне казалось, что этажей тут в два раза больше.

Откуда-то сверху донёсся её голос:

– Прости за лестницу!

Я ответила что-то вроде «умпфффффф».

Добравшись до самого верха, я пыхтела как паровоз. Дверь, около которой лежал половик с надписью «Добро пожаловать, котёнок» и силуэтом усатой кошечки, была открыта. Я тащила свой чемодан через порог и увидела, что, по большому счёту, квартира представляла собой одну большую комнату с парой диванов и стульев в центре, а также книжными полками вдоль стен. На одной из них над квадратным столиком висели три гитары, а также концертные плакаты с группой «Vampire Weekend» и «Florence + the Machine», прикрепленные к стене фиолетовым скотчем.

Луна стояла в гостиной, скрестив руки и ожидающе глядя на меня.

– Добро пожаловать, котёнок, – произнесла я и стряхнула туфли, оставив их у порога, не забывая про обязательные в нашем доме правила. Мамины правила.

– Достался мне с квартирой, – сказала Луна. – Такой классный оказался.

– Я бы так не сказала. Хотя тёте Кит понравился бы.

Я сделала глубокий вдох. Сердце всё ещё неистово билось в груди.

– Зато не надо ходить в спортзал, – сказала я, – в смысле, можно совсем про него забыть.

Сестра улыбнулась:

– Лестница не так уж плоха, если не приходится по ней таскать пятидесятифутный чемодан.

– Который я и тащила.

Я приставила чемодан к стене.

– Точно. В следующий раз поменьше бери, – сказала Луна. – Ну, что, как тебе?

В мой первый визит Луна жила в студенческом общежитии Колумбийского университета – в комнате с двумя кроватями на четвёртом этаже – на Амстердам авеню. Я спала на полу между кроватью Луны и её соседки, пытаясь уснуть под игравший на повторе альбом «White Stripes» за стеной. Теперь всё было по-другому. Это было её собственное пространство, никаких других жильцов, если не считать Джеймса, с которым, полагаю, мне придётся считаться. Но он всё равно – другое дело.

– Мне нравится, – сказала я. – Похоже на тебя.

– Спальня – вон там. – Она показала на открытую дверь. – А вот тут ванная.

Я заглянула в спальню Луны, которая, очевидно, была также и спальней Джеймса. Дома её комната была бледно-фиолетовой с белым тюлем и сливовым шёлковым покрывалом из Индии. Луне также досталась бабушкина мебель из красного дерева, когда женщина переехала в дом престарелых. А мне досталась обида, которая стала только сильнее, из-за того, что мебель продолжала стоять в комнате Луны. А ведь домой она почти не навещалась. Здесь же её кровать была на низких ножках и без изголовья, для которого и места-то не было. Сама комната казалась довольно милой: стены, выкрашенные в тёмно-синий цвет, поблескивали, словно рябь ночного океана. Она была в меру маленькой и тёмной, чтобы казалось, будто попал в уютную пещерку. Из высокого гардероба – рядом с комодом – торчала одежда Джеймса: пара чёрных брюк и жемчужно-серая рубашка с воротником. Я не могла их не заметить, ведь шкаф стоял всего в полуметре от кровати.

Затем Луна показала мне кухню, которая была ничем иным, как уголком гостиной.

– Чтобы открыть духовку, придётся подвинуться, – что она и продемонстрировала, открывая дверцу духовки и отступая с реверансом в сторону.

– Ты же всё равно не готовишь? – я открыла один из узких кухонных шкафов рядом с раковиной и увидела, что он был весь заставлен коробками с сухими завтраками.

– Представь себе! – сказала она, после чего пожала плечами. – Мы часто готовим замороженные овощные бургеры. Думаю, это считается, – она выровняла бутылки со специями, стоявшие рядом с плитой. – Я учусь, – она слегка нахмурилась, – пытаюсь питаться правильно.

Она была влюблена в это место, это точно, даже, несмотря на лестницу до четвёртого этажа и миниатюрную кухоньку, словно из кукольного домика.

– Ты оставишь себе квартиру на время тура?

– Ага, мы хотим сдать её в субаренду. Одному профессиональному теннисисту из Англии, поверить только! – Луна улыбнулась. – Он такой хорошенький. Я, наверное, посылаю какие-то сигналы, раз привлекаю к себе англичан. Какие-то частоты, которые только они могут слышать. Наверняка, большинство наших соседей даже не заметят, что это не Джеймс, – она направилась обратно в гостиную. – Что было бы хорошо, потому что сомневаюсь, что нам разрешили бы её пересдавать.

Я села на диван. Он был широким, низким и немного неровным.

– Когда ты уезжаешь? – спросила я, чтобы прощупать почву. Я не сомневалась в том, что Луна продолжала собираться в тур, а не возвращаться к учёбе, но я хотела узнать, как она к этому относится.

– Шестнадцатого сентября. Где-то на три недели.

– Что ты будешь делать всё это время?

– У нас запланированы концерты в Бруклине и Хобокене. Один раз выступим на Манхэттене. Завтра вечером.

Она посмотрела на меня, склонив голову на бок.

– Я ведь тебе это говорила?

– Наверное.

Я скинула свою сумку на пол, и в тот же миг услышала, как телефон просигналил о полученном сообщении от мамы: «Как долетела? Как оно?».

Полагаю, она имела в виду квартиру. Не думаю, что их отношения ухудшились до того, чтобы мама начала говорить о Луне как о бесполом существе.

«Долетела прекрасно», – напечатала я. – «У Луны клёвая квартира. Хоть и без железных цветов. Но мы это исправим».

«Точно. Спасибо, что согласилась передать моё сообщение».

«Ну, да...»

Маме потребовалась минута, чтобы ответить, после чего телефон просигналил вновь: «Просто попробуй».

– О чём переписка? – спросила Луна.

– Ни о чём, – сказала я. – Мама послала тебе подарок и хочет узнать, передала ли я его тебе.

Я наклонилась к своей сумке, чтобы расстегнуть её и вытащить перемотанную скульптуру. Как и раньше, в руках она ощущалась тяжелее, чем казалась на вид. Вроде пасхального яйца, которое набили медными монетами. Я вручила вещь Луне.

– Железная? – спросила Луна, как только ощутила её вес.

Я пожала плечами.

– Думаю, так она идёт на мировую.

Сестра достала из ящика стола ножницы и принялась разрезать упаковку. Часть пузырьков принялась возмущённо лопаться, остальные же сохраняли спокойствие.

– То есть она больше не бесится? – спросила Луна.

– Я бы так не сказала.

Она улыбнулась, продолжая стягивать остатки ленты.

Я откинулась на спинку дивана. И вот сестра вынула из обёртки скульптуру, явив на свет растение из железа, которому, как ни странно, очень обрадовалась:

– Ого, круто!

Знаю, о чём она думала: одни шипы.

С минуту я молчала, покусывая губу и наблюдая за тем, как она разглядывает цветок.

– Думаю, мама просто испугалась, – сказала я.

– Вот уж не подумала бы, – Луна подняла глаза. – Испугалась чего?

– Не знаю.

В голове вертелась масса причин, и мне было сложно остановиться на какой-то одной.

– Что ты не вернёшься в университет? Что ты закончишь так же, как она? Ну, или злится по поводу всего сразу.

– Я не закончу так же, как она, – ответила Луна, глядя мне прямо в глаза. Она сжала губы. – Да и какая разница, она же вроде счастлива?

Хм. Хороший вопрос. Мама счастлива? Трудно сказать. Она кажется счастливой, но иногда грустит, и я точно не знаю, отчего.

Я взяла в руки свой телефон и написала смс: «Мы хотим разобраться друг в друге, подбирая ключи и пароли. Но наше счастье бывает случайным, и мы забываем дать чувствам волю». Отправив его, я положила телефон обратно в сумку.

Луна крутила в руках цветок-шестерёнку, поглаживая пальцами гладкие места под лепестками. Она покачала головой.

– Надо же, и как они пустили тебя с ним в самолёт, – она поставила его на кофейный столик.

– Я думала о том же.

Я ткнула ногой скульптуру, и она, скрипя, проехала по деревянному столу.

– Зато, если потребуется, может сойти за оружие.

Луна улыбнулась, кивая.

– Буду иметь в виду, а то ещё как-нибудь палку перегнёшь.

Ближе к концу её выпускного класса мама подарила школе Сэнт Клэр большую скульптуру. Тогда Луна попала на пропуске занятий: как-то раз, выйдя из дома спозаранку, она отправилась в Торонто на концерт «The Weakerthans» («Это мог быть их последний концерт!» – оправдывалась она). Поэтому ей пришлось отсидеть своё наказание по полчаса каждое утро в маленьком кабинете под неустанным надзором сестры Розамунды. Так как она подвозила меня в школу, мне частенько приходилось сидеть там вместе с ней – не болтаться же без дела до начала уроков. В те тридцать минут мы делали нашу домашку, так что это сложно было назвать наказанием. По правде говоря, мне нравилось это: сидеть с Луной в тишине и строчить ручками в тетрадах. Когда сестра Розамунда поглядывала на нас, Луна улыбалась ей во весь рот. Честно говоря, я не думала, что сестра Розамунда вообще сердилась на нас, но мама всё же использовала это как повод втюхать своё железо.

Скульптура отдалённо напоминала солнечную систему: большой серебряный шар в центре, окружённый сферами поменьше на разном отдалении, и все они были привязаны к центру тонкими полосками стали. Она была настолько большой, что водители могли видеть её с дороги, хоть и не в мельчайших деталях. Оттуда они могли разглядеть только то, как нечто тонкое и блестящее парило над газоном. А чтобы рассмотреть её получше, надо было свернуть в извилистый подъезд к школе. За те несколько месяцев, что скульптура стояла там, кто-то так и сделал. Люди выходили из своих машин, чтобы какое-то время постоять на краю газона и понаблюдать за тем, как солнечный свет задерживался на каждом изгибе скульптуры. После чего они возвращались к своим машинам и уезжали.

– Этакий космический корабль, привёзший с собой пришельцев, – сказала однажды Тесса, после того, как скульптура простояла там несколько месяцев. Подруга смотрела из окна класса математики на парня в футболке с надписью «Sonic Youth». Он пялился на скульптуру. Протягивая к ней руку, он осмотрелся, что выглядело так, будто до него вдруг дошло, что трогать её не стоит. Должна признаться, что мама творила что-то волшебное с металлом, что-то, что, казалось, выходило за рамки простой плавки иковки. Её работы были сделаны не просто из стали, а из материалов; не одной лишь плавкой, а силой.

Торжественное открытие школьной скульптуры состоялось в пятницу после занятий, и многие из наших с Луной подружек пропустили свои автобусы, чтобы присутствовать на нём. Монахини одели брючные костюмы и красивые туфли, при этом выглядели слегка смущёнными, но счастливыми. У подруг был тот взъерошенный вид, какой бывает в конце дня: расстёгнутые кофты, юбки закатаны выше разрешённой длины. Но они были в восторге, ведь это могло сойти за великое событие для Сэнт-Клэр, да и моя мама была вообще-то самой большой знаменитостью, кого они знали.

Меня же расстроило то, что «открытие» оказалось преувеличением: скульптура была открыта для обзора с самого начала. А я то представляла себе, как мама стянет с него, подобно фокуснику, белую простынь или, может, большой кусок брезента, похожий на тот, что был у нас в детстве на уроках физкультуры. Музыка тоже могла бы быть; камерный оркестр мог бы сидеть на стульях на траве и играть какую-нибудь мистическую мелодию. А проезжавшие на машинах люди сигналили бы нам.

Тем не менее, несколько машин нам побибикали, хотя, думаю, это были мальчишки из академии Делпа, ехавшие после школы домой. Как бы там ни было, казалось, что мама была довольна открытием. Сестра Розамунда толкнула небольшую речь («Мы так благодарны этому талантливому скульптору и выпускнице, а также матери двух наших блестящих учениц», –

сказала она, и Луна поддела меня локтем и прошептала: «Это каламбур такой?»). После чего подошла мама и встала с сестрой Розамундой напротив скульптуры, чтобы сестра Моника смогла их сфотографировать. Затем нас с Луной попросили подняться для ещё одной фотографии. Тесса и Эви гримасничали мне из толпы. После этого был приём в библиотеке, где мы все ели свежие овощи и пирог. В самый разгар мероприятия я заметила, что Луна пропала.

Мама разговаривала с Тессой и сестрой Лизой, единственной монашкой в нашей школе младше сорока, остававшейся загадкой для всех нас. Никто не видел, как я ушла. Я прошла по коридорам, таким тихим, что от моих шагов раздавалось эхо. Затем, миновав фойе с окнами из стекла яркого синего цвета, я вышла на улицу. От главного входа в школу вниз спускались два пролёта лестниц, и оттуда, с самого верха, я увидела Луну, сидевшую на лужайке перед школой, прислонившись к клёну. Она смотрела на скульптуру.

За минуту я спустилась по лестнице вниз, прошла по газону, и, дойдя до сестры, села рядом с ней в траву, скрестив ноги. Она молчала, поэтому я стала смотреть на машины, мчавшиеся мимо нас по Мэйн стрит и на светофор, сменившийся с жёлтого на красный, а потом на зелёный. И тогда она заговорила.

– Тебе никогда не хотелось иметь нормальную маму? – спросила Луна.

– Нет, – сказала я. Я даже не стала думать над ответом. Да я и не поняла, что она имела в виду.

– Ну, к примеру, маму адвоката, или доктора, или библиотекаря, или ещё кого, – она выдернула небольшой клочок травы и бросила его. – Учительницу старших классов.

– Мама и так учительница.

– Это не то же самое. Мама была знаменитостью, а сейчас нет, ну, или, может, чуть-чуть. Я говорю обо всей это кутерьме со скульптурой. Если ты не хочешь быть знаменитой, тогда просто не будь ей, так? – Луна посмотрела в сторону школы, словно она говорила это нашей маме, стоявшей в библиотеке с тарелкой в руке. – Но, видимо, не может она по-другому доказать, что она лучше всех.

Было удивительно слышать это от Луны и признавать то, что ей нелегко было уживаться с маминым талантом. Кстати, то, что чувствовала сестра по отношению к нашей маме, было похоже на то, как я чувствовала себя с Луной. Она всегда была ярче. Она всегда будет лучше меня во всём.

– Мама будет искать нас, – сказала я.

– Страшнее то, что сестра Розамунда будет нас искать, а мне нельзя снова злить её, – она приподнялась, сев на колени, и стряхнула с себя траву.

Луна встала и подошла к краю скульптуры. Стоя возле орбиты, она дотронулась до одной из самых маленьких сфер. Теперь в её руке была крошечная планетка.

Когда она отдернула руку, я почему-то рассчитывала увидеть в ней тот железный шар, но её ладонь была пуста.

Позднее, когда был съеден весь пирог и ушли все мои подруги и учителя, настало время и нам покинуть парковку: мама за рулём, я на пассажирском сиденье, Луна – на заднем. Мама немного сильнее, чем нужно, надавила на газ, и мы выехали в сторону Мэйн стрит.

– Может, мы и не в состоянии помогать школе деньгами, как эти семьи с папочками адвокатиками, – сказала она, – зато мы помогаем школе искусством! Получите, сучки! – она сделала многозначительный замах рукой в воздух.

– Это мы сучки или монашки? – спросила я, опустив голову на подголовник.

Мама обдумывала ответ.

– Думаю, это такой риторический оборот.

Я посмотрела назад в своё зеркало на козырьке и увидела, что Луна улыбалась, хоть и

старалась сдержаться. Она отвернулась к окну, но я всё равно могла видеть её.

В тот день в машине мы сидели как неаккуратно начерченный треугольник: углы между нами постоянно менялись, но потом возвращались к исходным градусам. Так было с нами и в жизни: мы всегда старались понять друг друга, даже, если, чаще всего, могли понять лишь наполовину.

Глава 11

Мэг

Сентябрь 1996 года

Сидя в одинаковых чёрных креслах из кожи и сложив руки на колени, мы ждали. Из окна гостиничного номера виднелось серое морозящее небо Сиэтла. До сих пор помню рисунок на обоях и силуэты четырёх тюльпанов с картины над кроватью. На столе между нами лежал тест на беременность. Уже использованный. Кит купила его в аптеке по дороге из клуба, где мы накануне настраивались, и принесла его мне завернутым в полиэтиленовый пакет.

Я взглянула на него ровно в тот момент, когда начал проявляться синий плюсик. Поначалу бледный, но становившийся всё отчётливее, подобно звезде, чья яркость нарастает на фоне темнеющего неба. Я взглянула на Кирена. Его глаза округлились. Он положил руку поверх моей и сжал её, и только в тот момент я осознала, что всё ещё сдерживаю дыхание. Резко выдохнув, я закрыла глаза, после чего снова открыла их. Плюсик был на месте, как и полностью шокированный Кирен. На месте были и те изящные красные тюльпаны в синей вазе. До меня донёсся голос, и лишь мгновение спустя я поняла, что он принадлежал Кирену.

– Чёрт!

Глава 12

Моя первая встреча с Джеймсом произошла в университетской столовой, обставленной красными виниловыми диванчиками и столами с закруглёнными углами. Луна привела меня туда перекусить яичницей и тостами. Когда же на тарелках остались лишь крошки и корки, появился он... и подъел их.

Джеймс оказался довольно симпатичным высоким парнем со взъерошенными русыми волосами и выразительными тёмными глазами. Одет он был в узкие джинсы и чёрную футболку. Войдя, парень сообщил нам, что у него только что закончилась пара по курсу «Воин в поэзии».

– После таких занятий тебе не захотелось отправиться на войну? – спросила я, разминая пальцами пакетик с сахаром.

– Нет, – ответил Джеймс. – После таких занятий мне захотелось съесть сырнй омлет.

И он заказал его себе у проходившей мимо официантки.

Джеймс миг очаровал меня. Он был милым, смешным и жутко умным. До двенадцати лет он жил в Лондоне, после чего переехал вместе с родителями—драматургами сюда, на Манхеттен. Вот почему за округлыми американскими гласными в ряде слов скрывался его роскошный британский акцент. «Большое значение имеет то, где я впервые услышал слово», – как-то сказал он мне, поэтому слова «геометрия» и «Бейонсе» звучали из его уст очень даже по-американски. Сидя за тем столом, я вдруг поняла, что была готова слушать Джеймса весь день.

В тот день Луна рассказывала про их планы собрать группу, а Джеймс воодушевлённо ей поддакивал. Они познакомились на концерте, проходившем в нижней части Манхэттена, и в конце вечера она вложила ему в руку свой номер телефона. Она написала его на клочке от

билета.

– Почему ты просто не вбила свой номер ему в телефон? – удивилась я.

– Как романтично! – ответила Луна. – Ты бы хотела, чтобы я сказала: «Джеймс, ты не против, если я впишу свой номер тебе в телефон на случай, если тебе захочется позвонить? – и она изобразила в воздухе, будто печатает цифры. – Издеваешься?

Ничего-то я не понимаю в любви.

– А ручку ты где взяла? – спросила я. Она закатила глаза и направилась к кассиру, чтобы оплатить чек.

Джеймс приезжал к Луне в Баффало в прошлом году во время её зимних каникул. Тогда же под его чары попала и наша мать. Оставшись все вместе дома в новогоднюю ночь, мы умяли целую кучу разных полуфабрикатов. Мы разогревали в духовке и греческую спанакопиту, и крошечные тарталетки, и слойки с вишней. И так далее в том же духе. Тем же самым мы занимались в новогодние праздники, будучи детьми, хоть нас и отправляли спать намного раньше. Мелкими мы встречали Новый год в шесть вечера – вместе с Парижем и Мадридом – или в семь, когда полночь наступала в Лондоне. Хотя бывали времена, когда мы праздновали в девять или десять часов вместе с приходом Нового года на просторы Атлантического океана. И только когда Луне было тринадцать лет, а мне одиннадцать, нас подпустили ближе к полуночи. Тогда мы смотрели фильмы, бесконтрольно поглощая заварные пирожные, и вырубались на диване после окончания трансляции по телеку праздничной церемонии. Иногда к нам приходила Тесса, если у неё получалось сбежать с вечеринки, ежегодно устраиваемой родителями. Чаше это случалось в те годы, когда они стали слишком шумными и буйными.

В прошлом году, когда Джеймс был у нас в Баффало, мы начали отмечать Новый год вместе со Стамбулом, Римом, Дублином и прочими столицами по ту сторону океана. Джеймс включился моментально, запев гимн Великобритании вместе с приходом праздника к англичанам, а потом начал придумывать странные песни про китов и кучи плавающего в океане мусора всё то время, пока Новый год не добрался до берегов нашего континента. Порой я замечала, как мама улыбалась Джеймсу. Лишь потом до меня дошло, что Луна всё это спланировала заранее. Она хотела расположить маму к Джеймсу прежде, чем та успела его возненавидеть, узнав о планах Луны бросить учёбу.

Дневное пекло начало сдавать позиции. Солнце уже скатилось за дома из песчаника, отчего казалось, что их крыши стали выступать, как поля у шляпы. Мы шли рядом, не оставляя на тротуаре теней. Я чувствовала небывалую лёгкость и в то же время волнение в ожидании того, чем закончится этот вечер.

На невысоком каменном парапете одного из домов стояла коробка с книгами, и Луна остановилась, чтобы в них порыться.

– Ты представить себе не можешь, чего здесь только не выбрасывают, – сказала она, перекладывая книги в новую стопку на парапете, чтобы добраться до дна коробки. – Да мы почти всю квартиру обставили ненужным кому-то добром. Может, кто-то побрезговал бы, но вещи реально хорошие.

Она достала книжку с потрёпанным переплётом – «Над пропастью во ржи», то же самое издание в красной обложке с жёлтыми буквами, что я читала прошлым летом для школы, – и положила её к себе в сумку.

– Просто, наверное, люди часто переезжают, а везти с собой кучу хлама никому не хочется. Да всё бы и не влезло.

Луна вернула остальные книги на место в коробку для порядка, и мы пошли дальше. Ресторан находился через квартал по той же улице. Помещение было тусклым, но уютным. Внутри оно освещалось свечами, отражавшихся в гобеленах с вплетёнными металлическими

нитями. Стены были окрашены в темно-красный цвет, а на столах лежали скатерти оттенка охры. Я набрала воздуха в грудь, вдруг осознав, как сильно нервничала, и как бешено билось моё сердце.

За столом сидел Джеймс в компании Джоша и Арчера. Мне уже доводилось с ними видаться: в феврале и раньше, в ноябре, когда The Moons только формировались. Вспоминая о той первой встрече сейчас – каких-то полчаса в кофейне возле университета – я могла лишь поражаться тому, насколько быстро к группе пришёл успех. Свой дебютный мини-альбом под названием «Clair de Lune» они выпустили под крутым в инди-индустрии лейблом «Blue Sugar», после чего ещё более крутой лейбл «Venus Moth» заинтересовался их следующими творениями. Но для начала хотел их послушать.

Все трое встали, как только мы подошли к столику.

– Какие джентльмены, – отметила я, взглянув на Луну.

– Как-то так, – она выдвинула для себя стул. – Почему бы вам, ребят, не вставать, когда я лишь в дверь вхожу?

– Это слишком часто происходит, – ответил Джош. – Ты вечноходишь и выходишь, будто шило в одном месте.

Луна закатила глаза и села, в то время как ко мне подошёл Джеймс, чтобы обнять.

– Кто в семействе Феррис самый маленький? – спросил он, сжимая меня так крепко, что мне оставалось только выдохнуть.

– Я не маленькая, – ответила я, как только он выпустил меня.

Потом я пожала руку Джошу, а за ним и Арчеру. Несмотря на то, что мы уже встречались, рукопожатия сопровождалась традиционной игрой в вежливость. Джош был афроамериканцем со светло-коричневой кожей и тёмными глазами. У него были настолько длинные и тонкие пальцы, что в покое они были похожи на руки скульптуры (но раз он ударник, значит это вряд ли). Что касается Арчера, то он был выше меня на полголовы, у него были тёмно-русые волосы, завивавшиеся в основании шеи, и глаза цвета морской синевы.

Я села между ними двоими, и, развернув салфетку, положила её к себе на колени. Просто от нечего делать.

– Надолго приехала? – спросил Арчер, слегка склонившись ко мне, и я почувствовала, как тоже стала склоняться к нему.

У меня резко пересохли губы, и мне пришлось мысленно запретить себе лезть в сумочку за бальзамом для губ.

– До вторника, – ответила я.

– Прямо как название той группы из восьмидесятых! – воскликнул Джош.

Я посмотрела на него. Он воодушевлённо кивал головой.

– Основной вокал – Эйми Ман.

– Мм, ага, – я улыбнулась.

– Он пытается впечатлить тебя своими энциклопедическими познаниями в музыке, – съехидничал Арчер.

– А ты думаешь, она не знает, кто такая Эйми Ман? – спросила Луна Джоша. – Наша мать – Мэг Феррис. Великий мастер учил нас.

Сестра покачала головой и поправилась:

– Мастерница.

Она ещё немного подумала.

– Она даже вроде дружила с Эйми.

Джош пожал плечами.

– Вопросов нет.

– Короче, как я уже сказала, мне нужно вернуться домой к началу учёбы.

– А я думал, ты немного старше, чем вся эта хрень, – сказал Джош, на что сестра издала резкий и громкий смешок, из-за которого пара за соседним столиком обернулась на нас.

– Простите, – сказала им Луна, улыбаясь во все свои идеальные белоснежные зубы, и их угрюмые физиономии в раз засияли улыбками. Неукротимые чары Луны Феррис снова сделали своё дело.

– Ей как минимум пятнадцать, – сказал Джеймс громким шёпотом.

Арчер ухмыльнулся, но от комментариев воздержался.

– Ха-ха, – сказала я одним словом, а вовсе не смеясь. – Это что, комеди-шоу «Луна и The Moons»? Заранее репетировали?

– О, да, круглыми сутками, – сказал Джош очень серьёзным голосом. – Так сколько же тебе, малютка Феррис?

– Можешь называть меня Фиби, – сказала я одновременно с Луной, прошептавшей: «Фифи», – прикрывая рот рукой.

– Семнадцать лет и три недели. Я уже не девятиклассница, а активистка выпускного класса.

– Прямо как я когда-то! – воскликнула Луна. – Мило. А ты помнишь первый день в девятом классе? Ты вся такая малепусенькая симпатяшка, прям куколка. А теперь – совсем большая стала.

И сделала вид, будто плачет в платок.

– Ага, помню, как ты тогда напугала всех моих одноклассников, раздавая свои приказания.

Это было преувеличением, но я хотела посмотреть, что на это скажет Луна.

– Так я хотела их вдохновить, – ответила Луна.

– Да, мальщ, ты это умеешь, – сказал Джеймс, глядя на неё. Хоть эта ремарка и была похожа на подкол, его слова прозвучали очень искренне.

– О-о-у-у, – пропела Луна, подаваясь вперёд, чтобы чмокнуть его.

Я повернулась к Арчеру.

– И как вы их выносите? – спросила я.

– Они обычно вполне сносные, – сказал он. – Мы пол лета провели вместе в фургоне. Так что успели друг другу надоесть. Ты для нас свежая кровь.

– Луна уже все уши нам прожужжала про тебя, – сказал Джош. – Неделями трещит, если не месяцами.

Я посмотрела на Луну.

– Серьёзно?

– Наверное, я просто очень обрадовалась твоему приезду.

Сидя здесь с Луной, сложно было не представить себе, как это могло быть у моих родителей. А выбирался ли «Shelter» в рестораны индийской кухни? Может, они и смеялись, как мы? Мама дружила с Картером и Дэном, ещё когда они были подростками, и они так хорошо ладили с отцом, что даже потом играли для его сольного проекта после распада группы. Единственный человек, кто мог бы знать наверняка – кроме моего отца – это тётя Кит, но я никогда не спрашивала её. Даже не знаю, почему. Когда Луна была совсем крохой и даже позднее – после того, как родилась я – тётя Кит сопровождала нас в турах группы. Присматривала за нами. На протяжении почти четырёх лет гастролей, по паре месяцев за раз. Луна говорила, что помнит то время отрывками: как спала в кровати отеля, как смотрела из окна нашего автобуса на шоссе, как слушала саунд-чек при неоновом освещении какого-то клуба. Я же ничегошеньки не помнила.

Однажды, когда мы навещали Кит в Вашингтоне, она показала нам несколько фотографий с выступлений. Пока мама была в душе, тетя разложила для нас по столу фотографии с первого

тура после рождения Луны. Он завершился на западном побережье. Те фотографии как будто были сделаны в последний момент, с привязанной к маминой груди крошкой Луной. Там же была и башня Спейс-Нидл, устремлявшая свой шпиль в облака. И перегруженный высотными зданиями горизонт города, мокрого от дождя. Паромы, дома, вода, всё было серым. Мама слишком рано вышла из ванной, поэтому мы успели лишь мельком посмотреть на фотографии, оттого они казались мне чем-то большим, чем просто фото. Они словно стали моими воспоминаниями, пусть меня даже не было на них.

За столом теперь шёл спор о том, какой из альбомов «Beatles» самый лучший. Джош и Джеймс считали, что «Revolver», Луна отстаивала мнение, что это «The White Album», а я смотрела на них с улыбкой на лице. Я взглянула на Арчера.

– «Let it be», – сказал он, но услышала только я. – Жаль, конечно, что они поругались и распались потом, но именно это сделало их такими великими, – парень улыбнулся. – Ладно, на эту неделю я свой выбор сделал, – он посмотрел на меня. – Этот спор слишком затянулся.

– Уважаю твой выбор, – сказала я. – Мне бы тоже было сложно выбрать между, к примеру, «I've Got a Feeling», «Don't Let Me Down» и «Let It Be».

Он кивнул. Да, я выпендривалась, желая доказать ему, что мне тоже есть, что сказать кучке заумных музыкантов. Луна действительно права: наша мама хорошо нас научила.

– Так что же ты делала всё лето? – спросил Арчер.

– Работала в кофейне, преимущественно.

Я перекатывала вилку между пальцами, отчего та постукивала по моей тарелке.

– Мама таскала меня по каким-то художественным музеям в районе Фингер-Лейкс. И в Торонто.

Я пыталась вспомнить что-нибудь из той поездки.

– Встретили там художника, который любит рисовать мамины стопы.

– Стопы? – удивился Арчер.

– Ну, да. По-видимому, у неё были красивые стопы, которые теперь стали просто стопами.

Не знаю, почему я заговорила об этом. От смущения у меня загорелись щёки.

– И всё же, большую часть времени в Баффало я провела за приготовлением латте.

– Я люблю латте.

– К латте претензий нет. Но когда делаешь его долгое время, оно перестаёт казаться чем-то, что предназначено для питья. Оно перестаёт казаться реальным.

Я опустила взгляд. По центру стола была постелена скатерть-дорожка, да так затейливо вышита, что мне захотелось спрятать её в надёжное место, где на неё точно никто не прольёт индийский соус. Я провела пальцем по вышивке.

– Когда я думаю об этом, то понимаю, что не таким уж реальным вспоминается мне это лето.

Арчер улыбнулся и сказал:

– Прекрасно тебя понимаю. Мне и сейчас всё кажется не совсем реальным.

Он посмотрел на меня, и мой пульс немного участился.

Краем глаза я увидела официанта, направлявшегося к нам с чайником с зелёным чаем, и отвела глаза в ту сторону, на чай. Когда парень поставил чайник на стол, я обрадовалась тому, что теперь мне было чем занять руки, и налила чашку, хоть и знала, каким он был горячим. Не знаю, какими силами, но я удержала себя от того, чтобы сразу сделать глоток.

Еда была вкусной, и я съела всё до крошки. Индийская кухня была моей любимой, возможно, оттого, что мама начала водить нас с Луной на обеды в индийское кафе, когда мы были ещё совсем маленькими. У мамы в студии даже есть фотография, на которой шестилетняя Луна и четырёхлетняя я позируем рядом с одной из владельцев кафе в оранжевой шёлковой

шальвар-камиз. От тех воспоминаний на меня навалилась тоска по дому. Интересно, что сейчас делала мама – ужинала в одиночестве за нашим кухонным столом? Или, может, пошла в тот мексиканский ресторан за углом вместе с подругой Сандрой?

Когда мы вышли на улицу, небо уже было насыщенного тёмно-серого цвета, но фонари светили так ярко, что нам совсем не было темно. Пока что лето в этом городе напоминало жизнь в террариуме, построенном для существ, не нуждавшихся во сне.

Мы остановились на тротуаре и встали в некое подобие круга, не понятно зачем. И тут меня осенило – это было рабочее собрание группы.

– Ребята из «Tulip Club» хотят, чтобы мы приехали к ним завтра в восемь тридцать, – сказал Джеймс серьёзным голосом. Как признанный лидер. А с его британским акцентом эта фраза звучала как официальное заявление. Полагаю, он обращался ко всем, но пристально смотрел только на Луну. Она же, изображая балерину, пыталась удерживать равновесие, стоя на носках и округлив руки по бокам.

– Ладно, – подтвердила сестра, едва заметно пожав плечами, словно стряхивая с них пух.

– Ну, что, время делать ставки.

– Какие ставки? – спросила я, и Луна улыбнулась.

– Есть у нас один сумасшедший фанат, – начала пояснять она. – Он ходит на все наши выступления.

– Даже в Джерси был, – добавил Джош.

– Однажды он нас всех замочит, – сказал Арчер, улыбаясь.

– Нет, – сказала Луна. – Он очень милый. Так вот, – она повернулась ко мне, – он всегда надевает одну из двух своих маек.

– Может, у него всего две майки, – сказал Джош. Его глаза блестели.

Луна пропустила это мимо ушей и продолжила:

– С надписями «New Order» и «Superchunk». Поэтому перед каждым концертом мы делаем ставки, и тот, кто проигрывает, приносит остальным на следующее утро завтрак.

Она посмотрела на Арчера.

– Ну, что, ты начнёшь?

– Дамы первые, – сказал он. – Выбирай.

Закрыв глаза, Луна опустила ладони на тротуар и соединила перед собой ладони. Потом она слегка опустила голову. А мы ждали.

Распахнув глаза, она произнесла:

– «Superchunk».

Арчер кивнул.

– Ладно.

Метнув на Джоша свой взгляд, он добавил:

– Значит, нам достаётся «New Order».

– По рукам, – сказал Джош. После чего Луна и Арчер пожали друг другу руки.

– Узнаем сразу, как приедем, – сказал Джеймс. – Он наверняка будет дожидаться нас на парковке.

Я вдруг поняла, что не знаю, большая ли у них машина, и сразу представила, как еду одна на их концерт на поезде. Так я могла бы и в Квинс уехать, или вообще далеко на север Манхэттена!

– Эй, ребят, а я-то помещусь к вам в машину?

Луна улыбнулась, качая головой.

– Тебе и не придётся.

Она схватилась рукой за фонарный столб и откинулась в сторону, потягиваясь. Её волосы блестящей завесой спадали к земле.

– Когда мы играем в Нью-Йорке, Луна обходится без нашей машины, – сказал Арчер.

Луна продолжала покачиваться из стороны в сторону.

– Люблю побыть наедине с собой перед выходом на сцену.

– Она не любит помогать разгружаться, – прошептал Джош.

– Неправда!

Луна выпрямилась, но, несмотря на все старания выглядеть возмущённой, её губы растягивались в улыбке.

– Добирайся как хочешь, – сказал Джеймс Луне, – только не опаздывай.

– А раз у нас теперь гостья, – продолжил Джош, – значит, мы обязаны быть на высоте.

Арчер посмотрел на меня, и моё сердце затрепыхалось.

– Мы всегда на высоте, – ответила Луна.

Она взяла Джеймса за руку и стала раскачивать её взад-вперёд. Они оба улыбались так широко, будто позировали для фотографии «после» для рекламы какого-нибудь сайта знакомств. «Если вы так и не встретили свою вторую половинку, попробуйте www.влюбленыдоодурения.com! Вам будет так хорошо, что ваши друзья и родственники захотят замазать в ваши сияющие лица!». Или блевануть.

– «О, сердце, – пропел Джош голосом Бадди Холли, – почему ты замираешь, когда она меня целует?»

Луна с Джеймсом начали танцевать прямо на тротуаре, умудряясь делать это так, будто некий невидимый хореограф подсказывал им нужные движения. Именно в тот момент Арчер прильнул к моему уху и прошептал то, что я совершенно не ожидала от него услышать. Он произнёс отрывок из написанных мною слов в смс. Из той, что я послала ему из квартиры Луны.

– «Наше счастье бывает случайным, – произнес он низким голосом, – и мы забываем дать чувствам волю».

Я посмотрела по сторонам и поняла, что никто этого не заметил. Мы словно были одни.

– Эта строчка крутится у меня в голове весь день, – сказал он, – а она ведь даже не положена на музыку, – он улыбнулся. – Пока.

Я покачала головой, улыбаясь. Ещё одной тайной было то, что мы с Арчером были друзьями, или не знаю, кем ещё. Я даже не знаю, кем мы были друг другу. Мы начали переписываться с того февраля, но Луна ничего об этом не знала. Я почему-то была уверена, что ей это не понравится.

– Ну, что, Фифи, – сказала сестра, – пошли домой.

Одной рукой она держала Джеймса, а другой схватила мою ладонь, чтобы тут же повести меня в сторону дома. Я обернулась на Арчера, который стоял рядом с Джошем и улыбался мне.

Подняв вверх руку – наверное, так я помахала – я улыбнулась ему в ответ.

– Ещё увидимся? – спросила я, хотя на деле слова прозвучали не как вопрос, а как обещание.

Глава 13

Вернувшись к себе, Луна переделась в маечку с шортами, собрала волосы в небрежный кулёк на макушке и смыла с лица весь макияж. После этого она села в серое фланелевое кресло, свесив с подлокотника ноги, и принялась листать присланный журнал. А я лежала на диване с подушкой под головой и разглядывала трещины, похожие на реки и стекавшие к ним по потолку ручейки. Вентилятор возле окна вертелся из стороны в сторону, разгоняя горячий воздух.

Джеймс был в душе. Было слышно, как лилась вода, а также урывками доносился битловский хит в его исполнении.

– Что нового дома? – спросила Луна.

Я немного подумала.

– По-моему, мамыны скульптуры становятся всё колючее.

– В смысле?

– В смысле, более острыми, – я попыталась показать самый популярный жест для этого описания, тыкая указательным пальцем в ладонь другой руки. – Более опасными.

– Вряд ли это пойдёт на руку её бизнесу, – сказала Луна. – Что, если какой-нибудь богач наткнётся на неё глазом?

Я пожала плечами.

– Вряд ли маму это сильно заботит.

Пока Луна находилась в туре, я следила за её жизнью через Инстаграмм – через маленькие кадры с таким мягким освещением, какое мне не доводилось видеть в реальной жизни. Вот фотография Луны из Кейп-Код с пивом, в лодке, оставлявшей позади себя крупную рябь. С одного плеча спадала бретелька сарафана, а её губы приоткрыты в полуулыбке. А здесь Луна гуляет босыми ногами по пляжу Мэйна, держа в руке сандалии. А тут Луна улыбается из окна их старенького синего микроавтобуса. А на этом снимке выражение Луны невозможно разгадать, но она точно счастлива.

Однажды я застучала маму поздней ночью за просмотром фотографий Луны. Она думала, что я уже сплю. Я тогда спустилась в кухню за стаканом воды перед сном, а мама сидела с ноутбуком на диване, залитая серебристым светом. На ней были наушники, поэтому она не слышала меня, да и периферическое зрение её подвело из-за темноты на кухне. С минуту я наблюдала за тем, как она рассматривала Луну, и мне было интересно, а не музыку ли Луны она слушала, ведь её можно было найти на сайте «The Moons» или даже на «iTunes».

Лежа в гостиной Луны, я слушала смех прохожих с улицы. Вначале он становился громче, а потом медленно стихал и пропадал совсем.

– Могла бы почаще звонить, – сказала я.

Луна перевела на меня взгляд.

– Я звонила.

«За три месяца всего три раза» – чуть не сорвалось у меня с языка. И то, лишь в то время, когда мама была занята с учениками. Но я лишь кивнула.

Она швырнула журнал на кофейный столик, где стояла мамина скульптура.

– Мы постоянно переписываемся.

– Но это же не общение, – тут же парировала я, даже не успев обдумать ответ. Но ведь это правда! В сообщениях можно аккуратно подбирать слова, тогда тот, кому пишешь, так и не узнает твоих мыслей и чувств. Тогда можно быть кем угодно.

Луна пожала плечами.

– Да не парься.

Она вытаскала из кармана бальзам и нанесла его на губы.

– Ты действительно этого хочешь? – спросила я.

– Чего этого? – уточнила Луна, глядя на меня.

– Бросить учёбу, – ответила я. – Стать звездой.

– Мы пока не звёзды, – сказала она.

– Но вы хотите ими быть.

Луна пожала плечами.

– Славы хотят все. Вот когда её завоюю, тогда и начну переживать.

Она взяла со столика телефон и, нахмурившись, устремила взгляд в экран.

– Папа сейчас живёт в Бруклине, – она посмотрела на меня, ожидая моей реакции. – В квартире рядом со студией.

Не ожидая, что сестра вдруг заговорит о нём, я резко вдохнула.

– А ты... виделась с ним?

Я хотела аккуратно подойти к интересующему меня моменту.

– Нет, – сказала она, после чего добавила: – Естественно, нет.

– Ну, да. А где он?

– В Уильямсбурге, вестимо, – сказала она и усмехнулась. – Всё двадцатипятилетним прикидывается.

Мне пока только про Бруклин было известно, от Луны, поэтому мне было не понятно, что она имела в виду, когда говорила про Уильямсбург. Но я не хотела задавать вопрос в лоб, поэтому спросила:

– А ты тогда кем прикидываешься?

– Чего?

– Если у каждого района какая-то своя фишка, то какая она у Бруклин Хайтс?

На секунду задумавшись, Луна сдвинула бровь.

– Дети, наверное. Тротуары кишат колясками, – она потрясла головой. – И это явно не про меня. Я не мамаша.

Действительно, куда тебе, когда ты сама ещё ребёнок.

– Может, пора перестать на маме отрываться, – пробубнила я.

– Чего? – переспросила Луна, хоть и услышала меня. – То есть?

– Нельзя же ненавидеть их обоих одновременно, – сказала я. – Так?

Луна встала, подошла вплотную к дивану и положила мне на живот свёрнутую простынь.

– Прости, что так жарко, – сказала она. – Тебе, наверное, ещё одеяло нужно? Сама ненавижу спать без всего.

Потом она ненадолго положила руку мне на макушку, и я вспомнила о той девчужке в аэропорту, которая попыталась дотронуться до кофты Луны, и о том, как на секунду Луна обратила всё своё внимание на девочку, чтобы потом уйти. А сейчас Луна, подняв голову, пошла в спальню и закрыла за собой дверь.

Я расправила простыню и быстрым движением накинула её на ноги. Это была старая простынь из нашего бельевого шкафа в Баффало: вся в мелкий синий цветочек на белом фоне. Я подтянула её край к носу, чтобы проверить, остался ли на ней запах дома, но нет – она пахла пылью и незнакомым мне стиральным порошком.

Недалеко от меня лежал журнал «Rolling Stone», поэтому я подтянулась поближе и дотянулась до него пальцами. На обложке была Бейонсе, и на первый взгляд там не было больше никого, кого я могла бы знать. Здесь не было никого из Феррисов, и это было хорошо. Это был лишь вопрос времени, когда Луна и её группа окажутся здесь, и не в первый раз.

Первый раз Луна попала на страницы «Rolling Stone», когда ей было всего несколько месяцев: вместе с родителями на фотографии 10x10см, сделанной тётей Кит. Потом её вырезали и прикрепили на кухонную стену к другим детским фоткам, и я знаю, что на чердаке всё ещё хранится целая коробка журналов того выпуска. На фотографии мама держит Луну, частично завёрнутую в тёмно-синее покрывальце. От Луны видны только тощие ручонки и раскрытые ладошки. Мама сидит рядом с отцом на сером вельветовом диване в своей старой квартирке в Уэст Виллидже. Его рука перекинута через мамино плечо. Они выглядят уставшими, но счастливыми. А заголовок заметки гласит: «Их маленькая Луна».

Снимок был сделан спустя пять лет с рождения Франсэс Бин, дочери Курта Кобейна и Кортни Лав, когда казалось, будто стало модной тенденцией – рок-звёздам рожать детей. Вот уже три года прошло, как мир лишился своего любимого папаши-рокера. Полагаю, история моей семьи не так ужасна, в сравнении с их жизнью. Мои родители просто расстались. Распался брак,

распалась группа. Зато все остались живы.

А сейчас мне нужно было написать Арчеру. Хотя, вообще-то я хотела с ним поговорить, но не знала, что лучше сказать. Дело было в том, что Арчер знал лишь ту девушку, что переписывалась с ним стихами. Ту, что была лишь одной из версий меня. И я не знала, смогу ли остаться той девушкой в реальной жизни. Но я попробую.

«Я теперь всего лишь тень, лишь силуэт. Былой уверенности во мне уж больше нет».

Выждав немного, я послала ещё одно сообщение: «Я даже не знаю, о чём это я».

Он ответил уже через несколько секунд: «Иногда это к лучшему».

В ту ночь я засыпала с улыбкой на лице.

Глава 14

Мэг

Октябрь 1995 года

Кирен пришёл после полуночи. Я была в спальне с катушкой медной проволоки, блестящей, словно извивающееся пламя на моих коленях. Я пыталась наметать макет дерева – точнее, дуба – для большой скульптуры, которую могла бы как-нибудь сделать. Когда появится время.

Кирен сел ко мне на кровать и поцеловал в лоб. Несло от мужчины, как от винного завода.

Он откинулся на подушки. Глядя на Кирена, я скрутила ещё одну проволочную ветвь.

– Привет, моя королева, – сказал он. – Прости, что так поздно.

– Да ещё на бровях, – постаралась сказать я как можно легкомысленнее.

Метал настолько прогрелся в моих руках, что я могла сгибать и скручивать его как мне надо, даже не глядя на него.

Кирен кивнул, улыбнувшись, после чего с трудом приподнялся, опираясь на один локоть.

– Ага, слегонца.

Уже третью ночь на этой неделе он развлекался с людьми из нашего бизнеса. Сегодня это были ребята из лейбл компании, в пятницу – пара редакторов из «Rolling Stone», а в среду – две трети группы, с которой мы гастролировали прошлой осенью. Я удержалась от вздоха, опустив глаза к своему железному дереву. Я представляла его намного больших размеров, в натуральную величину – этажа в два высотой. Вот бы научиться пользоваться паяльной лампой и резать медные трубы!

– Ты злишься? – спросил Кирен.

Я покачала головой, но глаз не подняла. Я не злилась, просто надеялась, что он придёт домой намного раньше.

– Я был с Картером и Дэном, – сказал он ровным бархатным голосом, после чего начал медленно вести рукой вверх по моему бедру. – Мне тебя очень не хватало весь вечер.

– Ну, конечно, – произнесла я.

Дело было не в ревности. Я знала, что вокруг него всегда вьются девчонки. Они округляют в восхищении глаза, втираются в его интимное пространство, стараясь перейти на другой уровень общения. Но он не стал бы мне изменять. Правда сидела в текстах его песен, в тех из них, что были слишком сладкими и сентиментальными для «Shelter». Кирену нравилось любить. И единственным человеком, кого он любил, была я.

И всё же, если он даже и думал изменять, Картер и Дэн избивали бы его за это до полусмерти.

– Ты сказал, что придёшь домой рано. Это была обычная вечеринка. Не мог просто сказать им, что тебе нужно домой?

– Не мог. Нам нужно быть частью этого мира, Мэг. Или хотя бы мне.

Нотка злости послышалась в его голосе, но потом исчезла.

– Я сказал ребятам из лейбла, что ты неважно себя чувствуешь.

– Но это же не так.

– Ну... – Начал он, но так и не закончил, снимая с запястья часы и кладя их на столик рядом с кроватью. – Мы хотели, чтобы ты была с нами, но тебе вечно хочется сидеть дома.

Мне вспомнилось то, как Кирен упрашивал меня начать играть вместе.

– Мы были бы классной группой, – сказал он тогда мне. Но я ответила, что не оставлю Картера и Дэна, что мы дружим с шестнадцать лет: – Тебе придётся сыграть не только со мной, но и с Картером и Дэном? Сможешь?

– Смогу, – ответил он. И он сдержал своё слово.

– Слушай, – сказал Кирен. – Когда мы были в туре, ты очень хотела домой. Вот мы и дома, и это наша работа, когда мы здесь. Заводить полезные знакомства, звукачей с лейбла не обделять вниманием, – он понизил голос, и с раздражением добавил: – Не пойму, чего ты ещё от меня хочешь.

Я посмотрела на него, и его лицо смягчилось.

– Прости, не хотел тебя расстраивать.

– Всё нормально.

Я натянуто улыбнулась.

Кирен потянулся ко мне, чтобы медленно и нежно поцеловать, после чего вернулся на свою сторону и лёг на спину.

Я хотела сказать ему кое-что, но когда взглянула на него, то увидела, что его глаза были закрыты. Я смотрела, как он дышал, как вздымалась и опускалась его грудь, и когда я отвела от него взгляд, уже не могла вспомнить, что хотела сказать.

Глава 15

– Подъём, соня!

Сквозь сон до меня донёсся голос Луны, и на мгновение показалось, будто мне снова пятнадцать, и я в который раз проспала будильник, и теперь мы опять опоздаем на занятия. Это всегда случалось, когда мы учились в Сэнт Клер вместе с Луной. В последнюю минуту я вытаскивала себя из кровати, чистила зубы и расчёсывалась. Батончик мюсли служил мне завтраком, пока Луна везла нас на машине в школу. Сама Луна просыпалась с первыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь занавески, принимала душ, и у неё ещё оставалось время подвести глаза.

Сестра склонилась надо мной, заслонив свет своей густой шевелюрой.

– Да ладно тебе, Фи, давай пошевеливайся!

– Нет, – буркнула я и натянула на лицо простынь, хотя глаза не закрыла и смотрела на крошечные синие цветочки, казавшиеся тёмными звёздами, рассыпанными по белому небу.

– Хорошо, – сказала она и отошла куда-то. Я услышала, как что-тобрякнуло, а затем царапнуло металлом по металлу. На посуду похоже. Горшки? Кастрюли? Я села, крепко обтянув колени простыней, и увидела, что Луна была на кухне и держала в руке сковородку.

– Попробую доказать тебе, что я умею пользоваться плитой.

Свободной рукой она указала мне на стол.

– Садись за стол. У Луны завтраки в постель не подают.

И я, все еще обмотанная простыней, направилась туда, пусть и с большим трудом. Луна

копалась в кухонном шкафу, и было слышно, как на сковороде зашипело масло.

С торжествующим видом она принесла мне тарелку.

– Кленовый тост!

Мама любила готовить его нам, когда мы были маленькими. Она делала его так: поджаривала пшеничный хлеб на сковороде со сливочным маслом и корицей, сбрызгивая в конце кленовым сиропом.

– Это настоящий сироп, – сказала сестра. – Джеймс хотел было купить подделку, но я сказала «НИ ЗА ЧТО», – она взмахнула пальцем. – Пришлось на него потратиться, конечно. Кленовый сироп дорогой.

– И это стало для тебя ещё одним открытием из списка под названием «О чём не догадываешься, пока тебе всё покупает мама».

– В точку. Хочешь ещё йогурт или мюсли?

Она уже вернулась на кухню, чтобы порыться в холодильнике.

– Не откажусь.

Луна принесла все. Йогурт лежал на аккуратной пиале с розовыми цветами, которую я узнала. И вообще-то, думала, что она, как и раньше, стояла в кухонном шкафу в Баффало.

– Откуда она у тебя? – спросила я.

Луна села, скрипнув стулом по полу.

– Мама прислала.

– Когда?

– Где-то месяц назад, – она смотрела на пиалу, а не на меня. – Так мило с её стороны.

Все эти мамины посылки – это какой-то особенный код, который я никак не могла расшифровать? Что всё это значило?

На столе, прислоненной к стене, стояла «Над пропастью во ржи», подобранная Луной вчера на улице. Я придвинула её ближе и открыла титульную страницу. «Майклу, в день рождения, 1976» – было написано на пожелтевшей странице. Внизу были посвященные ему слова: «В этот мир мы приходим в одиночестве, в одиночестве и уходим из него. Благодарю за те дни, что нам суждено было провести вместе. От всего сердца, Джеки». Надпись была сделана аккуратным мелким курсивом, ручкой с синей пастой. Интересно, где сейчас Джеки и Майкл, и как книга оказалась в той коробке на парапете. И сколько дней им суждено было провести вместе?

Из-за книги мне вспомнилась Тесса, и то, как она писала сочинение на тему карусели.

– Всё дело в ней самой, – сказала подруга прошлой весной, пытаясь донести до меня свою идею. Мы тогда были в кабинете физики, и я пыталась измерить скорость заводной игрушечной машинки. Она постоянно спадала со стола на пол, а от Тессы помощи было не дожидаться.

– Эти лошадки бегут по кругу, оставаясь на одном месте. А этот Холден, который на протяжении всей книги искал что-то настоящее и искреннее, смотрел на свою сестру на карусели и радовался. Наконец-то! Причём, он ведь не мог кататься сам! – она подалась вперёд. – Потому что он уже не ребёнок, как его сестра. Но он мог смотреть на неё и чувствовать её счастье, и тогда оно стало его собственным счастьем, – Тесса замолчала и посмотрела на меня. Одной рукой я сдерживала до упора заведённую машинку. Подруга улыбнулась. – Кстати, его сестру тоже звали Фиби.

Если бы Тессу занесло сегодня в Нью-Йорк, то она бы точно первым делом отправилась на карусели. Она была на них помешана. Мы даже планировали вместе поехать к Луне – на рождество или следующей весной, когда сестра будет в городе, но теперь кажется, что этому уже никогда не бывать.

В любом случае, книга, доставшаяся нам от Майкла и Джеки, казалась мне хорошим знаком. Я рассмотрела трещины на тёмно-красной обложке, пересекающие друг друга, как на

карте дорог в каком-нибудь захолустье. Затем я положила её к себе в рюкзак – в один карман с журналом «SPIN» – куда книга влезла как влитая.

Глава 16

Сегодня мы прошли по излюбленным местам Луны. Часть из них была мне знакома еще с прошлого визита, когда сестра ещё училась в Колумбийском университете, но в некоторых местах я побывала впервые. У меня голова шла кругом от мысли о том, что ещё в прошлом году Луна была первокурсницей, а теперь она кто? Музыкант? Певица в группе? Уж точно не ребёнок!

Примерно час мы посидели за крохотным столиком в парке Брайент – как и в прошлом году – медленно попивая через красные трубочки то, что, вынуждена признать, было очень даже приличным холодным мокко. Потом мы зашли в большую библиотеку на Сорок второй улице, чтобы полюбоваться на плюшевые игрушки, вдохновившие Алана Милна на истории про Винни-Пуха. Они выглядели старенькими и изрядно износившимися, но с блестящими глазами, и сидели в стеклянной витрине. На выходе из здания Луна погладила одного из каменных львов по голове, заставив и меня сделать то же самое.

Пообедали мы в классном японском ресторане, пусть и размером с гостиную Луны. Там мы попробовали роллы с огурцами и авокадо, бобы эдамамэ в их ярко-зелёных солёных стручках, а ещё отведали фарфоровыми ложками мисо суп. Немного посидев на ступеньках Метрополитен-музея вместе с сотней других людей, мы вошли внутрь, благодаря членству, купленному мамой Луне, и посмотрели на египетские гробницы при полном освещении. Перед уходом мы быстренько посмотрели на обожаемых мною «Танцовщиц» Дега. Луна про них не забыла.

Мы часто вместе приезжали в Нью-Йорк, когда я была маленькой. Когда мама с папой ещё пытались сохранить семью. Я не помнила этого, но Луна рассказывала, что было время, когда мы все вчетвером ходили в египетский ресторан Верхнего Вестсайда – любимое место родителей. Мне было пять, а Луне – семь. Она помнила, как ела руками, как пробовала пористый хлеб из большой корзины в центре стола. Она говорила, что маме с папой тогда было хорошо вместе, что они вспоминали общих знакомых и улыбались друг другу. Я абсолютно ничего из этого не помнила.

Мои первые воспоминания о родителях начинались с более позднего времени, когда мама завозила нас к отцу, на его старую квартиру на Девяносто шестой улице, пихая ему в руки сумку с едой и книжками. После того, как мама целовала нас на прощание, она незаметно исчезала. Несколько раз какой-нибудь проходивший мимо меломан узнавал одновременно и мать, и отца – возможно, вдвоём их даже легче было узнать – и он был в восторге. Кончалось тем, что отец расписывался для автографа, а мама сбегала в сторону метро.

Отец брал нас за руки и медленно вёл вверх по лестнице в свою просторную, хорошо освещённую, полную дисков и кассет квартиру. Весь день он пел нам песни. Не помню, чтобы отец много рассказывал нам о группах, но возможно что-то, что я приписывала маме, на самом деле мы узнали от него. А потом он водил нас куда-нибудь, чтобы побаловать горячим шоколадом или молочным коктейлем, в зависимости от времени года, а ещё картошкой фри, а на ужин – блинчиками. А перед сном мама забирала нас, ожидая воле лестницы на улице. Помню, как отец стоял и махал нам на прощание, когда мы удалялись от него по тротуару, пока не приходило время сворачивать за угол.

Я как-то спрашивала Луну о том, что, по её мнению, произошло между родителями, раз они совсем перестали общаться друг с другом.

– Думаю, мама взбесилась от того, что ей приходилось всё делать самой. Это, и в самом

деле, охрентеть как тяжело.

Так, наверное, и было. Может, поначалу мама считала, что развод и уход из группы – это её собственный выбор. Она желала для нас другой жизни. Но с годами она пришла к пониманию, что практически всё делает сама, оттого и негодовала. Я её понимала. И меня страшно бесило, что я единственная в семье, кто не помнил ничего из того времени, когда всё было хорошо.

Поезд номер пять привез нас с сестрой обратно в Бруклин. Пройдя несколько кварталов по Корт Стрит, мы дошли до любимого книжного магазина Луны, где я купила стильный чёрный блокнот и карманный вариант книги моей любимой пьесы Шекспира «Двенадцатая ночь». Мы читали её в прошлом году. Она про путаницу и комичные ситуации из-за меняющегося пола героини, а ещё о превратностях любви. В шесть часов под ещё горячим, но уже опускавшимся к горизонту солнцем, из метро стали выбираться парни в костюмах, которые жмурились от света как кроты, и мы пошли обратно к Бруклин Хайтс. Недалеко от Корт Стрит находилось кафе с ливанской кухней, где мы отведали фалафель, рассматривая сетчатый узор на тёмно-оранжевых стенах.

– Это всё, что ты делаешь днями? – спросила я.

Луна пожала плечами.

– Я читаю. Занимаюсь йогой.

Она сложила руки как при молитве.

– Пару раз мы выступали с одной певицей, которая сказала мне, что никогда не ест перед выходом на сцену, – Луна воткнула вилку в фалафель. – Сказала, что если поест, то её будет тошнить. По её теории, лучше есть на голодный желудок, – сестра склонила голову набок, раздумывая. – Я бы так не смогла. Мне нужны калории, иначе как потом по сцене скакать?

Я окунула кусочек питы в миску с хуммусом в центре стола.

– А, теперь всё понятно.

Луна улыбнулась.

– Её группа называется «Пончо», так что я бы не стала доверять ни её вкусу, ни её мнению в чём-либо.

У меня в сумке звякнул телефон, но Луна даже не заметила. Я скользнула рукой за телефоном, а потом украдкой посмотрела на экран, пряча его под столом, как школьница на уроке, чтобы учитель не увидел. Сообщение было от Арчера: «Готова снова встретиться сегодня в реальной жизни?»

Как правильнее было бы сказать про большое количество бабочек? Стая? Короче, у меня в животе взвилось и запорхало целое облако из бабочек!

После ужина мы вернулись в квартиру, и уже через полчаса я ползала на коленях вокруг чемодана, подбирая наряд на вечер. Перемерив кучу платьев с майками и сложив их на диване, я так и не нашла ничего подходящего.

– Иди, глянь в мой шкаф, – сказала Луна. – Выбери что-нибудь.

Я нахмурилась, взглянув на диван. Было похоже на то, что несколько несовершеннолетних модниц разом покинули бранный мир, а вместо них осталась кучка одежды.

– Я на полном серьёзе. Чего ты тут устроила?

Собрав в руку платья и пару маек, Луна бросила их обратно в раскрытый чемодан и направилась к себе.

Я последовала за ней в её комнату. Сестра настезь открыла свой крошечный шкафчик и села на край кровати.

– Себе одежду я уже выбрала, – Луна махнула в сторону чёрного платья, лежавшего по подушке. – Бери, что хочешь.

– Хорошо. Но только не чёрное.

Луна усмехнулась.

Прикол был в том, что почти весь её гардероб был чёрным.

– Ты что, готом стала? – спросила я, вытаскивая несколько вешалок. – Или страдающей вдовой из викторианской эпохи.

– Это классика, – ответила Луна. – Чёрный хорошо смотрится на сцене, особенно на такой бледной коже, как у меня, – посмотрев на меня, она добавила: – Как у нас.

– Ну да. Вот поэтому-то я и не хочу быть с тобой в одном цвете.

Одежды было так много, что мне нужно было время хорошенько её рассмотреть. В конечном счёте, где-то в середине я увидела зелёное платье без рукавов и со шнурком на поясе.

– Вот это, – сказала я, держа его на вытянутой руке.

– Лады.

Сняв с себя рубашку и шорты, я натянула через голову платье. Оно легко село по фигуре. А когда я увидела себя в маленьком зеркале на столе – пусть и не всю целиком – то поняла, что вещь смотрелось на мне идеально. Я завязала шнурок на талии и присела на стул.

Встав позади меня, Луна собрала мои волосы и так сильно стянула их в боковой хвост, что я вся зажмурилась от боли.

– Больно же, – пожаловалась я.

– Красота требует жертв. А теперь повернись и закрой глаза.

– Зачем?

– Я тебя накрашу. Как в старые добрые времена.

Луна и раньше любила красить меня. Когда мне было десять, она набирала мамину косметику из ванной и раскладывала на покрывале на кровати. Позднее, когда у Луны появилась своя косметика, и даже когда у меня появилась своя, я красилась в спальне сестры перед антикварным бабушкиным столиком с зеркалом, который был аж с сороковых годов. Губная помада смотрелась на его лакированном дереве как конфета на стеклянном подносе.

Я почувствовала лёгкое нежное надавливание карандашом для глаз по линии ресниц.

– Только, пожалуйста, не выдави мне глаза.

– Постараюсь.

Луна нанесла на веки тени, после чего провела мягкой кисточкой вдоль скул. Было так сложно сидеть с закрытыми глазами, но я удержалась от соблазна, потому что не хотела видеть себя прежде, чем она закончит.

– Вот так, – наконец, произнесла сестра.

Я открыла глаза и стала рассматривать себя в большом овальном зеркале. Я всегда считала себя не очень удачной копией Луны. Мы обе были обладательницами маминой бледной кожи и сине-зелёных глаз, но скулы Луны были выше, а лицо – не таким круглым. Её волосы были толще и вились послушно. Мои тоже вились, но только так, как хотели сами. А сейчас мне нравилось моё отражение: моё лицо не просто сияло и сверкало, но даже излучало уверенность.

– Прямо как в фильмах про дурнушек, превратившихся в красоток!

– Да ну тебя, – сказала Луна, качая головой и еле заметно, но искренне улыбаясь. – Ты всегда хорошо выглядишь.

Она расстегнула джинсы, сняла их и швырнула на кровать, затем одела через голову своё чёрное платье. С минуту она разглядывала себя в зеркало, идеально выпрямив спину.

– Тебе не кажется, что я немного полновата в нём? – спросила она, натянув платье на талии.

Станный вопрос, учитывая, что Луна никогда не принадлежала к числу девушек, беспокоившихся о своём весе. К тому же она всегда была стройной и красивой.

– Да нет. Нисколько.

Она ещё постояла там, продолжая себя рассматривать, после чего села к зеркалу, чтобы

накраситься самой. А я вернулась в гостиную.

Я села под окном, в которое задувал легкий ветерок, открыла гитарный кофр Луны и взяла гитару так, как это делала сестра: левая рука на грифе, а пальцы между ладами прижимали струны. Другая рука лежала на корпусе гитары. Я провела пальцами по струнам, пусть и очень легко, почти беззвучно, лишь какой-то набор нот, которые и аккордом-то называть нельзя. А ведь это должно было быть чем-то естественным для меня, должно было быть заложено в мои гены или впечатано как кальций в кости скелета. Должно было быть, но не было. Я положила гитару на место и забралась на диван.

Когда Луна вышла из комнаты, её глаза были густо подведены чёрным карандашом, а волосы свободно рассыпались по плечам. На ней было всё то же чёрное трикотажное платье на бретельках с вставками из шёлка—сырца. Я не стала ей говорить, но выглядела она прямо как наша мать на обложке «SPIN», только макияж был современный. Сестра была маминой копией, но я понимала, что оригиналом ей никогда не суждено стать. Ведь если у Луны получится то же, что у мамы, она на этом не остановится.

Глава 17

Мэг

Май 1995 года

Мы находились в бутике в Сохо, Нью-Йорке. Кит держала передо мной платье изумрудно-зелёного цвета.

– Я в нём не буду похожа на Кермита из «Маппет-шоу»? – спросила она, подняв бровь.

– Вообще-то, Кермит был другого оттенка зелёного. Ты хорошо смотрела Маппетов? – спросила я, отвлекшись от выбора платья.

– Просто я слышала, что зелёным нелегко живётся, так что немного осторожности не помешает.

– Мне зелёный нравится. Я была в зелёном на фестивале «Lollapalooza» в прошлом году, помнишь? Одно из тех трёх платьев.

– Ну, раз Мэг Феррис носит зелёный, то у меня к нему претензий нет.

Улыбка Кит не смогла скрыть обиду, мелькнувшую в глазах.

– Когда ты знаменит, – сказала она, возвращая платье на вешалку, – можешь носить всё, что хочется.

– Да ну тебя, Кит.

Я стянула с вешалки тёмно-серый свитер. Он был таким лёгким и просвечивающим, будто я угодила руками в паутину.

– Просто я хочу сказать, что и сама хотела бы быть знаменитой.

Кит пожалала плечами.

– Но ты же знаменита. Кто на прошлой неделе засветился в новостях?

– Мой рукав, – сказала она. – Точнее мой локоть, упирающийся в твоё тело, засветившееся там целиком.

– Значит, у тебя теперь очень знаменитый локоть.

Две девушки продавщицы шептались о чём-то за прилавком. Мельком глянув на них, я отвела взгляд. Всегда так делала, когда не хотела показывать, что заметила тех, кто заметил меня.

Кит подняла вверх согнутую в локте руку.

– О да! Чудесный локоть, не правда ли?

Я кивнула.

– Даже очень, – и повесила свитер обратно. – Всё не так уж безоблачно.

– Ты о чём? О моём локте? – спросила Кит.

Я засмеялась каким-то неестественным смехом.

– Я об этом всём. О славе? – мой ответ прозвучал как вопрос. – Я была Мэг Фостер, училась на художницу, пела в группе, но потом встретила Кирена и стала Мэг Феррис – знаменитой певицей из группы.

– Так, когда стало безоблачно? – спросила Кит, но не из недоверия, а из искреннего желания меня понять.

«Когда всё изменилось», – вот что я хотела на это ответить. Когда человек, которого ты любил, изменился, и ты даже не понимаешь, в какую сторону. «Из этого могла бы получиться неплохая песня», – подумала я, правда, без метафоры тут не обойтись. Что-нибудь про маски или двуличие. Или про порабощение тела инопланетянами, хотя вряд ли кому-нибудь в студии понравится научно-фантастическая концепция альбома. Но я не стала об этом говорить Кит, потому что не знала, как лучше сказать. Слова меня уже не раз подводили, когда не были словами из песни.

– Просто... не всегда бывает так клёво, как кажется, вот и всё.

Я больше не хотела об этом говорить и направилась к продавщицам, ослепительно им улыбаясь. Брюнетка вышла ко мне из-за прилавка.

– Я должна вас спросить, вы не Мэг Феррис?

Я кивнула и слегка наклонила голову набок, будто позируя для фотографии.

– Боже мой!

Девушка повернулась к другой продавщице, блондинке, облокотившейся на прилавок.

– Алексис, я же говорила!

Она понизила голос до шёпота.

– Мы полностью к вашим услугам. Хозяйка обожает, когда у нас закупаются знаменитости. Можно мы сфотографируем вас и повесим на стену?

Я посмотрела на стену за её спиной. Там висели маленькие полароидные снимки, на которых всё же можно было узнать Кортни с её красными губами, как обычно чересчур гримасничающую, а ещё Ким Гордон, без эмоций, но совершенно обворожительную. Я чем хуже?

– Конечно.

Я схватила Кит за запястье и притянула к себе.

– Это моя сестрёнка Кит.

Девушка кивнула и улыбнулась.

– Я — Ли. Наденьте что-нибудь из этого, – она руками показывала на вешалки. – И потом возьмите себе.

Я взяла тот серый свитер и короткое чёрное платье с вешалки, а Кит сходила за тем самым платьем, что отличалось оттенком от Кермита. Она стряхнула с себя джинсы посреди магазина, и я сделала то же самое.

Мы встали, и нас сфотографировали.

Вуаля – вот она, слава! И немного бесплатных тряпок.

Иногда бывает ужасно тяжело, а бывает ужасно легко. Наверное, Кит права. Наверное, в известности есть свои преимущества, даже когда чувствуешь, что просто играешь роль.

– Спасибо, – сказала Ли, размахивая фотографией, чтобы ускорить её проявку. – Владелица магазина с ума сойдёт.

Девушка положила фото на прилавок, а мы с Кит встали рядом с ним. Прижавшись друг к другу плечами и упершись локтями в стекло прилавка, мы ждали проявления нашего снимка.

Глава 18

К восьми вечера мы добрались до станции метро «Бороу-Холл». Небо у горизонта стало оранжевым, при этом над головой оно оставалось серо-голубым. От высоток исходило столько тепла, что мы были рады спастись от него в подземке. Луна несла на себе гитару и чёрную сумку через плечо. У меня с собой тоже была сумка, в которой лежали «SPIN» и Сэлинджер.

К платформе поезда вёл длинный проход, в котором было ещё душнее, чем снаружи. Мы шли, и платье Луны похлопывало по моим ногам.

– Почему ты не отдала им гитару? – спросила я.

Плитка, покрывавшая стены, казалась такой гладкой и блестящей, что я не удержалась и дотронулась до неё.

– Это мой ритуал, – ответила Луна. – Всякий раз, как я еду на концерт на метро, мы с гитарой должны быть вместе.

Она слегка качнула кофр, отчего его узкий конец вздёрнулся кверху.

– Или, в сегодняшнем случае, мы с гитарой и моей сестрёнкой должны быть вместе.

Когда прибыл наш поезд, воздух наполнился прохладой и неоновым светом, словно приехал холодильник. Мы выбрали наполовину заполненный вагон, в котором нашли ряд пустых сидений напротив дверей. Я скинула свою сумку на сиденье между нами, тогда как Луна держала свою гитару между коленей. Двери вагона со свистом закрылись.

– Куда же мы всё-таки едем?

– Место называется «Тюльпанный клуб». Странное название, но там все играют. Это в Виллидже.

Сестра достала блеск и одной рукой сняла колпачок, удерживая гитару другой рукой.

– Можем по пути пройти по Вашингтон стрит.

«Бороу-Холл» был первой остановкой в Бруклине, после которой был «Манхэттен» на другом берегу реки. Поезд шатался и скрипел. За окном напротив нас была лишь темнота, и всё, что я могла там видеть, это лишь моё отражение, не Луны. Я закрыла глаза, чтобы не пришлось разглядывать себя, и так и сидела, пока мы не приехали на «Бруклинский мост», где сошли и пересели на другую ветку.

Со слов Луны клуб находился в нескольких кварталах от Вашингтон-Сквер-парка, поэтому мы прошли через парк, даже, несмотря на то, что казалось, будто так мы сделали ненужный крюк. Я вспомнила, как Джеймс велел нам явиться вовремя, но я знала, что мы не опоздаем. Луна ненадолго остановилась у центрального фонтана, и мы обе прислонились к каменной стене, наблюдая за падающей водой и прохожими. В воде играл бульдог, подставляя свою большую морду прямо под струю воды. Он весь промок и выглядел очень забавно из-за раскрытой пасти, похожей на огромную ухмылку. И тут я поняла, как мне не хватает Дасти.

Я обернулась к Луне, наверное, чтобы сказать об этом, но она увлечённо всматривалась в небо. Почувяв, что я смотрю на неё, она опустила голову.

– Что-то меня мутит.

– Так и должно быть, наверное. Тебе же скоро выступать.

Луна покачала головой, после чего обхватила себя руками, и когда она посмотрела на меня, её глаза блестели от слёз. Мне даже стало не по себе, когда я увидела их. Она не плакала. Как и никогда в своей жизни.

– Эй! – сказала я. – Всё в порядке. Не переживай ты! Понятно же, что это просто нервы.

Луна откинула голову назад, стараясь просушить глаза, часто моргая.

– Это не нервы, – ответила она.

У меня совсем не осталось слов. Я положила ладонь поверх её и сжала. Мы ещё посидели там где-то пару минут, глядя вперёд себя. Бульдога уже не было, и в фонтане осталась лишь вода, беспрестанно прыскающая в разные стороны.

– Ну, что, – она сделала глубокий вдох, – пойдём тогда.

Она встала, и я последовала за ней, постукивая коленом по гитарному кофру. Мы вышли из парка на Западную Четвёртую улицу и дошли по ней до розовой неоновой вывески с надписью «Тюльпанный клуб». С краю сиял бутон с острыми лепестками, и когда я отвела от него взгляд, перед глазами осталось слепящее пятно.

На земле у обочины стояла рекламная доска, на которой мелом было написано: «СЕГОДНЯ ЛУНА И THE MOONS». Дверь была открыта, а рядом с ней стоял парень, читавший одну из тех газет, что бесплатно раздают на улице. Он посмотрел на нас с еле заметным интересом.

– Мы из группы, – сказала Луна.

Он кивнул. Я ждала, когда он спросит, на чём играю я. И что мне отвечать, учитывая мой музыкальный талант, точнее его отсутствие? На тамбурине или, может, на треугольнике? Но он вообще ничего не спросил. Луна прошла мимо него, а я с уверенным видом проследовала за ней.

Внутри было тускло и довольно пусто. Помещение освещалось большими золотыми лампочками на сцене и неоновыми лампами в виде бутылок пива, развешенных по всем стенам. Через колонки – которые были повсюду – звучала песня «Роллинг Стоунз» «Beast of Burden», поэтому было ощущение, будто я вошла прямо в песню.

Парни уже выгрузились и теперь расставляли инструменты на сцене. Луна направилась к ним, а я же решила задержаться у бара. Вообще, у меня не было особо идей, чем заниматься во время ожидания. Я присела на край барного стула и наблюдала за тем, как Луна запрыгнула на сцену и поцеловалась в губы с Джеймсом.

– Ты поздно, – сказал он.

Я прочитала это по его губам. Но парень улыбался. Я не видела её лицо, и не смогла услышать её ответ. Кто-то выключил «Роллинг Стоунз», и последняя нота песни эхом раздалась в воцарившейся тишине.

Арчер настраивал свисавшую с плеча бас-гитару, подкручивая колки. Я слышала низкие ноты, где-то между музыкой и простой вибрацией, похожей на грохот от ехавшего вдалеке поезда. Завидев меня, он махнул рукой.

Я махнула в ответ, но это было так глупо: во-первых, я была не так уж и далеко от него, а во-вторых, я что – мисс Америка, королева Англии или чья-то свихнувшаяся тётя, чтобы махать тут кому-то? Арчер жестом позвал меня на сцену, но я не сразу сдвинулась с места. Проще и безопаснее было оставаться тут, от греха подальше. Но при виде того, как он, обворожительно улыбаясь, подошёл к краю сцены, чтобы помочь мне, безопасность меня уже не привлекала. Поэтому, ухватившись за его руку, я запрыгнула на сцену.

Над нами светился миллион лампочек. Я запрокинула голову наверх.

– Не хочешь на подпевку? – спросил Арчер.

– Вряд ли это хорошая идея.

Мне хотелось делать что-нибудь, а не просто стоять там, поэтому я аккуратно потрогала микрофонную стойку, проведя пальцем по металлу. Сидя рядом с краем сцены, Луна открыла кофр и вставила в свою гитару провод. Только сейчас я заметила, что подошвы её сандалий были серебристыми. И выглядели они совсем чистыми.

– Голос не передался по наследству?

Арчер смотрел на меня, хоть и продолжал водить пальцами по грифу, отстраивая свой бас.

– Нет, не знаю, что мне вообще досталось. Наверное, мамина истеричность.

Я отвернулась от него, чтобы осмотреть зал. Обычных окон я не обнаружила, лишь какие-то

огни под потолком. Теперь по клубу ходили несколько людей, как фигуры в театре теней.

– Отсюда почти ничего не видно.

Я снова посмотрела на Арчера.

– Ага. Так даже лучше.

– Серьёзно?

Он пожал плечами.

– Меня сбивает, если встречаюсь с кем-то глазами. А так мне не придётся всё время смотреть в какую-нибудь точку на стене, – и он указал на синюю неоновую вывеску в другом конце зала.

– А Луну что-нибудь может сбить?

Я до сих пор не могла поверить в то, что произошло у фонтана.

– Не-а. Ей это незнакомо.

Маме это тоже было незнакомо, судя по тем нескольким живым выступлениям, что я видела. Больше всего мне понравился концерт в небольшом театре городка Остин в штате Техас, в который они крайне редко заезжали. Впереди толпы был парень в ковбойской шляпе, и мама пела для него, сев на край сцены и свесив ноги. Она вытянула вперёд руку и, не вставая, помогла ему сесть рядом с ней. Ему было около двадцати, с тёмными глазами и волосами, и он казался смущённым, но безумно счастливым. Зато мама чувствовала себя совершенно комфортно с болтавшейся гитарой за спиной, покоряя сердца каждого, кто был в зале. К концу песни она уже была в шляпе того парня.

Арчер немного подался вперёд, щурясь и вглядываясь в темноту. И я увидела в центре почти пустого зала парня в тёмной футболке с голубыми буквами. Я не смогла прочитать, что там было написано, но Арчер уже знал.

– «Superchunk».

Улыбаясь, он потряс головой.

– Похоже, завтрак за мной.

Спустя час я стояла возле бара с узким высоким стаканом газировки, создавая вид занятого человека. Зал теперь был полон народа. Я знала, что у Луны и парней здесь должны быть друзья, но они были слишком погружены в подготовку к выступлению, поэтому меня ни с кем не познакомили. И я снова вспомнила о Тессе. Как же мне хотелось с ней поговорить сейчас! Да и ей бы всё это точно понравилось.

Гремевшая через огромные колонки песня группы The Shins закончилась, и в зале наступила тишина. Слышно было возню толпы, и то, как громкие голоса сменились лёгким жужжанием, и даже перешёптыванием. По мне, так невозможно открыть представление красиво, когда нет занавеса или кулис. Но когда Джеймс подал руку Луне, и она, приняв её, ступила на сцену к своему микрофону и гитаре на фиолетовой подставке, зал преобразился. Всё внимание людей переключилось на неё, словно головы подсолнухов развернулись к взошедшему на небо солнышку.

– Здорово, Нью-Йорк, – сказала Луна.

Первые редкие, как капли дождя, аплодисменты становились всё громче и громче.

– Приятно снова увидеться с вами. Хотя я и вижу вас каждый день, но сегодня другой случай, – её голос казался ниже, более томным, но всё равно это был её голос.

– Сегодня хороший повод, – продолжила она, держась обеими руками за микрофон на стойке. – Пообщаемся немного сегодня. Располагайтесь поудобнее, я вам кое-что расскажу.

Она отступила назад и взяла со стойки гитару, и как только она повесила ремень через плечо и обернулась на Джоша, тот сделал первый удар по тарелкам. И гитары Джеймса, Луны и Арчера присоединились к нему.

Как только она запела, я удивилась, как удивлялась всегда, когда нечто столь приятное, нежное и в то же время сильное исходило из моей сестры. Не из-за того, что я не ожидала, что она будет способна на это, а потому, что она в каком-то смысле была моей. Она принадлежала мне, и, несмотря на это, могла вытворять такое.

Голос Луны отливал золотом и был подобен свету, наполнявшему всё пространство от затёртого деревянного пола до потолочных балок. Некоторые песни были реально крутыми, хоть в них музыка и лилась как песок. Другие были совсем медленными. Каждая песня заполняла помещение клуба слоями. Я сотни раз слышала первый альбом Луны, но здесь он звучал по-другому, вживую: пусть и эфемерно, но звучно, став частью этого зала, пробравшись в каждый его уголок. Сейчас Луна принадлежала не мне, а всем, и если бы их выступление так и не закончилось, если бы Луна, Арчер, Джош и Джеймс не перестали бы играть, боюсь, я потеряла бы её навсегда.

На сцене она была самой мощью.

Больше всего на свете я хотела сейчас оказаться там с ней. Я хотела сделать что-то скоротечное и непостоянное, при этом настоящее, глубокое, громкое.

Всё выступление с лица Арчера не сходила лёгкая улыбка, и раз шесть он посмотрел в мою сторону. Понимаю, каково ему быть там наверху, и как ослепляют огни, но у меня всё равно было ощущение, что он видел меня. И что он смотрел именно на меня.

Глава 19

С их первого аккорда прошёл час, и я стояла спиной к бару, дожидаясь, пока Луна с парнями упакует инструменты. Мне не хотелось мешаться возле сцены. В руках у меня был всё тот же стакан с газировкой, только с растаявшим льдом и выдохшимися пузырьками, и я пыталась выглядеть так, будто в моём присутствии там был какой-то смысл. Я смотрела себе под ноги и копалась в сумке, чтобы хоть чем-то себя занять, в то время как на заднем фоне играли Pixies.

Когда я подняла глаза, то увидела, как ко мне направлялся Арчер. Подойдя ко мне, он наклонился и приник губами к моему уху. Меня словно током поразило! Клянусь, все мои клеточки пустились в пляс.

– Хочешь выйти на улицу ненадолго? – спросил он.

Арчер почти кричал, но я всё равно еле расслышала его. Я посмотрела в сторону Луны: она ещё была на сцене, увлечённая разговором с Джеймсом и какой-то неизвестной мне рыжей девушкой в короткой фиолетовой юбке. Судя по порхавшим, как крылья, рукам, Луна что-то рассказывала.

Я кивнула.

– Конечно, – ответила я, не повышая голоса. Арчер всё равно смог понять мой ответ по губам. Повернувшись, он пошёл к дверям и, проходя мимо стоявшего у выхода вышибалы, сказал ему что-то, после чего придержал для меня дверь.

На улице было прохладнее. Мы прислонились к стене здания, чтобы не путаться под ногами тех, кто шёл мимо по тротуару. Все эти люди напоминали мне участников парада. Этакий ночной пешеходный поток. У нас дома ты хоть весь день гуляй по улицам, но встретишь всего пару человек.

Здесь было намного тише, чем в клубе, и я ждала, когда Арчер что-нибудь скажет. Было слышно, как начала настраиваться следующая группа, стуча по ударной установке и подёргивая гитарные струны.

– После выступлений у меня всегда звенит в ушах, – сказал Арчер, – даже, несмотря на беруши.

Он прикрыл уши руками и немного потряс головой.

– Бывает тяжело оставаться в зале, когда кто-то после нас играет. А уйти неприлично.

Парень слегка улыбнулся с закрытыми губами, и я поймала себя на том, что на них-то я и смотрела. Я резко перевела взгляд на его глаза.

– Прямо рок-звезда, раз тебя волнуют правила приличия.

– Я всего лишь басист, – сказал он. – Это Джеймс у нас самый классный.

Вот уж чего не ожидала от него услышать.

– Да ладно.

Переместив вес на другую ногу, я ощутила через платье все неровности стены.

– Нет, – усмехнулся он, – он у нас бойскаут. Или как они себя называют в Англии, лэдскаут?

Арчер посмотрел в сторону, где из дверей ресторана вышла и застучала туфлями на высоченных шпильках какая-то девушка.

– Кто у нас мог бы быть плохим парнем, так это Джош. Просто ему всё по барабану, – он пожал плечами. – Ударник, одним словом.

Я понимающе кивнула.

– Мама постоянно предупреждает меня насчёт ударников.

– Да ну? – сказал он, немного округлив глаза, и я обратила внимание на то, какими длинными были его ресницы.

Я улыбнулась.

– Она могла бы так сказать.

– Кому, как не ей знать.

Арчер прислонился плечом к стене.

– А про басистов она что-нибудь говорила?

Мне сразу вспомнилось мамино табу на музыкантов, пробежавшее неоновой бегущей строкой в голове.

– Уверена, что она бы расширила предупреждение на всех музыкантов. Даже на кларнетистов.

– И тубистов? – добавил Арчер.

– Даже на ксилофонистов, – сказала я, содрогнувшись для пущего эффекта.

Я уже настроилась продолжать перечислять, как он вытащил из кармана пачку сигарет.

– Не возражаешь? – спросил он.

Вообще, меня несколько ошарашило то, что он курит, но раз уж мы были на улице, то имело ли смысл возражать? Я потрясла головой.

Щёлкнув серебряной зажигалкой, он поднес сигарету к огню. Его губы сжались, и он сделал затяжку, после чего конец сигареты загорелся в форме идеального ярко-оранжевого круга.

Поначалу мне показалось, что я – уже не я, и мне даже захотелось посмотреться в зеркало, чтобы убедиться в обратном. Я ли это? Может, это просто от того, что на мне была одежда Луны, через которую я впитала немножко её энергетики, но часть меня, которую я совсем не хотела признавать, хотела дотронуться до Арчера. До внутренней стороны его запястья, или, может, до мочки уха. Может, я просто извращенка?

Он выдохнул, и клубы дыма направились в сторону неба.

– Каково это, иметь таких родителей?

– О, это просто великолепно.

Я приставила стопу к стене позади меня. Я не хотела сейчас говорить о моих родителях.

Он молча смотрел на меня, реально ожидая от меня какого-то ответа.

– Отец почти не проводил со мной времени. Уверена, что Луна уже про это рассказывала.

– Ну, да, она злится на него. Он не жил с вами, когда ты была маленькой?

– Мы переехали в Баффало, когда мне было два года.

Я смотрела через дорогу, на окна дома напротив. Люди, жившие наверху за квадратными окнами, должно быть, спали там у себя, пока другие гуляли.

– Обычно мы виделись всего несколько раз в год, а в старших классах – ещё реже. Мы не виделись с ним с тех пор, как мне было четырнадцать с половиной.

– И эта половина очень важна, – сказал Арчер, подначивая меня, хоть и с доброй улыбкой на лице.

Я пожала плечами и отвела взгляд в сторону.

– Думаю, нет ничего плохого в том, чтобы считать время в половинах. Сейчас мне семнадцать, и два с половиной года звучит лучше, чем три.

Он кивнул, отвернувшись в сторону дороги.

– Тебя можно понять.

Вообще-то, правильнее было бы сказать два года и три четверти. Если быть предельно точной.

Ненадолго между нами воцарилось молчание, от которого не было никакой неловкости. Здесь оно было уместно как нигде: рядом со светящимися фонарями на ярко освещённых улицах, у всё ещё тёплого после дневной жары дома.

Наверное, я могла бы простоять там всю ночь.

– Луна всегда уверена во всём, – сказала я.

Арчер стряхнул пепел на тротуар.

– Думаешь?

– А разве нет?

Он пожал плечами и съехал по стене вниз, чтобы сесть на корточки. Я тоже села.

– Я все старшие классы слушал «Shelter». И когда встретил Луну, то не мог поверить, что её родители – Мэг и Кирен. Зная её, слабо в это верится. В смысле, она от них не фанатеет.

– Да уж, верится с трудом, – подтвердила я, заправляя выправившуюся прядь за ухо.

Мимо нас прогарцевала маленькая собачка каштанового цвета, следуя на поводке за каким-то человеком, но, сидя на коленях, я могла видеть лишь только собачку. Она обнюхала ботинки Арчера, а потом и его пальцы, когда он протянул их к ней. Я успела дотронуться до её шелковистых ушей.

Арчер снова приложил сигарету к губам и затянулся. Выдыхая, он направил дым в сторону от меня. Я смотрела за тем, как он закручивался спиралью в воздухе, медленно в нём растворяясь.

– Тебе я не буду предлагать, – сказал он, повернувшись ко мне и слегка ухмыляясь.

– Ничего страшного. Я не курю.

– Так и подумал. Но ты ведь могла согласиться. Вот бы Луна пришла в ярость, – он улыбнулся. – Мы и так сильно рискуем, скрывая от неё факт, что общаемся.

– Переписываемся, – поправила я.

– Точно.

Я покачала головой и посмотрела в сторону.

– Все боятся Луны.

– Я не об этом, а о том, что мне это нравится. Хранить наш секрет.

После паузы он добавил.

– Что мы сами – секрет.

Он посмотрел на меня, и я почувствовала, как краснею, но прежде, чем успела что-то ответить, Арчер заговорил вновь.

– Будь с ней полегче. Ты же её младшая сестра. И я знаю, каково это. У самого есть

сестрёнка.

Он никогда раньше в переписке не упоминал об этом. Никто из нас не заикался про семью, и это, вероятно, было тем, что мне нравилось в нашем общении.

– Как её зовут? – спросила я.

– Калиста. И если бы какой-нибудь крендель предложил ей сигарету, я бы надрал ему зад.

Он улыбнулся.

– Да ей и всего-то пятнадцать.

Он поднял сигарету и посмотрел на неё. Она всё ещё горела оранжевым огоньком, а дым взвивался тонкой линией к небу.

– Всё это глупости. Иногда я думаю, что курю только для того, чтобы чем-то занять руки.

– И рот.

Я сказала это, не подумав, и как только я поняла, как это прозвучало, то почувствовала, как тепло прилило к моим щекам. Но Арчер просто рассмеялся.

– Как-то так, – сказал он и встал. – Кто знает, что бы я сделал, если бы не сигарета?

Он загасил её об стену за спиной и швырнул окурочок в мусорку рядом с дверью клуба.

– Пошли внутрь? – спросил он. – Надо хоть что-то послушать от следующей группы.

– Ох уж эти хорошие манеры, – сказала я.

– Стараюсь.

Он развёл перед собой руками.

Я посмотрела на него. «Знаю я тебя», – хотелось мне сказать, но это было бы неправдой. Я его не знала, пока.

– Я скоро подойду. Мне нужно позвонить маме, – и после паузы добавила: – Отстойно звучит.

Арчер засмеялся.

– Если бы моя мама была Мэг Феррис, я бы звонил ей днями и ночами.

После чего он широко распахнул дверь и растворился внутри. А у меня возникло чувство, будто посреди реально классной песни кто-то взял и выключил звук.

Я подошла ближе к фонарю у дороги и набрала мамин номер. Она ответила после второго гудка.

– Фиби, – сказала она вместо «алло», выдохнув моё имя, словно от облегчения. Словно, наконец, дождавшись моего звонка.

– Привет.

Чудно было слышать её голос с помехами. Всего-то вчера мы стояли с ней на нашем заднем дворике, где я в шутку назвала её похитителем людей.

– Где ты?

– На заднем дворе.

Я сразу представила, как она сидит на своём привычном месте с книгой на коленях на полуразвалившемся шезлонге в траве под яблонькой. Каждую осень она собиралась спилить это дерево, когда завядшие плоды забивались в газнокосилку, которая потом давила их по подъездной дорожке, завлекая пчёл, пьяневших от прокисшего яблочного сока. Но каждую весну она передумывала, когда дерево пышно цвело розовым цветом.

Я посмотрела на тёмно-серое небо, которое считалось для Нью-Йорка очень тёмным. Сегодня оно было усеяно облаками, освещавшимися огнями большого города.

– У вас темно? – спросила я.

Она усмехнулась.

– Фи, мы же в одном штате.

– Да знаю, просто было интересно...

Я замолчала, пытаюсь понять, что же мне было интересно. К фонарю был приклеена листовка с надписью «ПОТЕРЯЛАСЬ» большим чёрным шрифтом, и поначалу я решила, что речь идёт о кошке или собаке. «МОЯ МОЛОДОСТЬ, МОЁ СЕРДЦЕ». В том месте, где обычно размещают фотографию домашнего животного, было фото женщины с длинными русыми волосами. «ЕСЛИ ОТЫЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИТЕ ДЖОЭЛЬ».

Хм, видимо, чей-то арт-проект.

– А ты где? – спросила мама.

Я осмотрелась по сторонам, будто забыв. По тротуару через дорогу шагали три девушки, держась за руки и смеясь.

– Рядом с баром. В Виллидже.

Мама вздохнула.

– Именно это и желает услышать каждая мать семнадцатилетней дочери. А конкретнее?

– На Западной Четвёртой улице. В паре кварталов от Вашингтон сквер.

Я обернулась посмотреть на неоновую вывеску над входом, светившуюся нежным розовым цветом.

– «Тюльпанный клуб».

Я постаралась представить её рядом со мной, стоявшей на тротуаре или смотревшей на сцену на Луну. Но у меня это не получилось, даже в воображении.

– Луна и парнями только что закончили выступать.

Я услышала короткий лай Дасти неподалеку.

– И как они? – поинтересовалась мама.

– Мам, они классные.

Мимо прошла девушка в длинном полосатом платье, развевая его полы вокруг лодыжек, и улыбнулась мне. Я улыбнулась ей в ответ. Я могла быть кем угодно, обычной нью-йоркской девчонкой, стоявшей на тротуаре. Может, я вообще не Фиби Феррис.

– Ну, правда, у Луны потрясающий голос.

– Верю, – ответила мама, и я почти могла представить себе, как она кивает. – Луна даже лучше, чем когда-то была я.

Тогда почему ты так злишься? Но вместо этого я сказала:

– Ты тоже была классной.

Я сказала то, что думала, но была не уверена, что слова прозвучали убедительно. И не знала, почему это вообще было для меня так важно.

Мама продолжила:

– Стало быть, Луна так и ...

– Так и... что?

– Уходит?

Странное слово она выбрала. Луна ведь уже ушла, по-моему.

– Она так и планирует отправиться в тур, если ты об этом. В сентябре.

Дверь раскрылась, и я посмотрела на неё в надежде, что вышла не сестра. Но это была какая-то блондинка с татуировкой на ключице в виде бабочки, из-за неоновой вывески кажущейся тёмно-синей с тёмно-розовым.

– У меня особо не было возможности обсудить с ней это.

Мама молчала, и я прижала телефон плотнее к уху. Мне хотелось услышать звуки из нашего дворика, что всегда слышны в летние вечера: стрёкот цикад, крики пересмешника, старающегося передразнить пение другие птиц. Но из-за городского шума и доносящейся из клуба музыки ничего из этого я не слышала, даже мамино дыхание.

– Они собрали целую толпу. Они тут... слегка знамениты.

– В лучших традициях, – сказала она, только мне было не понятно, что она имела в виду. Я как раз собиралась это выяснить, но услышала голос в трубке, ниже, чем мамин, и где-то в отдалении. Я не смогла разобрать, что он сказал.

– У тебя Джейк? – спросила я.

Джейк – это самый близкий мамин друг из университета, тот самый, который называл её богиней ковки. Он делал огромные скульптуры из старых вещей. Что-то связанное с морем. Он собирал лодки, завешивал сетями парки. Месяц назад он ездил в Германию, где посреди одной из городских площадей установил большую коробку, сплетённую из вёсел.

Я рада, что он был с ней. Так она хотя бы не одна.

– Только что пришёл. Принёс мне китайскую лапшу из ресторана «May Jen». Боится, что без тебя я совсем зачахну.

Послышался какой-то шорох – может, бумажный пакет или длинный красный чехол для палочек для еды.

– И он, скорее всего, прав. В доме так тихо.

– Я уж точно не из тихих созданий.

– И не из самых благозвучных, – подшутила она, но её голос оставался грустным.

Мы обе молчали. Я хотела спросить её про отца или «Shelter», и каково это – остаться без сцены. Я думала, что возможно легче было бы говорить об этом по телефону, когда не надо смотреть друг другу в глаза, но я всё равно не решалась её спросить. Стоя на улице, очень далеко от неё, я не знала, с чего начать: с начала или конца. И как вставить в вопрос меня?

– Не буду задерживать, – сказала я, хоть и знала, как мама ненавидит эту фразу. «Если хочешь закончить телефонный разговор, так и скажи», – воспитывала она меня. По правде говоря, я говорила это, потому что она ненавидела эту фразу, то есть я хотела, чтобы она опять на меня огрызнулась. Но она проигнорировала её.

– Хорошо, Фи, – сказала она. – Люблю тебя, я тебе ещё позвоню. Передай Луне, что я её люблю.

После чего она повесила трубку. Я услышала короткий щелчок, а потом тишину. Прежде, чем я успела сказать ей «пока».

Глава 20

Мэг

Февраль 1995

Кирен подал мне руку, помогая выйти из лимузина. Создав пробку на дороге, мы вызвали гнев у таксиста позади нас, долго и противно трезвонившего в свой гудок. Я подняла голову к небу и увидела трёх голубей, спорхнувших с крыши здания.

Дэн хлопнул дверцей, а мы с Кит взяли за руки. Лимузин уехал, чтобы найти себе временное пристанище до нашего возвращения. От мыслей об этом у меня немного кружилась голова, но, возможно, это было связано с выпитым по пути шампанским – четыре бутылки на пятерых. Мы изрядно повеселились. Обычно я не пила, но сегодня так волновалась – всё внутри трепетало, и сердце дико стучало – что мне пришлось позволить себе три больших бокала. Теперь же, когда я ступила в фойе, мне стало ясно, что я перебрала.

– Чёрт!

Я еле стояла на своих шпильках, отчего сильно наваливалась на руку Кирена.

– Зай, ты чего?

Я засмеялась.

– Всё путём.

Клянусь, всё вокруг меня куда-то плыло, отчего я никак не могла встать прямо. Какое счастье, что родители прилетят не раньше ужина. Мне всё же удалось их убедить, что в зале просто не хватит места для всех нас. Я любила их, даже очень, но стресса мне и без них хватало.

Кирен вернул меня в вертикальное положение, придерживая рукой за поясницу.

– Если бы не знал тебя, то решил бы, что ты пьяна.

– Но ведь ты знаешь меня.

Я попробовала жеманно наклонить голову, но от этого снова потеряла равновесие и удержалась только благодаря руке Кирена. Да кто вообще придумал каблуки? «Мужчина», – любила отвечать Кит, но её каблуки в тот день были даже выше моих.

Кирен улыбнулся. В тёмно-сером костюме, который идеально сидел на нём, он был просто божественно красив.

– И всё же, как насчёт этого?

Достав из кармана, он вложил мне в руку ментоловый леденец.

– Лишь для того, чтобы работники ЗАГСа чего-нибудь не надумали.

– Она же не виски пила, – сказала Кит, поправляя свою тёмно-синюю фетровую шляпку с сеточкой и птичкой. Она была винтажной, нелепой и потрясающей одновременно. – А с ним от неё будет пахнуть как от французской проститутки.

Кирен улыбнулся и пожал плечами.

– И пусть.

Дэн потряс головой.

– По-моему, французские проститутки пахнут парфюмом, а не виски.

Я закинула в рот леденец.

Картер изучал указатели в коридоре.

– Сюда, – позвал он.

Кит взяла его за руку, задумав подурочиться с ним, бегая вприпрыжку, но у него это не особо получилось. Тогда она отпустила его ладонь и, хохоча, закружилась посреди коридора. Картер лишь смотрел на неё с широко открытыми глазами, будто наблюдая за чем-то очень зрелищным. На Кит был серо-голубой юбочный костюм шестидесятых годов, отрытый, как обычно, в одном из её любимых винтажных магазинов Восточного Виллиджа.

– Спорим, тридцать лет назад какая-нибудь девица одевала его на свадьбу сестрёнки, – сказала она мне, когда покупала его. – А теперь я надену его на твою.

Как же Кит любила всё это: видеть в одежде судьбы людей. Но Картер мог видеть только Кит. Уже много лет он был влюблён в неё. Бедный, бедный Картер. Ведь Кит привлекали только женщины.

А я увидела дамскую комнату.

– Мне нужно пописать, – сказала я, после чего Кит сделала разворот, завершив его реверансом для ребят.

– Нам нужно удалиться! – сказала она и, взяв меня за руку, потащила в сторону туалета.

Стены дамской комнаты были увешаны лишь широкими зеркалами и серой плиткой, из-за которых у меня ещё сильнее закружилась голова.

– Я на качелях, – произнесла я.

Мы с сестрой смотрели друг на друга в зеркало и улыбались.

– Не переживай, они только здесь.

– Нет, они повсюду.

Я зашла в кабинку и закрыла за собой дверь. Только после того, как я села, земля

остановилась в этом маленьком пространстве. Впервые за весь день я ощутила в животе прилив паники. Что я здесь делаю? Я хотела выйти замуж за Кирена с того самого момента, как репортер журнала «Rolling Stone» по ошибке назвал меня Мэг Феррис. Он решил, что мы уже женаты, поэтому и услышал мою фамилию как Феррис, а не Фостер. А, может, он просто прочитал мои мысли или желания. После этого случая мы стали говорить всем, что так оно и есть.

Но в день свадьбы я словно угодила в путешествие во времени, ведь мы же уже женаты, так для чего это всё? А если бы мы не были женаты, тогда почему все думали, что мы муж и жена?

Мысли пьяной женщины, знаю. Но у меня в груди по-прежнему всё дрожало, а моё дыхание совсем сбилось.

Я встала и спустила воду. Когда я вышла из кабинки, Кит освежала подводку глаз. Я смотрела на сестру в зеркало, а она – на меня, повернув на меня лишь свой взгляд.

– Что, если это ошибка? – спросила я.

Кит повернулась ко мне всем телом.

– Маргарет Мэйв Фостер. Что за дела?

– Кэтерин Диэдри Фостер, я серьёзно.

Я переступила на другую ногу, прислоняясь к раковине для сохранения равновесия.

– Все и так думают, что я Мэг Феррис.

Она положила руки мне на плечи, продолжая держать в одной из них карандаш для глаз.

– Мэг, ты любишь его. Он любит тебя. Он, может, и идиот, да и ты странноватая мадам, но это неважно, когда есть любовь.

– Боже, Кит. Ты и в самом деле умеешь поддержать. И не верь никому, кто скажет тебе обратное.

Она закатила глаза, хоть и улыбалась, возвращая карандаш на место в сумочку.

– Всё будет хорошо. Дыши.

И я задышала.

Кит взяла меня за руку и вывела из дамской комнаты. В зале для бракосочетаний Кирен занял место рядом с ведущим церемонии – высоким мужчиной, таким мацо из сериала. В хорошем смысле.

– Ого, – прошептала Кит. – Я бы на таком попрыгала, если бы мне нравились мужчины.

Я засмеялась на это, а она вслед за мной, и это заметно расслабило мои зажатые плечи.

Кирен улыбался мне, отчего мои губы сами расплывались в ответной улыбке. Мы с сестрой начали шествие по центру зала. Картер и Дэн встали по обе стороны от нас, и мы все взяли под руки.

– Вы не будете спрашивать, кто отдаёт невесту? – спросил Дэн.

Ведущий моргнул и сказал:

– Это не обязательно.

Рядом с ним за столом сидела женщина. Она коротко хихикнула.

– И всё же, мы все втроём отдаём.

– Договорились. В любом случае, для начала вам нужно кое-где расписаться.

– Почему вообще кто-то должен отдавать? – возмутилась Кит, ткнув Дэна локтём в руку. –

Она свободная женщина.

Когда мы, наконец, добрались до Кирена, он притянул меня к себе и поцеловал.

– Давайте по порядку, – вмешался «романтичный» Картер. – Поцелуешь невесту позже.

Когда женишься.

– Простите, не смог удержаться.

– Так, приступим, – сказал ведущий церемонии, наконец, изобразив на лице лёгкую улыбку.

Мне было даже неважно, что мы устроили из этого церемонию, потому что мне было по-настоящему хорошо стоять там, рядом с тем, кого я любила.

Глава 21

Вернувшись в клуб, я увидела Луну, сидевшую на стуле почти у сцены с зажатой бутылкой пива между коленей. Вторая группа уже закончила, так что из-за разговоров с Арчером и мамой я полностью пропустила их выступление.

– Эй, Фи, – окликнула меня Луна. Её глаза казались немного больше, чем раньше, а макияж смазался, придав взгляду эффект «смоки айс». Заправляя прядь волос за ухо, она вальяжно спросила:

– Ну, как тебе?

– По-моему, вы потрясающе выступили. Правда.

Сестра улыбнулась.

– Хочешь пива? – спросил Джош. Он стоял позади Луны, облокотившись на стойку бара. Я смотрела на сестру, хоть и старалась избегать её взгляда, но теперь она тоже глядела на меня, ожидая ответа.

– Просто газировку с лимоном.

Я решила, что так будет больше похоже на то, что я пью что-то взрослое.

Я села рядом с сестрой на стул, обитый ободраным коричневым винилом. Джеймс стоял так близко к Луне, что их плечи соприкасались. Словно два кусочка паззла они сходились в идеальную картинку.

– Я говорила с мамой, – сказала я Луне. – Она хотела узнать, как прошёл концерт. Я сказала, что всё было круто.

Сестра лишь слегка улыбнулась в ответ.

– Я бы многое отдал за то, чтобы попасть на концерт к вашей маме. А ещё лучше вместе с вашим папой.

– Да мы сами никогда не видели их на сцене, хотя мы их дети.

Луна взглянула на меня и моргнула, после чего открыла рот, чтобы выдать нечто совсем неожиданное:

– Знаешь, а я ведь любила представлять себе, что на самом деле моим отцом был кто-нибудь из тех, с кем они обычно играли. Типа Пола Уестерберга или Дэйва Гроля. Но только не Перри Фаррелл.

Она презрительно наморщила нос.

– Да ладно!

Тут я заметила, что склонялась к сестре, поэтому дёрнулась назад, чтобы не упасть со стула. Парни восторженно смотрели на Луну, будто увидели что-то экзотичное, вроде жар-птицы, или настоящую комету. У Джоша слегка отпала челюсть, а Арчер сдвинул наморщенные брови. И тогда я поняла, что раньше сестра ничего не рассказывала им о наших родителях.

Луна кивнула, улыбаясь.

– Прости, Фи. У тебя есть такая же ямочка, как у Кирена, на том же самом месте, — она легонько ткнула пальцем в место рядом с моей губой. – Тут сомнений быть не может. Ты – чистокровная Феррис.

– Видимо, да.

Бармен поставил на стойку мой стакан с мерцающими в приглушённом свете пузырьками.

– Ладно, всё это неважно. Он мой отец, на всю жизнь.

Луна провела пальцами по волосам, разделяя их на волнистые пряди.

– Но я не обязана встречаться с ним.

После чего наступило неуютное молчание.

– А Мэг потом ещё виделась с теми ребятами? В смысле, с Картером и Дэном? – спросил Джош.

Похоже, он впервые задал ей этот вопрос. Поверить не могу!

– Время от времени видятся, – ответила она ровным голосом.

Я смотрела на Луну в ожидании, что та скажет что-то ещё, но она просто пристально смотрела в стену.

Будучи детьми, когда мы злились на мать, мы иногда говорили ей, что уйдём от неё, уедем в Нью-Йорк и будем жить с отцом. Мы тогда виделись с ним лишь несколько раз в год, и чаще всего не на Манхэттене. Он приезжал в Баффало и жил в квартире над гаражом, пока мама не построила там себе студию. Отец завтракал с нами, а потом отводил нас в зоопарк или к реке. А потом возвращался в Нью-Йорк, чтобы пропасть на недели или даже месяцы. Если он был на гастролях, то слал нам открытки, иногда с марками из Калифорнии и Ванкувера, или откуда-нибудь из Европы. Писал он в них немного. Он мог упомянуть другие группы, с которыми играл, или перечислить, что накануне ел. Луна могла часами рассматривать его корявые размашистые записки, словно пытаясь разглядеть, что было спрятано за словами. После чего больше уже никогда не смотрела на них. Вроде они всё ещё лежат в каком-нибудь дальнем ящике стола.

Когда мама нас доводила, и мы говорили ей, что уйдём, она никогда не говорила, мол, «уходите, валяйте!». Но мама также не говорила и правды о том, что отец нас не ждёт, и никогда не ждал.

– Это всё из-за тебя, – однажды сказала мне Луна. Мне было тринадцать, а ей пятнадцать. Она тогда носила короткую стрижку «пикси» и рисовала себе «кошачьи глаза», подводя длинные стрелки, как было модно в шестидесятых. Её глаза казались огромными из-за остриженных волос. И, вполне вероятно, именно тогда я впервые поняла, какая она была красивая.

– Что? – от охватившей паники еле слышно переспросила я. Луна под села ко мне на кровать.

– Ладно, из-за меня. Случилась я. Такое бывает. И они остались вместе, и даже надеялись на что-то, родив тебя.

Сестра покачала головой, словно сама в это не верила.

– Какими же они были придурками! Без обид.

Она пожала плечами, после чего встала и вышла из комнаты.

Луна встала, с силой поставив бутылку на стойку бара, что был слышен даже всплеск оставшегося в ней пива и шипение пены. Почти полбутылки.

– Пора идти. Я страшно устала.

Потом она прильнула к Джеймсу и поцеловала его.

– Увидимся дома, милый?

– Так точно.

Луна повернулась к Арчеру и Джошу.

– Не забудьте о проигранном завтраке.

– Оформим в лучшем виде.

На выходе из клуба Луну остановила солистка другой группы – миниатюрная корейка с красными губами и торчащими в разные стороны волосами. При встрече девушки обнялись и стали общаться, поэтому парным пришлось загружаться прямо напротив нас. Джош пользовался во время выступления ударной установкой другой группы, так что весь процесс не занял много времени: гитара, басс, два усилителя, пара коробок с педалями и проводами. Я присела на стул, пока Луна разговаривала, а Арчер улыбался мне каждый раз, когда проходил мимо.

Когда сестра, наконец, закончила, мы вышли на улицу, где ничего не изменилось с тех пор, как я видела её в последний раз, только стало тише и прохладнее. Луна повела меня в противоположном от парка направлении.

– Пошли на станцию Эстор Плэйс.

Мы завернули за угол к входу в метро. Неподадалёку от него была припаркована их машина, а рядом, прислонившись к ней, стоял Арчер с сигаретой между пальцев. Я подошла к нему на автопилоте, словно меня притянуло магнитом, и в тот момент я подумала: «Может, я вела себя так, будто всё случилось из-за меня? Как человек, который не должен был появиться на свет? Может, пора уже что-то сделать».

И именно тогда я решила, что поцелую Арчера раньше, чем неделя закончится.

– Курение убивает.

Я сказала это, потому что ничего, кроме этого заезженного слогана, мне в голову не пришло. Послышался скрежет поезда, прибывшего на станцию где-то под нами.

– Он уже знает, – сказала Луна и схватила мою руку. – Давай уже, мы можем успеть, если поторопимся.

Арчер сказал что-то нам в спину, но из-за спешки я ничего не расслышала. К тому моменту, как его голос донёсся до нас, мы почти спустились в подземку.

Глава 22

Проехав пять станций, мы с Луной не сказали друг другу ни слова. Их точно было пять, потому что я считала и пыталась запомнить их названия, а также понять, где линии пересекаются. Луна этого не замечала: прикрыв глаза, она прислонилась головой к стене. В голубоватом освещении сестра выглядела бледной. На следующей остановке Луна открыла глаза и повернулась ко мне.

– Мама сказала, что вы с Тессой больше не общаетесь.

– Ты разговаривала с мамой? – воскликнула я от такой неожиданности.

– Она написала мне об этом месяца два назад, – сестра изобразила, будто набирает на телефоне сообщение. – Ты никогда не поднимала эту тему, вот я и забыла тебя спросить. Плохая у тебя сестра.

– Ладно тебе.

Я бросила взгляд на застёжку на гитарной кофре сверху – серебряную, идеально квадратную – и мне сильно захотелось дотянуться до неё и расстегнуть, только зачем?

– Так что произошло?

Я набрала воздуха в грудь.

– Да, всё из-за парня.

– В лучших традициях.

Для меня эти слова стали эхом маминых слов по поводу популярности Луны. У мамы с сестрой явно был один на двоих словарный запас.

– Не совсем. Она очень долго тащила от одного парня, с ним она и пошла на выпускной. А я была с его другом, – я сделала паузу. Что-то блеснуло в темноте тоннеля, будто молния прошмыгнула в окне. – Он поцеловал меня.

– Кто, её парень или твой?

– Её, – от тех воспоминаний у меня участилось сердцебиение. – Правда, он... мне тоже нравился. Я не знала, что именно он нравился ей, когда мы познакомились. Всё... запуталось. В общем, я ему тоже нравилась.

Поезд заскрипел перед остановкой, и двери раскрылись. Я ощутила поток влажного

горячего воздуха подземки, ворвавшегося в вагон.

– Жесть, – сказала Луна.

Я поняла, что мы прибыли на станцию «Бруклинский мост» Сити Холл, и сестра встала.

– Нам надо перейти на другую линию, – сказала она, и мы вышли из поезда.

И вот, стоя вдвоём на платформе в ожидании следующего поезда, я начала рассказывать сестре свою историю.

Когда я задумывалась над тем, как всё случилось, то первое, что мне вспоминалось, так это небо. Широкое, чёрное, усыпанное миллионами звёзд. Мы были за городом, и я не могла поверить своим глазам, которые так четко видели созвездия, несмотря на отсутствие фонарей поблизости. Звезд было больше, чем я ожидала. Они заполняли собой всё пространство между и внутри уже знакомых мне созвездий. Мы ушли с выпускного в полночь и сели на троллейбус, доехав до двора Челси, или как там ещё его называли. Толстые ночные деревья окаймляли лужайку за большим белым домом Челси. С неба нам светила почти полная серебряная луна.

Когда Тесса пригласила Бэна на выпускной бал, то уговорила меня пригласить Тайлера, вместо моего друга Тома. До сих пор не пойму, почему я согласилась. Я ведь вообще не хотела связываться ни с Тайлером, ни с Бэном, и уж точно не хотела весь вечер любоваться парочкой из Тессы и Бэна. Думаю, меня пугало, что подруга о чём-то догадывалась, и, наверное, я согласилась в надежде отвести от себя её подозрения. Подозрения в чём, не знаю. Я решила не мечтать о Бэне, и даже ничего не пробовать.

Я стояла у костра, пытаюсь выглядеть так, словно мне и правда было дело моей зефирки (Челси позаботилась и купила специально для меня зефирки без желатина), которые я жарила, как около меня возникла Тесса. Она дала меня пластиковый стаканчик с чем-то розовым. По моему, это было вино.

– Челси сказала, что там за деревьями есть полянка, – она показывала рукой в сторону леса. – Здесь недалеко. А ещё она сказала, что оттуда классный вид на звёзды.

– Здесь они тоже красивые, – сказала я, тыча зефиркой на палочке в небо. – А ещё здесь теплее, и комары почти не достают.

Тесса недовольно скривила губы, на что я помотала головой.

– Почему бы вам с Бэном туда не пойти?

Я знала, что Тесса хотела, чтобы Бэн поцеловал её, и мне не особо хотелось быть тому свидетелем. Что мне оставалось делать? Считать все эти грёбаные звёзды? Целоваться с Тайлером? Вот уж нет. Мне и так придётся отвечать за все те снимки с бала, где Тайлер держал меня за талию. При всей своей привлекательности он был совершенно невыносим. Не знаю точно что, но то ли его улыбка, то ли ровные белые зубы страшно раздражали меня.

Я сделала большой глоток вина.

Тесса встала передо мной и затрясла головой, затем всем телом: головой, плечами, бёдрами. Даже волосы, уложенные в идеальные крупные волны, пустились в пляс. Она уже успела осушить два стакана вина.

– Мы пойдём все! – настаивала она.

Тут к ней подошли парни. Я посмотрела на Тайлера, а потом на Бэна, у которого на лице была лёгкая и очень милая улыбка. В ней было что-то извиняющееся.

– Мы тоже идём! – сказал мне Тайлер, с настойчивым видом подавшись вперёд. – Вы пока идите с Бэном.

После чего взял руку Тессы и поднял вверх, будто в подтверждение одержанной победы. Она захихикала.

– Мы с Тессой сходим за провизией, – сказал он, уводя за собой мою смеющуюся подругу.

На столе в гостиной Челси были кексики, но я точно знала, что под «провизией» Тайлер

имел в виду алкоголь, от которого всё могло стать только хуже. И всё же, я допила своё вино и выбросила стаканчик в мусорку. Потом закинула в рот свой идиотский зефир, и даже решила прихватить с собой весь пакет.

– Ладно, – отозвался Бэн.

Он смотрел на меня, всё ещё улыбаясь. Я тоже попыталась улыбнуться с полным ртом зефира, но вряд ли у меня получилось сделать это так же мило.

– Любишь сладкое? – спросил он, когда мы направлялись к краю двора. Рядом с кустами лежал футбольный мяч, и Бэн пнул его на лужайку.

– Они вегетарианцы, – сказала я, словно это был мой ответ. Я подняла пакет для иллюстрации. – В смысле, Челси купила их для меня. Я не ем желатин, потому что его получают при варке коровьих ног. Или чего-то там ещё.

– Фу.

– Ага. Короче, я не хочу, чтобы кто-то ещё съел их, пока нас нет.

Бэн засмеялся:

– Теперь понимаю. На крайняк, можем забросать ими медведей, если нападут.

В сказках, что мама читала нам с Луной, всё самое важное происходило в лесу. И теперь я понимала почему. Потому что, когда мы вошли в него, что-то изменилось. В деревьях стало совсем темно, даже большую белую луну было не видно. Сначала мы шли по мягкой тропе, усыпанной сосновыми иголками. Пару часов назад я сняла с себя шпильки, и теперь на ногах у меня были серебристые шлёпки, так что некоторые иголки вставали между стопой и подошвой. Я запнулась за корень, торчащий из земли как коряга, но смогла удержаться на ногах.

– Ух, ты, – сказал Бэн.

Он взял мою руку, чтобы помочь мне устоять, и я позволила ему это. Это была моя первая ошибка: я не отпустила его руку.

Когда мы вышли на полянку, у меня поехала крыша. Над головой медленно кружились звёзды, словно они были на дне озера, а я водила рукой по воде.

– Небо шатается. Что-то мне это не нравится.

Я выпустила руку Бэна и легла на траву, ощущая кожей покалывание от холодной влаги. Звёзды перестали кружиться. Я закрыла глаза на секунду, а когда открыла, Бэн лежал рядом со мной. Я повернула к нему голову, касаясь щекой травы. Парень смотрел на меня.

– Это я попросил Тайлера дать нам немного времени.

– Что? – я села и развернулась к нему. Небо качнулось над головой. Звёзды снова пустились в хоровод. Бэн продолжал лежать на земле. – Кому «нам»?

– Нам с тобой.

По тому, как он тёр ладонь большим пальцем, было видно, что парень нервничал.

– Знаю, что это не лучший способ сказать тебе об этом, но у меня такое чувство, что всё перепуталось, – Бэн сел так, чтобы мы оказались лицом к лицу. – Я хотел, чтобы ты пригласила меня на бал. А не Тесса.

– Что? – крикнула я шёпотом.

– Да хватит уже это повторять, – его улыбка была слегка перекошенной, полной надежды. – Хочешь сказать, что ты совсем этого не ожидала?

Разве? Может, и да.

– Не важно, что думаю я. Ты уже давно нравишься Тессе.

– Давно?

– Как минимум, с осени, – я выдернула клочок травы и бросила. – Она постоянно выискивала тебя с твоей палкой для лакросса, видела тебя на велике.

Я стряхнула траву с подола моего атласного платья.

– Однажды она тебя чуть не сбила, – мне даже на секунду захотелось, чтобы это случилось, тогда мне не пришлось бы быть здесь в этом лесу с симпатичным парнем, который также был кавалером моей лучшей подруги на выпускном.

Улыбка сползла с лица Бэна.

– Стало быть, ей и решать?

– Типа того.

У меня в груди всё шипело и пузырилось, прямо как в бутылке с газировкой.

– Но это несправедливо, – спокойно рассуждал он. – У меня и права голоса теперь нет?

– Ну, не знаю, – я взяла пальцами очередную зефирку и стала сдавливать. Где же этот медведь, в которого я могла бы бросить её? И не пришлось бы дальше говорить. Я даже подумывала забить себе рот этими зефирками. – Да и вряд ли это поможет.

Мы посидели с минуту молча. Я всё надеялась услышать Тессу с Тайлером, но были слышны лишь ненавязчивый треск сверчка и обрывки смеха оставшихся у костра школьных друзей.

Бэн поджал в груди ноги.

– Надо будет жалобу в школьную администрацию накатать.

– Дерзай.

Моё сердце колотилось. Сейчас я бы и от горячительного не отказалась. Да и вообще, чем расплывчатее представлялась бы ситуация, тем легче было бы её пережить.

Бэн устремил взгляд на деревья.

– Все мои мысли сейчас лишь о том, как я хочу тебя поцеловать, – сказал Бэн очень нежно.

Я покачала головой, но продолжала смотреть на него.

– Ты просто напился.

– И это тоже, – ответил он и повернулся ко мне, а затем опёрся одной рукой о землю. – Но я это сделаю.

Бэн придвинулся ближе, положив другую руку мне на щёку и наклонив немного голову. Он смотрел на меня так, словно действительно мог видеть меня. Или, может, я позволила ему, наконец, увидеть меня. Я застыла. И тогда его губы, такие мягкие и уверенные, прикоснулись к моим, и я ответила на поцелуй, поддавшись порыву. Было слышно какое-то гудение, может от сердца или от горящих над нами звёзд. Столько всего сразу, что я просто не могла дышать.

Я отстранилась, оперевшись рукой на росистую траву.

– Нам нельзя, – сказала я, как будто спрашивая, но затем поняла, что так я обращалась к небесам, звёздам или чему-то ещё, чтобы они уберегли меня от предательства лучшей подруги.

Из леса донёсся голос Тессы, словно мои мысленные призывы были услышаны. Смеясь, они с Тайлером вышли с тропы на поляну и подбежали к нам, рухнув коленями на землю и звякнув бутылкой с французской водкой об камни в траве.

– Провизия! – объявила Тесса.

Она выглядела такой счастливой, что мне на какое-то время полегчало. Тесса не знала, что только что произошло. Я ещё всё могла исправить.

Бэн по-прежнему пытался поймать мой взгляд, пока Тайлер разливал водку по пластиковым стаканам. Я с натянутой улыбкой смотрела на Тайлера. На Бэна я взглянуть не могла. Минут двадцать спустя я прикинулась замёрзшей, и мы вернулись к костру. Я оставила на полянке зефир, за что до сих пор не могла себя простить. Может, какие-нибудь милые зайчишки-вегетарианцы нашли их и съели на десерт.

Я не сказала об этом Тессе. Ни в ту ночь, да и ни последующие. Но она всё равно об этом узнала. Потому что как в любой сказке поцелуй способен всё изменить: всё исправить или же вывернуть наизнанку.

Когда я закончила рассказ, мы проезжали над рекой. Луна сидела идеально ровно, немного покачиваясь от колебаний вагона, и молчала.

– А что сама чувствуешь к нему? – спросила она.

– Это неважно.

Я провела пальцами по лбу, будто у меня болела голова. Но с ней всё было в порядке.

– Это очень даже важно, – сказала Луна добрым тоном.

Я расслабила мышцы и позволила поезду раскачивать меня вперёд—назад, словно на волнах.

– Он нравился мне. Правда. Но сейчас всё это кажется бессмысленным, – я посмотрела на сестру. – Мы с Тессой были лучшими подругами двенадцать лет. И я страшно злюсь на него за то, что он рассказал ей про всё.

– Ну да, но ты ему, наверное, действительно нравишься. Не надо винить его за то, что он решил признаться. Вероятно, он думал, что ситуация не настолько серьёзная. Может, он просто не хотел никому врать.

Врать, как и я. Но стоит ли его винить? Думаю, да. И я виню. И всё же, когда я думаю о нём, то делаю глубокий вдох. Я вспоминаю то, что чувствовала в момент того поцелуя. То, каким он был сладким.

– Так, а на что разозлилась Тесса? На то, что ты целовалась с ним или на то, что ты не рассказала ей?

Я задумалась.

– Думаю, и то, и то. Но больше из-за того, что не рассказала.

Луна подтянула колени к груди, и теперь её ноги в сандалиях качались на самом краю сиденья. На ногтях её пальцев ног был синий педикюр.

– Хочешь знать моё мнение?

Она смотрела на меня.

– Ещё бы.

– Так вот. Первое, ей легче злиться на тебя, чем на Бэна или на себя, – сестра приложила руку к своему сердцу. – Потом, могу себе представить, как она устала от того, что ты перетягиваешь на себя всё внимание.

– Внимание к чему?

– Внимание к себе как одной из Великих Феррисов, – Луна усмехнулась. – В смысле, эти звёзды – твои родители, – она провела пальцами как гребнем по волосам. – Знаешь же, какие у нас там люди. Им бы только какую-нибудь знаменитость. Звезду не обязательно, можно и погасшую звёздочку, – она стала смотреть в окно, и я заметила, что мы подъехали к Бороу-Холлу. – Почему, думаешь, Рэйчел Джонсон распространяла обо мне те слухи в девятом классе?

Я не особо помнила ту историю, а, может, не особо и знала о ней. Мне было всего четырнадцать. Помню Луну в слезах, когда мы ехали домой, и её разъярённый вид в коридоре на следующий день, когда она проходила мимо шкафчика Рэйчел. А они ведь были подружками. Их дружба после этого канула в прошлое.

Луна встала, и я последовала за ней на выход. Станция была так ярко освещена, что было не ясно, день сейчас или ночь. Казалось, будто я спала последний раз очень давно, но сейчас я даже думать не могла о сне.

– Но твоя ситуация не связана с мамой и папой. У тебя всё по-другому.

Луна подняла гитару, когда мы проходили через турникет.

– Во-первых, она связана. Все хотят узнать про «Shelter», – идя по коридору, её шаги раздавались более громким эхом, чем мои. – Во-вторых, у тебя тоже по-другому. Просто связана не с музыкой.

– Сообщи мне, когда выяснишь, с чем она связана у меня, – я сделала глубокий вдох и вдруг почувствовала невероятную тяжесть в теле, даже не знаю, смогу ли осилить весь оставшийся путь до квартиры. – А ведь Тесса сказала мне, чтобы я ехала повеселиться с моей известной семейкой.

– Вот видишь? В точности как я сказала.

– Не знаю. По-моему, она это со злости.

Мы вышли со станции, вернувшись на улицу, которую покинули несколько часов назад. Машины так и плелись по Корт Стрит. Луна подошла к бордюру и ступила на дорогу в то же мгновение, как переключился свет светофора.

– Мне нравится Тесса. Всегда нравилась. Но ситуация у вас хреновая. Но я думаю, тебе нужно слегка отвлечься. Ты с тем парнем не встречаешься. Ты извинилась перед ней. Она ещё вернётся.

Луна посмотрела на меня:

– Ведь это тебе пришлось отказать парню, который тебе действительно нравился.

Я улыбнулась.

– Он очень классный.

Большинство витрин было завешано металлическими решётками, отчего улица приобрела иной – одинокий – вид. Мы свернули на Шермерхорн с освещённым, но пустым книжным магазином.

В памяти всплыло чуть более раннее высказывание сестры.

– Ты считаешь отца почти погасшей звёздочкой?

Луна поразмыслила немного.

– Не знаю. Он неплохо разобрался с критиками на этот счёт. «Питчфорк» назвал его «музыкантом среди музыкантов», – она поставила в воздухе кавычки. – Думаю, это означает, что он хорош, но не всем дано это заметить.

– Всё же кто-то замечает.

Она кивнула. Мы прошли мимо того парапета, на котором стояла коробка с книгами, но теперь её не было.

– Я уже убедилась в том, что на выпускных балах обязательно должна произойти какая-нибудь фигня. Назовём это «законом выпускного». Помнишь Роба Маркхэма? Я с ним ходила.

Что-то припоминала. Высокий парень, блондин. На нём ещё был тёмно-синий жилет в тон платью Луны с вышитым бисером лифом и юбкой сплошь из шифона. Сестра нашла его в винтажном магазине. После того, как она начесала себе волосы и сделала макияж, то выглядела как модница из 1950х годов.

– Весь наш первый танец он клал свою руку мне на зад, после чего я большую часть оставшегося времени провела в туалете вместе с Ли, – Луна улыбнулась. – И не то, чтобы меня так задевают парни с их руками. Меня бесит, что мне нужно отвечать им взаимностью.

Она поскакала вниз по ступенькам, ведущим к двери дома, раскачивая кофр за своими плечами, и вставила ключ в замок.

– Зато я извлекла для себя урок.

– Какой?

Я проследовала за ней в освещённое фойе.

Луна понизила голос:

– Лучше уж скрываться в туалете, чем общаться с кретинами.

Она развернулась и начала взбираться по ступеням.

А какой урок надо извлечь мне? Надо подумать. Что не стоит доверять тому, что происходит при звёздном небе и одурманенном розовым вином сознанием? Или, может, что секреты

невозможно хранить вечно, что они обязательно вскроются, прежде чем ты успеешь что-то исправить. Может, всё бы пошло по-другому, если бы я ответила на смс-ки от Бэна после выпускного, а не выключила телефон, делая вид, что ничего не произошло. Я представляла, как космические спутники сдерживали его смс высоко над атмосферой, также как и я должна была сдерживать его тогда от поцелуя.

Глава 23

Я проснулась в одиннадцатом часу, когда уже вся квартира была залита солнечным светом. Вытянув ноги над диванным подлокотником, я скрестила лодыжки, отчего мою левую стопу свело. Я медленно села, но потом встала, поняв, что теперь свело всю ногу. Чтобы вернуть её к жизни, я стала прыгать на другой ноге. Гостиная была пуста, а дверь в спальню Луны и Джеймса всё ещё была закрыта.

Засыпая, я думала о Тессе и Бэне, и теперь, проснувшись, в голове продолжали крутиться воспоминания. В последний день экзаменов, спустя три недели после выпускного, Тесса написала мне, что хочет встретиться на качелях. Уже стемнело – была половина одиннадцатого – и, вероятно, подруга сбежала из дома по тем подпоркам. Мне же в побеге не было нужды: мама была на конференции в Торонто.

Я даже не стала переодеваться и вышла на пустынную улицу в пижаме и балетках, прихватив с собой Дасти. Всю дорогу она стремилась обнюхать каждое дерево, но я тянула её за собой на поводке. Фонари бросали на тротуар бледные круги света, отчего в других местах улица казалась ещё темнее.

Тесса сидела на прогнувшейся под ней резиновой качели, держась обеими руками за цепи. Она была в джинсах, большом свитере, с облезлым розовым лаком на ногтях.

– Привет. В чём дело? – Я отпустила поводок, и Дасти, посапывая, устремилась к шесту от качелей. – Я уже была в пижаме. А теперь придётся ложиться позднее.

Сев на соседнюю качели, я повернула её так, чтобы развернуться к Тессе лицом. Но она продолжала смотреть на дорогу перед собой.

– Он сказал мне.

Я втоптала носки ног в песок, чтобы закрепиться в одном положении.

– Кто тебе сказал?

– А ты как думаешь? Бэн. Я позвонила ему.

По телу побежал холод, и я обтянула свитер вокруг талии.

– Что он сказал?

– Он сказал, что ему нравишься ты, и что он сожалеет, – на последнем слове в её голосе появилась хрипота. – Он сказал, что признался тебе в этом на выпускном, когда вы были в лесу. Сказал, что вы целовались.

Моё сердце бешено билось.

– Тесса, я...

– Не надо, – она подняла руку вверх, останавливая меня. – Понимаю, что это ты у нас красивая...

– Нет!

– ... и очень интересная, – и тут она посмотрела на меня. – Но почему ты мне не сказала?

И я отвернулась от неё, раскрутив качели в нормальное положение. Я не могла смотреть на неё.

– Я думала, что так испорчу тебе выпускной. Он был пьян и не знал, что делает.

Я тогда соврала. Конечно, он знал.

– Да плевала я на Бэна. Я о тебе говорю, Фиби.

Тесса встала ногами в песок напротив меня. Дасты подняла голову и подошла к ней, чтобы понюхать её руку. Тесса как будто не замечала её и не отстранила руки.

– Нельзя делать вид, что вещи просто происходят сами по себе. Ты в ответе за свою жизнь. Ты разумное существо.

Она ещё смотрела на меня, но через секунду отвернулась и ушла. Я не стала идти за ней, а продолжала сидеть на качелях и смотреть ей вслед, пока она не превратилась в крошечную фигуру на тротуаре где-то около своего дома. Это могла быть даже не она.

Я сидела на качелях ещё какое-то время, после чего взяла поводок, и мы с Дасты отправились домой. Дом казался тихим и пустым, и хоть я и думала написать Тессе или даже Бэну, я не стала этого делать. Я ничего не стала делать. Пока я пыталась уснуть, то вспоминала код Морзе – все эти точки и тире – и подумала о сообщениях, которые могла бы послать Тессе через окно. Было бы только, что сказать!

Я приняла душ в ванной сестры, потом вышла с ещё мокрыми волосами и подошла к холодильнику. Только в этом месте квартиры можно было увидеть фотографии, но тут было всё: вся дверца морозилки была завешана. Здесь были и Луна с мамой и мной в Ирландии три года назад на фоне Сапфирового залива. Растрепавшиеся волосы у всех были одного тёмно-русого цвета. А здесь Луна едет в детский сад в нашей красной тележке, а рядом с ней трёхлетняя я, вцепившаяся в своего плюшевого мишку по имени Фаззи. На другой фотографии Луна в своём выпускном платье вместе с Амалой и Пилар, задрав юбки, чтобы продемонстрировать подвязки. Судя по фотографии, её выпускной бал прошёл офигенно: ни тебе Дэна Маркхэма, ни туалета. Интересно, а что я вспомню, когда буду пересматривать свои фотки. Наверное, зефирки со звёздами.

Я открыла холодильник и достала соевое молоко, а из шкафа – коробку рисовых хлопьев. И только я собралась сесть за стол, как услышала звон от телефона Луны, возвестившем о новом сообщении. Телефон Джеймса тоже просигналил. Так как телефон сестры лежал на столе, я успела прочитать, что смс было от Арчера. Потом экран потух, и у меня в голове случился короткий спор о том, насколько этично читать чужие сообщения. Закончив спор, я нажала на экран.

«Идём в «Мадлейн». Что взять?»

Ах да, пари. Арчер шел за завтраком. «Google» помог мне выяснить, что «Мадлейн» – французская пекарня на Корт Стрит. Всего в десяти минутах ходьбы.

«Ты в ответе за свою жизнь», – сказала мне Тесса, стоя напротив качелей. – «Ты разумное существо. Нельзя делать вид, что что-то просто происходит с тобой». И вот о чём я подумала: изменю ли я что-нибудь, если сама начну искать приключения на пятую точку? Если сама стану приставать к парню, вместо того, чтобы сидеть на попе, ожидая, когда он сам ко мне придёт? Как говорят в таких случаях, есть только один способ это узнать.

Я вернула молоко в холодильник. Добыв в ящичке стола фиолетовую ручку и найдя какую-то листовку на кухонном столе, я написала на её обратной стороне Луне записку: «Вы спите, а я встала. Пойду, погуляю». Оставив записку по центру кофейного столика, я вышла, постаравшись закрыть дверь максимально тихо.

Глава 24

В Нью-Йорке мне не обязательно быть Фиби Феррис, сестрой Луны и дочерью рок-звёзд. Я могу быть обычной девчонкой в синем платье и влажными волосами. Вот, за что я люблю этот

город. Здесь столько народу, что шансы встретить знакомого за короткий отрезок времени крайне малы. Можно придумать себе новую историю. Можно быть кем хочешь.

Правда, когда я открыла стеклянную дверь пекарни, мне снова пришлось стать Фиби, потому что я увидела того, кого хотела найти. Арчер стоял перед стеклянным прилавком в чёрных кедах, тёмно-серой футболке и тех же джинсах, что были на нём вчера, если не ошибаюсь.

Около минуты я ждала, когда же он увидит меня, потому что не хотела его напугать, или выглядеть как идиотка, которая пришла за багетом, но зачем-то прячется за бубликами. Увидев меня, Арчер явно впал в ступор от удивления, а его лицо вмиг озарилось улыбкой.

– Привет, – сказал он и пошел в моем направлении с бумажным пакетом в руках.

– Привет, – не сдержавшись, улыбнулась я.

– Вот ты и нашла меня.

– Я получила от тебя сообщение.

Арчер выглядел озадаченно.

– В смысле, сообщение было для Луны, но я подсмотрела, – я показала на свои глаза, на случай, если он не понял. – Я тот, кто читает чужие сообщения.

– Мои сообщения можешь читать в любое время, – ответил Арчер, улыбаясь.

Мои щеки запылали!

– Спасибо! Луна и Джеймс ещё спят.

– Да? – он посмотрел на свои часы. – А я решил здесь за проигрыш расплатиться, – и поднял пакет.

Я оглядела прилавок.

– А где Джош?

– А... – Арчер махнул куда-то за плечо, – пошёл сразу к Луне. По утрам он такой медлительный. Он всё равно хотел, чтобы я сам всё купил, – парень улыбнулся и похлопал себя по переднему карману. Я уставилась на его штаны, пока до меня не дошло, что он хлопал по бумажнику. – Что справедливо, раз я вчера спал на его диване. А тут шоколадные круассаны стоят как одна ночь в отеле.

Арчер раскрыл для меня пакет, а я взяла один круассан в обёртке, развернула и надкусила его. Он был покрыт шоколадной глазурью, а внутри была также начинка из нежного шоколада.

– Божественно, – произнесла я с набитым ртом и изобразила, будто падаю в обморок, присаживаясь на деревянным стул за маленьким столиком у окна. – Боже, можно я навсегда останусь здесь?

– Конечно. Только, наверное, в этой пекарне не получится.

Арчер сел на другой стул и откусил от своего круассана. Под нижней губой у него осталась золотистая крошка, и мне захотелось смахнуть её своим пальцем, но я устояла.

Неожиданно моя сумочка упала со стола, и из неё выкатилась моя гигиеническая помада. И ладно бы, если она была у меня одна, а не, как минимум, четыре.

Арчер наклонился, чтобы помочь мне их собрать, и с удивлением посмотрел на меня под столом.

– Это всё, что ты носишь в сумочке?

Я засмеялась.

– Нет, просто я их постоянно теряю, поэтому покупаю сразу много.

Мы оба снова сели. Я закрыла сумку на защёлку, чтобы больше оттуда ничего не выкатилось, и посмотрела на Арчера.

– Итак, какие у тебя планы на утро? – спросила я, и в этот же момент звякнул мой телефон – пришло сообщение от Луны.

«Привет, куда пропала в такую рань?».

Я убрала телефон в сумку.

– Мне нужно на квартиру родителей. Мой тюнер что-то коротит, надо сходить за старым.

– Так, значит, ты не с Джошем живёшь?

– Разве что неофициально. Я частенько у него ночую. Он живёт с ещё тремя парнями, и это как-то странно. Но оттуда ближе до места, где мы репетируем, так что после репетиций я всегда сплю у него. Добираться из Бруклина до Верхнего Вестсайда не так-то легко, – у него округлились глаза. – Я однажды уснул в вагоне и доехал до Вашингтон Хайтс. Долго я тогда возвращался.

– А я могу поехать с тобой? – а что такого? Хотя Луна, наверное, меня приберёт за то, что я её кину. – Я не прочь куда-нибудь смотаться ненадолго. Приключений хочется.

Ну и сморозила же, ведь явно читался подтекст: «А ты, мистер, сможешь мне их обеспечить?»

Но Арчер широко и тепло мне улыбался.

– Что ж, может поездка к моим родителям не особо тянет на приключение, но я был бы рад такой компании.

Было бы проще обойти дом Луны, но Арчеру надо было занести ей завтрак. Когда мы подошли, там, прислонившись к входной двери, стоял Джош.

– Эй, а Луна и Джеймс ещё спят.

Я решила промолчать о том, что сестра, на самом деле, уже встала.

– Чёрт, – сказал Джош и посмотрел на своё запястье, хоть и не носил часов. – Сейчас же где-то двенадцать.

– Да нет. Сейчас десять тридцать.

– Ну, или так.

Я открыла ключом дверь для Джоша, и мы все вместе вошли внутрь. На минутку.

– Можешь отнести это к ним? – спросил Арчер и передал Джошу пакет.

– А вы куда?

– За моим старым тюнером.

Джош глянул на пакет с булками.

– А ты взял те, с миндалём и шоколадом?

– Ага. Только если ты его хочешь, то придётся отнести всё остальное наверх.

Джош пожал плечами.

– Надеюсь, он стоит этих четырёх этажей!

И он направился по ступеням вверх.

Я написала Луне сообщение: «Натолкнулась на Арчера», – что было почти правдой, поскольку я не в квартире его встретила, а в пекарне, но какая разница? И добавила: «Съездим на метро за тюнером. Скоро буду».

– Пошли, – сказал мне Арчер. – Давай быстрее, пока не поздно.

Он держал руку на моей пояснице – хотя я и так уже шла – пока мы пересекали фойе, миновали столик с письмами, и дошли до тяжелой деревянной двери.

Когда мы вышли на тротуар, у меня было чувство, будто мы сбегали. Я посмотрела на окна спальни Луны, ожидая увидеть... что? Наверное, её лицо, или как она машет рукой. Но я увидела только развевавшуюся от ветра занавеску.

Глава 25

Сентябрь 1994 года

Повесив трубку на аппарат, я положила руку на диск телефона.

– Как отец? – спросил Кирен.

Он стоял возле края кухонного стола, держась за спинку стула. Накануне вечером сломался кондиционер, и теперь работал только старый оконный вентилятор, загонявший в дом уличную жару и влагу. Стоял сентябрь, но лето не хотело сдаваться.

– Они сами толком не знают.

Я собрала волосы и, скрутив, заколола на макушке. Голова совсем взмокла от пота.

– У него был сердечный приступ, сейчас он в сознании, может говорить.

Кирен сел передо мной на колени и положил руки на мои голые ноги.

– Всё хорошо.

– Утром его повезут на операцию, – мой голос задрожал. – Мне нужно в Баффало. Кит уже там.

– Конечно-конечно, – Кирен встал. – Можешь начать собираться, а я куплю билеты на самолёт.

Я кивнула, продолжая смотреть в одну точку на ровном блестящем столе. Мой отец работал плотником, выполняя частные заказы: книжные полки, шкафы, иногда встроенные столы или лавки. Когда мы ещё жили в Баффало, они с Киреном вместе сделали этот стол. Это заняло у них все выходные, потому что папа не хотел делать его сам, пока Кирен бы просто смотрел. Отец учил его, позволяя Кирену сделать большую часть работы.

– Ты поедешь со мной?

Кирен отодвинул стул и сел.

– Мэг, ну ты же знаешь, что я не могу поехать сегодня. Кто-то из нас должен присутствовать на церемонии вручения VMA, а то все решат, что нам плевать.

– Это MTV, и мне плевать.

Мы в прошлом году ходили на вручение «Video Music Awards», и, пусть мы повеселились, посмотрев спектакль со стриптизом, который устроила полуголая Мадонна со своими танцорами, но я точно спокойно могла бы без него прожить.

Кирен вздохнул.

– Мэг, – он смотрел мне в глаза. – Нам важно, чтобы они крутили наши клипы.

– Тогда пусть Картер с Дэном туда идут.

– Но Картер с Дэном – не Феррисы.

– И я тоже.

Я смотрела на чёрно-белую плитку на полу.

– Ты Феррис, – сказал он, разворачивая к себе моё лицо. – И ты знаешь это. И однажды мы это регистрируем.

– К тому же, они сделают посвящение Курту, – его голос смягчился.

Было странно слышать это от него. С того момента, как мы решили, что пойдём на церемонию, никто из нас не заикался об этом. После смерти Курта в апреле Кирен мог месяцами о нём не вспоминать.

– Тем более. Всё будет слишком грустно.

И мне вдруг вспомнился момент с прошлой церемонии, когда после получения награды Курт и другие музыканты «Нирваны» давали перед камерой интервью. На коленях у Курта сидела Фрэнсис Бин и грызла печеньё, сжимая крошечными ладошками его бутылку пива. Когда корреспондент ушел, я встретила с Куртом глазами. Он махнул мне, но я не успела подойти из-за того, что пришёл следующий журналист.

– Хоть кто-то из нас должен прийти, – сказал Кирен, говоря это не столько мне, сколько себе. Я знала, что он любил Курта, но в тот момент я была не уверена: говорил ли он это из-за погибшего друга или из-за камер, которые будут высматривать среди гостей заплаканные лица во время просмотра видео с посвящением. – Но ты не переживай за это. Просто съезди повидать отца.

– А ведь папа любит тебя. Он подарил тебе принтер этикеток.

Вторую фразу я сказала тихо, и всё же, произнесённая вслух, она звучала немного нелепо. Хоть это и была правда.

– Мэг, я тоже люблю твоего отца. И принтер этикеток люблю, – Кирен улыбнулся. – Да посмотри на мой шкаф с пластинками. Теперь там всегда можно быстро найти панк музыку или соул шестидесятых, – он сжал мою руку. – Я приеду сразу, как только смогу.

– Интересно, что Мадонна выкинет на этот раз. Разве может чем-то переплюнуть прошлогоднее шоу?

Кирен широко улыбнулся, обрадовавшись тому, что я снова могла шутить.

– Может, она совсем разденется, – сказал он, продолжая улыбаться. – Обещаю, я закрою глаза, – он встал. – Пойду, куплю тебе билет.

Я понимала, что пора встать и начать собирать вещи, но продолжала сидеть, слушая жужжание вентилятора, а потом голос Кирена, звонившего в авиакомпанию. Он пытался всё сделать правильно, знаю, но сидя там, за кухонным столом, я чувствовала, что что-то шло не так.

Глава 26

Да, долго же мы ехали на поезде! Выйдя из метро, мы оказались под выцветшим небом с разбросанными по его просторам перистыми облаками. Родители Арчера жили рядом с Колумбийским университетом, в котором его отец преподавал экономику. Я хорошо помнила этот район благодаря Луне. Мы даже прошли мимо той столовой, в которой я впервые встретила Джеймса.

Спустя несколько кварталов, Арчер остановился перед высоким серым зданием. Завидев парня, швейцар открыл перед ним стеклянную дверь, обрамленную золотом. За ней неясно просматривалось фойе. Несмотря на жару, на швейцаре был плащ, но он улыбался, отчего в уголках глаз появлялись мелкие морщинки.

– Доброе утро, Арчер, – сказал он и посмотрел на меня.

– Привет, Рафаэль, – Арчер повернулся ко мне. – Это моя подруга Фиби.

– Добрый день, – поздоровалась я.

– Добрый день, Фиби.

Улыбаясь, я прошла через широко открытую для меня дверь, хотя наличие швейцара показалось мне странным. По-моему, я раньше никогда не посещала дома со швейцарами.

Пол в холле был выложен гладким серым мрамором, и, пока мы шли, казалось, будто свет от настенных ламп скользил по нему, как плавящийся металл.

– Круто, – сказала я.

Арчер нажал на кнопку, вызывая лифт. Она загорелась в виде указывающей вверх стрелки.

– Как-то так. Мы живём здесь с моего девятого класса. Тогда отец стал профессором. Родители хотели такое место, чтобы можно было устраивать вечеринки.

Я сразу представила себе, как по холлу прохаживаются званые гости и как женщины цокают каблуками по мраморной плитке.

Двери лифта открылись. Кабина в нем была просторной, с отделкой из тёмного дерева и большим серебряным зеркалом через всю заднюю стену. На секунду я бросила взгляд на наше отражение, и оно мне понравилось. Если смотреть прищурившись, то мы здорово смотрелись

вместе. Я встала лицом к двери, а Арчер нажал на кнопку «12» и прислонился к стене. Даже легкая сутулость шла ему.

– У твоей мамы, наверное, хороший дом?

– Да, симпатичный. Он у нас викторианский, хотя, по сути, это бывший дом фермера, но находится в черте города. Очень старый. Мама наняла несколько рабочих, чтобы перекрасить его в жёлтый цвет.

Я вспомнила его большие окна, тенистое крыльцо. У двух входных лестниц были потрясающие своды, заполненные мозаикой в оттенках синего и серого цветов. Помню, как их чинил один мастер, который сам себя называл Стекольщиком.

– Когда мама купила его, дом был похож на сарай. В Баффало полно недорогих домов. Но сейчас он точно стоил бы кучу денег.

Лифт прозвенел, и двери открылись. Мы вышли в коридор с тёмно-синими стенами, снизу обшитыми блестящими деревянными панелями.

– Даже не знаю, насколько обеспечены мои родители. В смысле денег. Знаю, что папа что-то присылает. Мама зарабатывает своими скульптурами, продавая их богатым людям. И преподаёт в университете.

– Наверняка, «Shelter» всё ещё получает какие-то авторские бонусы.

Арчер встал напротив одной из дверей, достал связку ключей из кармана и нашёл нужный.

– Никогда не думала об этом, – и это была правда. Мама много говорила про «богачей» так, словно они отличались от нас, и в этом я с ней была согласна, но и бедными мы не были. – Может, ты и прав.

Арчер покачал головой, выглядя немного смущённым.

– Не понимаю, почему я вообще заговорил об этом, – сказал он, открывая дверь. – Стоит мне только вспомнить про отца, как я начинаю думать о деньгах.

Квартира начиналась с коридора, за которым я увидела кухню с огромной сверкающей плитой и гранитной столешницей. На кухне стоял мужчина, прислонившись к кухонному шкафу и глядя в телефон. Он был высоким, с седеющими волосами и кристально голубыми глазами. Когда мы вошли, он посмотрел на нас.

– Арчер, ты дома?

Арчер кивнул.

– Я ночевал у Джоша. Мы выступали вчера.

Он весь вытянулся в струнку, словно его кости соединялись проводами. Арчер посмотрел на меня, а затем снова на мужчину.

– Это Фиби. Фиби, это мой отец.

– Доктор Хьюз, – представился отец Арчера и пожал мне руку. – Рад встрече. И как же вы познакомились?

Я успела заметить, что дверца холодильника за его спиной была совершенно пуста: ни фотографий, ни рисунков. Ничего.

– Моя сестра поёт у них в группе. Луна. Кто же ещё.

Он посмотрел на меня так, будто не совсем понимал, что я имела в виду.

– Ты тоже поёшь?

– Нет. Ни пою, ни играю.

– А Арчер у нас музыкант, – сказал доктор Хьюз и обратил свой взор к сыну. – Что ж, посмотрим, кем он будет через десять лет.

– Большое спасибо, пап, – в его голосе чувствовалась нотка горечи. Я также заметила, как он совсем немного отвернулся от него. – Ты, как всегда, умеешь поддержать.

– Я поддерживаю тебя, – доктор Хьюз положил свой телефон в карман и поднял со стола

чемодан. – Только, полагаю, не так, как тебе бы хотелось.

Арчер ничего не ответил, лишь мерно дышал и ёрзал на месте. Луч солнца светил прямо в золотой квадрат на плитке пола у него ног. В комнате воцарилась тишина.

– Моя мама тоже преподаёт в университете, – сказала я, просто чтобы заполнить паузу. Я не собиралась рассказывать ему о том, что до этого она тоже пела в группе, которую потом бросила.

– Да ладно? В каком?

– В университете Баффало. На кафедре изобразительного искусства.

– На кафедре истории искусства?

Его брови взметнулись вверх.

– Студийного искусства. Скульптура.

Я надеялась, что он не станет спрашивать меня, из какого материала, потому что вряд ли он много знает о металле. Что бы о нём подумала мама? Что он не похож на человека с подходящим телосложением. Она бы сказала, что этакому тузу вообще нечего делать в мастерской.

Он кивнул, словно обдумывая мой ответ. Я даже могла предположить, какая мысль сейчас мелькнула в его голове: лучше бы история искусства.

Арчер немного дёрнулся, после чего его натянутая поза стала расползаться по швам.

– Ладно, мы пришли забрать мой тюнер.

Доктор Хьюз кивнул.

– Ну, да, а у меня собрание. Мне пора идти.

Арчер уже пошёл в другой конец квартиры, а я задержалась на одну секунду, прежде чем пойти за ним.

– Было приятно познакомиться, – сказала я перед уходом.

– Взаимно, – он улыбнулся, и в этот раз он казался искренним.

Арчер прошёл по коридору до своей комнаты. По меркам Нью-Йорка она была большой, в тёмно-сине—сером цветах. На одной из стен комнаты висела старомодная карта Северной Америки. У него также был постер с альбомом Битлз «Let it be», где Джон, Пол, Джордж и Ринго были каждый в своём квадрате. Широкое окно в черной раме выходило на здание напротив. В одном из окон я увидела флаг Ирландии, рядом с которым стояло что-то вроде пальмового дерева. Арчер включил проигрыватель и установил иголку на лежавшую на нём пластинку. Заиграли «The Kinks».

– Супер.

– Фанатка «Kinks»?

– Ещё бы. Люди считают, что вопрос в том, кто лучше: «Битлз» или Роллинги, но правильнее было бы спрашивать: «Битлз» или «Кинкс».

Я не стала говорить Арчеру, что это мамина любимая фраза, которую я просто повторила за ней. И это неудивительно, ведь это она дала нам с Луной музыкальное образование. Правда, выкинула урок про «Shelter» из курса «Музыка девяностых», но я и это наверстаю.

Арчер улыбался мне, и я почувствовала, как вспыхнули мои щёки.

– И кто бы выиграл?

Я тоже улыбнулась.

– А, ну, «Битлз», конечно же, но так соревнование было бы серьёзнее.

Арчер опустил на колени перед кроватью и достал из-под неё коробку. Я стояла по центру комнаты, не зная, что делать. Стол был завален фотографиями, которые я попыталась незаметно рассмотреть. Как минимум одна из них была с Арчером и симпатичной темноволосой девушкой.

– Хороший цвет, – сказала я.

– Какой цвет?

Арчер рылся в проводах и педалях, доставая и укладывая часть из них на ковер.

– У комнаты. Это же цвет китов.

Я совсем не задумалась о том, как это звучало. Слова вылетели изо рта, не успев пройти обработку в голове. Стоит поставить меня в спальню к симпатичному парню, как связь между мозгом и языком исчезает. Но Арчер опять улыбнулся.

– Именно такой я и хотел.

– Правда? – я почти расслабилась.

Он усмехнулся.

– Ну, не совсем. Но киты мне нравятся.

Арчер стал доставать новые коробки из-под кровати, а я не могла понять, куда сесть, и подошла к окну. Внизу на тротуаре я увидела Рафаэля, помогающего курьеру с огромной коробкой продуктов. Апельсин выпал и покатился к обочине, но этого никто не заметил.

В обычной жизни мне не доводилось забираться так высоко и видеть людей такими маленькими на улицах города, как и скользящие машинки, и перестраивающиеся из полосы в полосу жёлтые такси. Внезапно я заметила, как возникла пауза между песнями, заполняемая потрескиванием пластинки как при помехах на радио. А затем началась песня «Strangers», в которой голос Дэйва Дэйвиса звучал подобно камушкам на дне чистейшего прохладного ручья. Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Я чувствовала себя героиней фильма, только вот какого? Не понятно. И я не знала, что произойдёт дальше.

– Разве есть на свете что-то лучшее, чем эта песня? – спросила я, развернувшись к Арчеру.

– Может, и нет.

Он улыбался.

– Сейчас она кажется мне самой прекрасной вещью из всего, что я слышала.

Было слышно, как доктор Хьюз сказал что-то из другой комнаты – наверное, «пока», после чего за ним захлопнулась дверь. И в этот момент чары спали, как случается, когда у радио пропадает сигнал, когда машина отъезжает слишком далеко.

Арчер повернулся и сел, облокотившись на кровать. Я заметила, как аккуратно она была заправлена: серое покрывало было подвёрнуто под подушкой, а все его складки были выровнены. Интересно, Арчер сам застилает постель или у них есть кто-то для этого? Пока сложно было сказать, относится ли он к типу парней, кто заправляет сам.

– Отец сводит меня с ума.

Арчер смотрел на меня, поэтому я подошла ближе и тоже села на ковер.

– Может, он так ревнует. Разве экономика может кого-то завести?

То ли я говорю? Вот бы знать наверняка.

Арчер засмеялся.

– Я тоже думал об этом.

Он поднял зелёную педаль для баса и начал на автомате крутить её рычажки.

– Знаешь, мы ведь много говорили с ним о музыке. Он сам познакомил меня с соулом шестидесятых. Помню с детства, как много у него было пластинок: Отис Реддинг, Сэм Кук, Рэй Чарльз. Но потом мы переехали, да ещё у сестры начались проблемы.

– А она живёт здесь?

Я глянула одним глазком в первую по коридору комнату и рассмотрела в ней фиолетовые шторы и кучу атласных туфель на подвесных полочках у двери. Если бы Тесса была здесь, то она бы засунула всю голову, как шпион, собирая повсюду секретные данные.

– Нет. Только Калиста. А где Натали, я не знаю. Пару месяцев назад она была в Бостоне, – он затолкал коробку под кровать, где она очень аккуратно уместилась. – Она танцовщица, но случилась травма, из-за которой ей приходилось постоянно принимать обезболивающее.

Тут он достал свой кошелек, и я уже рассчитывала увидеть в нём её фотографию. Но вместо неё Арчер передал мне её водительское удостоверение. Изучив её лицо, я поняла, что это девушка с фотографии на его столе. Она красивая, с узким лицом и высокими скулами, кристально-голубыми глазами и волнистыми тёмно-русыми волосами, как у Арчера.

– Она оставила его в своей комнате. Прямо по центру, вместо записки, – он покачал головой. – Не пойму, ну и как она живёт без удостоверения?

– Может, у неё поддельное есть?

Я прочитала: «Натали Хьюз. Глаза: синие. Волосы: русые. Рост: 168 см»

– Возможно, но зачем? Ей двадцать два года. Она что, так хотела порвать с прошлой жизнью?

Он потирал пальцами лоб.

– И хотела, чтобы об этом знали, – он слегка сощурился, как будто от слишком яркого света. – А мне-то что делать?

Я не знала, что ответить, но это не беда, потому что вряд ли ему был нужен мой ответ.

– Когда я ушёл из университета, отец в конец сошёл с катушек. Он даже не знает, как теперь разговаривать со мной, – и дело не в том, что я не смогу вернуться. Он поможет. В этом он всегда поможет. Им придётся лишиться его части привилегий. И когда бы я ни вернулся, ему не надо будет платить за моё обучение.

Арчер так и сидел на плетёном ковре, прислонившись спиной к матрасу. Я вытянула руки, чтобы потрогать шерстяное покрывало в полоску, лежавшее сложенным у края кровати, но потрогать я хотела его. Его колено или плечо. Мне хотелось ощутить тепло его кожи через одежду.

– А ты хочешь вернуться?

– Что?

– В университет? Когда-нибудь. Как думаешь, ты вернёшься?

Он отогнул уголок ковра и отпустил.

– Возможно. Мне нравится учиться в университете, и диплом здесь не при чём. Всё будет зависеть от того, что будем с «The Moons». – Он пожал плечами. – Мне бы отсюда съехать, но из-за наших постоянных разъездов идея не такая уж удачная. В этот раз нас не будет целый месяц. Да и Калисте нравится то, что я официально всё ещё живу здесь.

– А, по-твоему, что будет с группой?

Арчер посмотрел на меня и немного поразмыслил.

– Не знаю. Мы реально нравимся ребятам из «Venus Moth», а это всё меняет. В плане следующих гастролей. Возможно, нам даже придётся оставить Штаты ради Европы.

– Ради славы.

– Ага. Меня это не сильно волнует. Я просто хочу свалить из этого дома. Хочу, чтобы отец от меня отвязался.

– Мама хочет, чтобы я поговорила с Луной и попыталась вернуть её в университет.

Арчер смотрел на меня, ожидая продолжения.

– Мне пока не удалось с ней всё обсудить, да она и не станет слушать, – я повернулась к столу и дотронулась до коробки, наполненной дисками. – Они обе меня с ума сводят. Главным образом, мама, которая злится на Луну за то, что она делает то же самое, что сама когда-то. А Луна? Она идёт по маминым стопам, и такое ощущение, будто она и в самом деле этого не замечает.

Арчер улыбнулся, но глаза оставались серьёзными.

– Думаю, ей сложно это заметить. Она хочет верить в то, что сама выбирает свой путь.

– Не переживай. Луна всегда выбирает свой путь сама.

Я начала перебирать диски в коробке. На полу стояли ещё три таких же ящика. Там были и Отис Рэддинг, и «The Eels», и «Talking Heads».

– А эта с автографом Дэвида Бёрна, – я заметила роспись в левом углу.

– Отец купил мне, – он вздохнул. – Давным-давно.

Арчер встал и открыл высокий шкаф у окна.

– Здесь тоже пластинки.

– По-моему, пластинки начинают выживать тебя отсюда.

Он взял со средней полки другую пластинку.

– Так и есть.

Я всё ещё рылась в коробке, перебирая пальцами гладкие бумажные обложки. Почти закончив со вторым ящиком, я нашла то, что заставило меня замереть. А я ведь даже не подозревала, что искала именно это. Зато теперь, когда нашла, один из этапов расследования можно было считать оконченным.

Глава 27

За те три года, что мы не виделись, у отца вышел один альбом «Обещание». Я купила его на виниле полгода назад. «Роллинг Стоун» даже написал его название в заголовке статьи на обложке. Я видела, как мама смотрела на неё в магазине, сощурившись, и когда она отошла за апельсиновым соком, я взяла с витрины тот выпуск и присела на корточки почитать. Заголовок гласил: «Кирен из «Shelter» снова в студии». С учётом того, что она принадлежала ему, как можно писать о его возвращении туда? Но я решила, что будет глупо жаловаться на это в издательство.

Пластинку отца я нашла в музыкальном магазине недалеко от дома. Подойдя с ней к кассе, я ожидала, что продавец начнёт рассыпаться в комплиментах, но он, естественно, не знал, кто я такая.

– Мы ставили её в магазине, – он поправил на носу очки в чёрной оправе. – Наконец-то этот чел сделал что-то стоящее.

Я улыбнулась и, наверное, пожала плечами, а потом пошла домой, прижимая к себе бумажный пакет с пластинкой. Пока мама была дома, не слушала её, и не стала класть в шкаф с остальными пластинками в гостиной. Видимо, я совсем сдалась в своих попытках обсуждать с ней отца. А пластинку хранила на полу в узеньком проёме между шифоньером и книжным шкафом, и иногда вечером вытаскивала оттуда и, аккуратно вынимала из обложки, как сапёр бомбу. Всё – и конверт, и картонная обложка, и напечатанные на ней тексты песен – было тонким и прозрачным как луковая шелуха. И потом добиралась до чёрного винилового диска, чьи концентрические круги были похожи на кольца с деревянного среза. Альбом был доступен и в цифре, поэтому он уже был в моём Айпode. Я пыталась лучше понять отца через слова песен и слушала его голос перед сном. Что за «обещание» он давал и кому? Там была песня про расставание, а в другой песне папа пел про девушку по имени Лора, но я не знала ни одной Лоры. Ещё была песня про девушку с сине-зелёными глазами, и мне показалось, что это, возможно, про маму. Но, учитывая тот факт, что папа гастролировал без неё уже пятнадцать лет, за это время он мог повстречать сотню сине-зеленоглазых девиц.

На обложке была всего одна его фотография, и то маленькая на обратной стороне. Там же была информация о записи альбома и слова благодарности другим музыкантам. Отец стоял в профиль, затенённый, в чёрно-белой гамме. Рот приоткрыт в широкой улыбке. Весь мой отец поместился в маленький серый квадрат. И даже здесь, на фотографии, я не могла заставить его посмотреть на меня.

Сейчас, в комнате Арчера, я снова смотрела на фотографию отца. Она была такой маленькой, что было невозможно разглядеть на щеке ямочку, доставшуюся мне от него.

– Наверное, это странно, что она у меня есть?

Арчер стоял позади меня так близко, что я могла чувствовать плечом его дыхание.

Я развернулась к нему.

– Почему странно?

– Вы ведь с ним не общаетесь. А Луна вообще вся разобиженная.

Я покачала головой.

– Это не странно.

Арчер сдвинул брови.

– А ты?

По-моему, в его вопросе чего-то не хватало.

– Я что?

– Тоже обижена?

Я думала.

– Не могу решить. Я даже не знаю, куда он ушёл. В смысле, его и так особо не было рядом, но теперь-то его совсем нет, – я подняла его пластинку. – Только здесь.

Пусть это была просто бумага с картинками, но я слышала звучащую внутри неё музыку.

Я вернула пластинку в ящик и села на кровать.

– Странно то, что я единственная в семье, кто никак не связан с музыкой.

Этот вопрос постоянно мучал меня, но произнести его вслух я смогла только сейчас. И вот я сказала. И ничего не произошло, за исключением того, что Арчер сел рядом со мной.

– А ты пробовала?

– Немного. Мама не заставляла меня, но и не была против. Оттого и удивительна её реакция на действия Луны. В смысле, на что она рассчитывала? – я поставила согнутую в колене ногу на кровать и взялась за щиколотку. – У меня и талантов нет. Голос нормальный, но ничего особенного. Я никак не могла выбрать инструмент, даже на флейте пробовала играть. Мне хотелось чего-то совсем другого, создать что-то своё. Но меня всё раздражало, потому что получалось не очень-то. А может, я просто боялась, что провалюсь в том, в чём они были хороши.

Я замолчала, ощущая, как запыльхали мои щёки.

– Зачем я вообще рассказываю тебе всё это?

По лицу Арчера медленно расплывалась улыбка.

– Я спросил.

Мимо окна порхающим пятном из серых крыльев пролетел голубь.

– Я всегда думала, что найду себя в чём-то другом. Я не глупая, оценки у меня хорошие, но это, пожалуй, всё.

– Смеёшься? Фиби, да ты же офигенно пишешь стихи и тексты к песням. Да что угодно.

Он приблизился ко мне и обхватил пальцами запястье, прижимая большой палец к моему пульсу. Мне казалось, что я сейчас растаю прямо на этот пол.

– Спасибо, – сказала я и заметила, насколько маленьким стало расстояние между нами. Его можно было измерить в сантиметрах, и даже не в дециметрах, не в метрах и не в километрах. Я могла рассмотреть карие крапинки в его синих глазах. А что он мог увидеть в моих?

Пластинка доиграла, и стало так тихо, что было слышно, как игла вернулась на место. Арчер выпустил из рук моё запястье и пошёл ставить следующую пластинку.

Возле меня на стене висела афиша с концерта Элвиса Костелло. У певца было такое серьёзное, даже немного осуждающее выражение лица, что мне захотелось ответить ему: «Сама

не знаю, что я здесь делаю, Элвис». Но, может, ещё не поздно вернуться назад.

Моё сердце забилося быстрее. Идея зрела и расцветала в моей голове как одна из маминых лилий: такая же красивая, с яркими острыми лепестками, и лишь на несколько дней. Я чуть ближе наклонилась к Арчеру.

– Мне нужно съездить в одно место, и Луна не должна об этом знать.

Я не знала, куда деть руки, поэтому просто положила их себе на колени. Сделав глубокий вдох, я спросила его:

– Это нужно сделать сегодня. Ты со мной?

Глава 28

Я знала, где находилась студия отца, потому что Луна однажды приводила меня туда. Это было во время моего визита в прошлом году, в начале ноября. Было холодновато, и когда мы вышли из метро, ветер разгонял повсюду запах синего неба и сухих листьев. Деревья в Бруклине полыхали красными и золотистыми красками. Сначала мы забежали в кафешку купить горячего какао в картонных стаканах, и прошли с ними три квартала, грея об них руки.

Когда мы пришли на место, то сначала просто смотрели на дом, стоя посреди квартала через дорогу от него, а затем перешли на другую сторону и поднялись на крыльцо. Раз, два, три ступеньки вверх. Рядом с дверью была маленькая белая кнопка звонка, а над ней была приклеена зелёная этикетка с надписью крошечными буквами: «студия Кирена Ферриса». Интересно, отец сам напечатал это или у него есть кто-то за секретаря? Я облокотилась на перила, а сестра смотрела на эту надпись и потирала одной ногой об другую. Я сделала глоток из стакана. Стоя там, я думала, что надо просто позвонить в тот звонок и узнать, там ли он, но это никогда не входило в планы Луны. Когда я потянулась к кнопке, она остановила меня, схватив мою руку и оттянув в сторону. Она помотала головой.

Развернувшись и сойдя на тротуар, она направилась в сторону метро.

– Мы уходим?

Я всё ещё стояла на крыльце и смотрела на Луну. Её красный шарф развевался по плечам.

– Я просто хотела посмотреть.

Я не стала пытаться переубедить её и, спустившись с лестницы, пошла за сестрой. Миновав то кафе, мы спустились в метро и на нём вернулись в общежитие. Мы и потом не говорили об этом. И что больше всего меня смущало – почему она пошла туда со мной? Она столько времени жила в Нью-Йорке, что могла бы сходить одна, и никто бы не узнал. Но нет, она повела меня в это странное паломничество, чтобы просто постоять на крылечке, после чего развернуться и пойти обратно. Может, отца там даже не было.

С Арчером всё казалось иначе, потому что риск был меньше. Если отца там нет или даже он там есть, мне не придётся переживать о том, что подумает Луна. Я ведь даже не обязана рассказывать ей об этом.

В Арчере ощущалась какая-то надёжность, начиная с того, как он шёл рядом со мной в одном темпе, даже когда мы шли молча. И только сейчас я осознала, что когда ходила с Луной по всем этим городским улицам, меня не покидало ощущение, что я отстаю от неё на полшага, даже, несмотря на мои старания идти максимально быстро.

Идя рядом с Арчером, мне хотелось взять его за руку, но что—то сдерживало меня. После вчерашнего разговора с Луной в голове всё ещё крутились Тесса с Бэном. Неужели Тесса права, и я даже не могу взять его за руку? Я вообще знаю, что делаю?

Мы уже подошли к улице, на которой жил отец, как мой телефон дзынькнул. Я достала его из сумки и увидела, что это было сообщение от Луны: «Давай скорей. Можем сходить за

продуктами, я тогда сделаю пасту на ужин». Я остановилась, чтобы написать ответ: «Хорошо». Арчер стоял рядом со мной и ждал, пока я сориентируюсь на местности и покажу на дом отца.

– Это здесь.

Дом выглядел таким же, каким я его запомнила: старое промышленное здание с огромными окнами и коваными перилами, ведущих вдоль четырёх ступеней к четырём разным дверям. Я узнала ту, рядом с которой мы с сестрой стояли в том году.

– Нам обязательно это делать? – спросил Арчер.

Должно быть, он почувствовал моё волнение, раз подал мне руку и ждал, когда я её приму, и нежно сжал мою ладонь. Держась за руки, мы направились к двери.

Паника сковала всё моё тело, словно лёд. Я почти три года не видела отца, и вот пришла, без Луны, но с Арчером, и я даже не знала, какие у нас отношения. Арчеру я могла довериться больше, чем кому-либо ещё, за исключением Тессы. Пусть он и не знает всего. Я не стала говорить ему, что отец этим вечером должен играть в концертном зале «Боуэри Болрум», и я собиралась попроситься на это выступление.

Но Арчер так и держал мою руку, и не успела я и глазом моргнуть, как мы уже стояли на крыльце, а мои пальцы нажимали на звонок. Над кнопкой всё так же была прилеплена зелёная этикетка, и я смотрела на буквы в папином имени, пока не отворилась дверь.

Глава 29

Мэг

Июнь 1994 года

Только когда Кирен включил лампу, я осознала, что уже давно сидела в темноте. Моя гитара лежала передо мной на полу, но я не притрагивалась к ней как минимум час. Я ведь даже купила новенькую тетрадь в магазине неподалёку, но и это не помогало.

– Нам крышка, – сказала я.

Кирен сел на подлокотник дивана.

– Не знаю, о чём писать, – я закрыла тетрадь. – Уже три песни забраковали.

– Ну и ладно, что переживать?

– Им, видите ли, слов слишком много. Не цепляет, – я скинула на пол то, что прислал Рик. –

Ты в курсе, что у Рика кошмарный почерк?

Кирен засмеялся.

– Думаю, не стоит ему об этом говорить.

Вздёрнув подбородок кверху, я посмотрела на Кирена.

– Наверное.

– Расслабься.

Он опустил на колени позади меня и принялся массировать пальцами мои плечи. В этот момент я почувствовала, какими напряжёнными были мои мышцы. Я вздохнула и опустила подбородок на грудь.

– Не так я себе это представляла.

Я провела пальцем ноги по царапине на деревянном полу. Она осталась после того, как несколько месяцев назад Кирен провёз по ней своим усилителем. Тут пришла Пэтти Смит, наша кошка, чтобы потереться о моё колено, и я погладила её.

– Значит, так. Тебе нужно перестать пытаться всё делать самой, мы же команда, так? Покажи, что ты написала.

Я передала ему тетрадь.

– «С края неба падая на землю», – прочитал он. – Неплохо.

– Ага, только не знаю, что дальше?

Кирен нашёл мою ручку и начал писать. Добавив несколько слов, он вернул мне тетрадь.

– «На которой всё теперь иначе», – прочла я.

Он ждал моей реакции, и я улыбнулась.

– У тебя тоже кошмарный почерк.

Но мне понравилось то, что он сочинил.

Кирен пожал плечами.

– Не зря же Леннон с МакКартни вместе написали свои лучшие песни. Давай и мы будем следовать этой традиции, Пол, – и он ткнул меня в плечо.

– Ну, нет, я буду Ленноном. Ты же у нас мистер сентиментальность.

– Хорошо, – мы встали, и Кирен притянул меня к себе. – Я не против, в этом всегда было моё преимущество.

– Серьёзно? Вот уж не знала.

Он покачал головой, широко улыбаясь.

– Да ну тебя, – сказал он и поцеловал меня.

Глава 30

Когда отец открыл дверь, то выглядел почти так же, как всегда. Он был в тёмно-синей футболке и джинсах. С шеи свисали чёрные наушники, провод от которых был намотан на руку как лассо. У него была более короткая стрижка, чем обычно, но всё равно нельзя было сказать, что он мог быть чьим-то отцом. Да, в общем-то, так и было. Какой из него отец?

Увидев меня, он сразу сощурился, словно пытаюсь идентифицировать или, может, убедиться в том, что это действительно я. А может, он выискивал на мне какие-нибудь знакомые метки подобно тому, как я пыталась найти ямочку на его правой щеке, зеркально отражавшуюся от моей. Я чувствовала себя упавшим к нему под дверь микробом, согласным на исследование под микроскопом. Но тут его лицо расплылось в улыбке.

– Фиби! Я и не знал, что ты приехала.

«Естественно, как бы ты узнал?» – подумала я.

– Она-она. Кто ж ещё. Ничего, что я зашла?

От волнения я нервно сжимала и разжимала правую руку. Я выпустила руку Арчера ещё до того, как открылась дверь, и теперь я словно оказалась одна на волнах открытого океана. Отец кивал, улыбаясь как ни в чём ни бывало.

– Конечно, нет, – сказал он очень доброжелательным тоном. Казалось, что не было ничего особенного в том, что после долгой разлуки к нему вдруг пришла дочка. Словно мы недавно виделись.

– Сам открываешь дверь? Я уж приготовилась объяснять, кто я.

– Нет, – он тряхнул головой. – Ко мне иногда заходят другие звуками, но сейчас я один. Записываю Прю Донахью.

При этом он качнул головой немного назад, будто я должна знать, кто это такая, но я, естественно, не знала.

Я взялась за кованые перила с моей стороны. Они были тёплыми и гладкими.

– А мы не помешаем?

– Мы как раз заканчиваем. Входите.

Я вступила в прихожую. Отец перевёл взгляд с меня на Арчера, и тут до меня дошло, что его-то я не представила.

– Это мой друг Арчер.

Я указала на него, развернувшись к нему.

– Здорово, Арчер.

Папа подал руку, и тот пожал её.

– Он из группы Луны, – добавила я.

– А, ну да, ты ведь на басу? Я видел вас в Мадруме.

И отец повёл нас по узкому коридору прямо в студию. Ровной линией вдоль стен висели обложки альбомов в рамках. Четыре папиных сольных альбома в хронологическом порядке на одной стене, и незнакомые мне альбомы – на противоположной.

– Я помню. Спасибо, что пришли.

Арчер шёл позади меня.

– Всегда пожалуйста, – отец обернулся на нас. – Я рассчитывал пообщаться с Луной после выступления, но она куда-то испарилась.

Хоть я и не смотрела на Арчера, но смогла почувствовать, как он стусевался, пытаюсь придумать какое-нибудь оправдание для Луны.

– Она неважно себя чувствовала.

Отец кивнул, но из-за того, что я могла видеть только его затылок, было непонятно, поверил он версии Арчера или нет.

Благодаря огромному окну с правой стороны, выходящему на задний двор, студия была залита солнцем. Притом, что комната была небольшой, она была завалена инструментами, усилителями и разными проводами.

За микшерным пультом сидела симпатичная девушка лет за двадцать пять. Некоторые пряди её тёмно-русых волос были покрашены в розовый цвет.

– Привет, – сказала она приятным низким голосом.

– Привет, – словно эхом повторила я. – Простите за вторжение.

Я посмотрела на отца, теперь сидевшего рядом с ней.

– Ничего. Мы просто запись отслушивали.

– Я Прю.

– Фиби.

Отец жестом пригласил нас с Арчером сесть на низкий кожаный диван возле стены. Арчер сел, а я встала возле его подлокотника.

– Моя дочь, – объяснил отец. Это прозвучало так непринуждённо, словно это и так было понятно.

– Ясно, – сказала Прю, кивая. – Я выступала с твоей сестрой. Она классная.

Только сейчас мне захотелось, чтобы Луны тоже была здесь со мной и смогла рассказать мне про эту девицу. Прю склонилась немного сильнее к отцу, чем, как по мне, стоило бы приближаться к человеку на двадцать лет старше тебя, но, может, это вопрос доверия? Как творец к своему помощнику. А может, она воспринимает его как отца? Почему бы и нет, раз он не сильно обременён своими родными детьми.

– Я из её группы, Арчер Хьюс, – представился Арчер.

Он подался вперёд и протянул руку. Девушка пожалала её, улыбаясь теперь ещё шире.

– Класс. Я и думаю, где я тебя видела? – теперь она смотрела на меня. – А Луна не с тобой?

– Нет.

А так не понятно? Или, может, у Луны есть шапка-невидимка?

На подставке рядом с диваном стояли три гитары, в том числе глянцевая электрогитара «Fender Jazzmaster» – самая любимая у отца – с ассиметричной формой, как амёба. Вокальная кабина занимала площадь размером со спальню Луны, внутри которой я разглядела стул с

микрофоном по центру. Дальняя стенка была увешана плакатами с сольных концертом отца, каждый аккуратно обрамлён чёрной рамкой и широким паспарту кремового цвета. Я не могла удержаться, чтобы не подойти к ним поближе. Одна из них была с его первого сольного тура, когда мне было два года. На ней он стоит с гитарой, свисавшей с плеча и смотрит в сторону, напуская на себя серьёзный вид.

– Кирен, я, наверное, пойду, – сказала Прю, вешая огромную сумку на плечо.

Я обернулась на неё.

– Мне нужно забрать Алексея в четыре.

Интересно, Алексей – её парень? Хотя, это мог быть и её сын, или собака. Тогда это должна быть маленькая, или, на худой конец, больная собачка.

Отец кивнул на её слова – вечно он кивал – и начал петь песню Битлз «Милая Прюдес»

– Ну-ну, – сказала Прю, улыбаясь. – Прямо про меня. Ребят, было приятно познакомиться.

– И мне, – сказала я.

Она мне очень понравилась, но улыбка упорно не получалась. Я села на диван, потому что не знала, что бы сделать ещё. Мне хотелось дотронуться до руки Арчера или до его колена, но это, наверное, было бы странно. Хотя он смотрел на меня, как будто спрашивая что-то глазами. Типа: «Всё нормально?» или «Хочешь, уйдём?», или «Ещё посидим?» На все эти воображаемые вопросы я ответила коротким кивком.

Арчер оглядел комнату.

– Здорово у вас тут оборудовано.

– Спасибо, – ответил отец. – Студия маленькая, но удобная. Со мной работают классные музыканты, потому что я всегда готов уделить им внимание. Если же им помощь не нужна, сам не вмешиваюсь.

Уж конечно! По части невмешательства у него огромный опыт.

Я чуть не засмеялась. Что-то мой внутренний голос сегодня немного дерзковат.

– А группа может вся там поместиться? – спросил Арчер.

Отец помотал головой.

– Слишком тесно. Обычно я не записываю группы целиком вживую. Чаще всего сольных музыкантов. Но если группы, то по одному-два инструмента за раз. Иди сюда, я тебе покажу.

Они вошли в кабину, а я смотрела на них через стекло. Папа был выше Арчера где-то на полголовы. И когда они склонились друг к другу, я вдруг запаниковала: я же ни того, ни другого толком не знала! Мне снова стало не хватать Луны, мамы или Тессы. Но когда они обернулись, мне сразу стало легче. Это всё-таки мой отец, спустя три года наконец-то всего в нескольких метрах от меня, и Арчер, согласившийся мне помочь, который даже за руку меня взял.

На выходе из кабины отец спросил Арчера, кто последний их записывал.

– Мы писались у Грэга в «Джексоне», – ответил Арчер, и хотя это имя мне абсолютно ни о чём не сказало, отец знал об этой студии.

– Грэг – клёвый звуач, – сказал он, улыбаясь.

Отец сел за микшерную панель, но развернулся на кресле, чтобы сидеть к нам лицом, и теперь я, наконец-то, была совсем близко к нему. Я открыто смотрела ему в глаза, и могла разглядеть небольшие морщинки у внешних уголков глаз, становившиеся заметнее, когда он улыбался. Он снял с шеи наушники и положил на стол.

– Не собираетесь снова записываться?

– Материала хватает, – сказал Арчер, сидевший теперь рядом со мной. Диван немного просел, и мне стало спокойнее, чувствуя его так близко ко мне. – Пока копим деньги.

Отец откинулся на спинку кресла, и оно резко и противно скрипнуло.

– Я запишу вас бесплатно. Для меня будет честью.

У Арчера даже челюсть отвисла, а глаза вытаращились. Я тоже офигела, поняв, какую ошибку совершила, придя сюда. Ситуация выходила из-под контроля.

– Луна любит всё делать сама, – сказала я.

Я подалась вперёд, держась за край дивана обеими руками.

– Это понятно, – сказал отец. – Но если она позволит, я бы хотел помочь.

Арчер посмотрел на меня, потом снова на отца.

– Это так щедро с вашей стороны. Луна даже не рассказывает, что она ваша дочь, – он робко улыбнулся. – Правда, люди всё равно догадываются.

Задумавшись, отец взял со стола ручку, даже головы не повернув, и стал крутить её пальцами.

– Я это ценю, но ведь глупо не использовать мою студию. Я могу кого-нибудь попросить записать вас, если она хочет. Грэг, конечно, может это записать, но зачем платить за время в студии, когда у меня всё есть?

– Сложно не согласиться, – сказал Арчер, глядя на меня. – Мы с ней поговорим.

Я сделала глубокий вдох, но в груди не хватало места для того объёма кислорода, которого мне бы сейчас хотелось. Отец смотрел на меня.

– Фиби, я хотел бы увидеть Луну. Передай это ей!

Отец смотрел прямо мне в глаза. Он был так близко, что я могла разглядеть зелёные крапинки в его карих глазах. Что-то в его позе напомнило мне сестру, хотя это, наверное, из-за того, что они оба привыкли находиться в центре внимания.

– С тобой я тоже хотел бы снова увидеться.

В первую секунду я смотрела на него и думала: «Мы сейчас с тобой видимся. Ты меня так прогоняешь?» Правда, я всё равно не знала, как общаться с ним и что нам делать вместе.

Отец положил руки к себе на колени.

– Завтра вечером я выступаю в «Боуэри Болрум». Могу вписать вас в список. И Луну тоже. И тебя, Арчер. Без проблем.

– У тебя концерт завтра? Не знала, – сказала я, словно читая роль по бумаге.

Интересно, Арчер почувствовал, что я прикидываюсь? А отец?

– Конечно же, мы придём. Только насчёт Луны не уверена.

– Отлично.

Отец написал свой номер телефона ручкой с тёмно-синими чернилами, похожей на ту, что была у него всю жизнь, и я до сих пор помнила её. Снизу он написал свой адрес, после чего передал мне листок.

– Хорошо, – вырвалось у меня непроизвольно.

Выйдя от отца, Арчер проводил меня до станции метро, несмотря на то, что должен был встретиться с Джошем через час на их репетиционной базе в Думбо. Мы стояли в страшной духоте подземки в ожидании огней от спешащего по рельсам прибывающего поезда. Меня немного мутило, я даже не знала, сколько было времени, и не помнила, светло или темно было на улице.

– Мне нужно вернуться к Луне. Она хочет со мной сходить в магазин за продуктами. Собирается приготовить ужин.

Как ни странно, но мне не терпелось это увидеть: её кукольную кухоньку, старую посуду и томатную пасту из банки.

– Интересно будет, – сказал он.

– Думаю, она сварит макароны. Из коробки.

Он улыбнулся. Потом поджал губы и спросил:

– Ты расскажешь Луне о нашей встрече с ним?

– Ни в коем случае, ты в своём уме? – сказала я будто в шутку, но я говорила серьёзно. – Я что-нибудь придумаю. Встретимся на станции около «Боуэри Болрум» завтра в семь.

– И ты не расскажешь ей о том, куда мы пойдём завтра?

– Нет. Я просто поеду и всё.

Мы ещё немного постояли, глядя друг на друга. У меня совсем перехватило дыхание. Я вынула из сумки свой телефон, не отводя глаз от Арчера. Уголки его губ начали подёргиваться от сдерживаемой улыбки, но он кивнул.

– Хорошо, Фиби. Не знаю, как ты собираешься всё это повернуть, но я приду. Пиши, если возникнут проблемы.

Когда я протянула руку, чтобы забрать у него телефон, наши пальцы коснулись. Мне так хотелось взять его за руку, но я не стала. Ещё не время.

– Проблемы мне точно гарантированы, но я всё равно приду.

Глава 31

С утра, пока солнце не успело раскалиться, мы с Луной отправились в булочную. Там мы заказали медово-пшеничные булочки с сыром, которые, по словам сестры, пеклись здесь же, и ждали их, прислонившись к прилавку в конце очереди. Парень за кассой внимательно разглядывал Луну, возвращая ей сдачу.

– Ты Луна, – сказал он, склонив набок голову, но его тщательно уложенный беспорядок на голове даже не шелохнулся.

– Ага, – ответила она, изобразив улыбку Моны Лизы и расправив плечи.

Парень забрал с кухни наш пакет с булками и передал ей.

– Из «Luna and The moons».

Девушка, работавшая рядом, положила локти на прилавок и стала рассматривать сестру так, словно тоже знает её, но никак не может вспомнить.

Луна кивнула, качнув волосами.

– Она и есть.

Парень широко улыбнулся.

– Мы тебя на днях видели в «Тюльпанном клубе».

– Клёво, – Луна и сама расплылась в улыбке. – И как вам?

– Было классно.

– С публикой нам повезло. Спасибо, что пришли.

И она снова улыбнулась, совершенно искренне, и мы вышли через стеклянную дверь. Она закрылась за нами под аккомпанемент колокольчика, и я подумала: и это всё? Если это так просто, то почему, когда каждый раз маму спрашивают, кто она, ей необходимо разыгрывать весь этот спектакль с притворством и отрицанием?

Продегустировать купленные булочки мы отправились на набережную Бруклин Хайтс. Сев на красную лавочку в тени какого-то тощего дерева, мы устремили наши взоры на мерцавшую синюю реку. Нам открывался вид на позеленевшую Статую Свободы с прямой спиной и факелом в руке. Издалека она казалась намного меньше, чем я ожидала.

Держа в руках булку в форме идеального круга, Луна вытянула вперёд носок левой ноги и провела большим пальцем линию на земле.

– Как квартирка у Арчера? – спросила она.

– Навороченная, – ответила я, глядя в сторону реки, чтобы не пришлось смотреть на сестру. – Только вот отец у него – псих.

– Значит, как и у нас, – сказала Луна и широко развела руками, будто балерина.

Она опять выступала, только тихо, поэтому её благодарным слушателем была только я. Этакая импровизация, в которой было мало смысла, но могла позабавить зрителя, даже когда речь шла о нерадивых отцах.

Ветер поднял мои волосы и снова бросил их мне на плечи. Послышался корабельный гудок – протяжный низкий гул, как будто взревел большой зверь. Слон, к примеру, или морж, то есть кто-то с внушительными по размеру лёгкими и носом. Всё же, как здорово, что морское судно может вот так гудеть, предупреждая о своём приближении. В жизни очень не хватает таких предупреждающих сигналов.

Луна вздохнула.

– Прости меня, но мне придётся положить этому конец.

– Что?

Я резко перевела на неё взгляд, но теперь она глядела в сторону воды. Только если она не натренированный шпион – или если Арчер не сказал ей – то она никак не могла узнать о моём походе к отцу.

Луна посмотрела на меня.

– Забудь об Арчере, – для усиления акцента она потрянула головой.

– В смысле?

Меня охватила такая паника, что я никак не могла уловить, что она имеет в виду. Мимо пробежала школьница, догоняя удравшую с поводка собаку, и я повернула голову, чтобы посмотреть за ней. Девочка была в шлёпках, отчего собаке было несложно оставаться на свободе.

– Как о парне. Понимаю, он симпатичный, и он мне тоже нравится, но у него много проблем, – твёрдо сказала она.

Скрывая облегчение, я обернулась к ней. Разговор точно не связан с отцом.

– А кто говорил, что он мне нравится?

Она обратила ко мне такие же сине-зелёные и ясные, как у мамы, глаза.

Мы немного помолчали. Здания на краю Манхэттена были похожи на декорации или чей-то макет. Они были чересчур идеальными и геометрически точными, чтобы быть правдой.

– И какие у него проблемы?

Луна смяла в руке фольгу и засунула обратно в пакет, после чего вытянула ноги и посмотрела на свои туфли.

– Такие, что за несколько дней не решаются, – сделав глубокий выдох, она медленно выдохнула, будто медитируя. Потом снова посмотрела на меня. – Как и мои.

Я понятия не имела, что она имела в виду.

– Твои что?

– У меня почти такие же проблемы.

Её улыбка казалась очень неуверенной, будто могла исчезнуть в любую секунду.

Я вдруг поняла, что так крепко вцепилась за край лавки, что могла прощупать все неровности дерева.

– Тогда, может, я предупрежу Джеймса насчёт тебя?

– Не думаю, что он послушается, – сказала она, слегка покачивая головой.

– А я почему должна?

– Потому что, если ты не слушаешься, я расскажу маме. И тогда тебе придётся выслушивать это от неё, – сейчас она снова казалась прежней, уверенной в себе и своей правоте. – Она тут же запрыгнет в машину и будет здесь к ужину.

Могу себе представить, как мама с Дасти тормозят возле дома Луны, в полной готовности спасти меня от чар музыканта, точно такого же, каким был мамин муж и сестрин парень. Да и

что удивляться, когда сестра жила маминой жизнью.

– Но для этого тебе придётся говорить с ней.

Она пожала плечами.

– Пошлю смс.

Над нами по небу проплывало облако, идеально повторяющее форму черепашки. Как воздушный шар. Я закинула голову, чтобы получше его рассмотреть.

– Так, что не так с Арчером? Он кажется хорошим человеком.

Луна кивнула.

– Он очень хороший, но этот год у него явно не задался. Всё из-за сестры, – она открыла бутылку с водой и немного отпила. – Я даже подумывала выгнать его из группы.

Что стояло за подобной формулировкой, мне было известно: проблемы с алкоголем, наркотиками, гулянками или чем-то ещё в этом роде. Но мне было сложно соотнести это с тем, каким я знала Арчера. С его уверенностью и чувством ответственности.

– Но что-то произошло?

– Ну, у нас был серьёзный разговор. У всех нас. Около месяца он жил с Джошем, не возвращаясь домой, – она сжала губы, вспоминая. – Это ему явно пошло на пользу.

«Тогда какие могут быть проблемы?» – пронеслось в моей голове.

– Мы просто общаемся, – ну, и переписывались всю весну и лето. Я помахала руками перед своим лицом, словно прогоняя от него облако мошек. – Если мы всё оставшееся у нас время будем неразлучны, то просто убьём друг друга, – я смотрела на сестру. – Не отбирай у меня друга. Он замечательный, – я почувствовала, как мой голос начал дрожать. – У меня и так дела паршивые, но вчерашний день... очень порадовал.

Луна дотронулась до моих волос возле плеч.

– Хорошо. Но только как друзья.

Я кивнула и улыбнулась, сначала кроткой, но потом совсем широкой улыбкой, почти скрестив пальцы за своей спиной. Я не знала, что чувствовал Арчер, но не хотела оставаться с ним просто друзьями. Здорово было завести, наконец, собственный секрет, который бы никому не навредил. Думаю, одного будет достаточно.

Я уже почти собралась рассказать Луне о том, как мы ходили навестить Кирена, и что он хочет их записать. Про то, что отец, вроде как, скучает по нам. По-своему. Но Луна вдруг встала, дошла до железного забора по краю тротуара и забралась на его нижнюю перекладину. Из-за облака показалось солнце, и её волосы засияли как поток лавы, когда та остывает и чернеет. Сощурившись, я смотрела за тем, как сестра развернулась ко мне в профиль на фоне широкого синего неба.

Глава 32

Мэг

Декабрь 1993 года

Я порвала колготки, но костюмерша – вроде её звали Джули – переживать не стала.

– Мне так даже больше нравится, – сказала она, склонив набок голову. У её светлых волос были фиолетовые кончики, будто она их в виноградный сок окунала. – Смотрится так, будто тебе плевать. Словно всё случайно и несерьёзно.

Я уже собиралась сказать ей, что мои рваные колготки и были случайностью, какой казалась мне вся моя жизнь в последнее время, как в дверях нарисовался Кирен. Он был в

футболке и джинсах.

– Они уже готовы. Одедась? – он осмотрел меня с головы до ног. – Выглядишь потрясающе.

– Спасибо.

С самого утра я страшно нервничала, оттого теперь голова кружилась, сознание было неясным, словно я двигалась, но не в воздухе, а под водой. Если у меня и были бабочки в животе, то они были доисторическими с размахом крыльев в метр. Кирен взял меня за несопротивляющуюся руку и повёл за собой в коридор.

– Ты будешь в этом? Ты вообще переодевался?

– Зачем? Они хотят, чтобы я был одет как обычно. У меня же природное чувство стиля.

Он закружил меня и откинул назад, держа в объятиях, как какой-нибудь танцор сальсы, и уже был готов поцеловать меня, как я услышала чей-то визг. Это снова была Джули, из костюмерной.

– Не смажь ей помаду!

Улыбаясь, Кирен вернул меня в вертикальное положение и освободил из объятий.

– Ох уж эта помада!

В студии было так светло, будто мы приземлились на другую планету, а ведь просто переступили порог. Почти в самом конце помещения стоял огромный чёрный фон, в центре которого был снимок луны, оттеняющийся пустыми морями. Прибывшие туда раньше нас Картер и Дэн от безделья изучали потолок и заметно обрадовались нашему появлению.

– Понятия не имеем, чего нам тут делать, – сказал Картер.

– Да вы всё правильно делаете: стойте, как стояли, – сказала я.

Фотографа звали Кристиан, а выглядел он чуть ли не моим ровесником. Он тоже был в чёрной футболке и джинсах, поэтому спокойно мог бы сойти за участника нашей группы.

– Для вас, значит, есть форма, а для меня нет, – прошептала я Дэну.

Он улыбнулся.

– Ага, а где твои фиолетовые волосы? – он поднял фланелевую рубашку со стола. – Мне придётся это надеть.

Мы все стояли в ряд: мы с Киреном – в центре, Дэн и Картер – по краям. Лампы светили прямо на нас, как палящее солнце. Я уже начала потеть в своём чёрном платье с длинными рукавами, выбранном для меня Джули.

– Нам улыбаться? – спросил Картер.

– Нет, – ответил Кирен одновременно со мной. – Они скажут.

И пожал плечами.

– Итак, приступим, – сказал Кристиан. – Мэг, выйди вперёд.

Я посмотрела на нахмурившегося Кирена, после чего сделала пару шагов вперёд.

– Ещё два шага, – сказал Кристиан. Он смотрел на Кирена. – Так, парни, почему бы вам не разойтись по сторонам, прямо по краям луны.

Он указал на задний фон, затем пошептался со своей помощницей. Она немного подвинула их влево от меня, подталкивая и подтягивая их за плечи, устанавливая их туда, куда ей хотелось. Я не могла дотянуться до них, даже, если бы максимально вытянула руки. Но, не знаю, почему, меня это тогда не сильно беспокоило.

И я знала точно, что абсолютно все в том зале смотрели только на меня: осветители, стилист, костюмер Джули. Свет не был слишком горячим, а довольно ненавязчивым и тёплым, словно они хотели немного расплавить меня. Я улыбнулась и немного потрясла волосами. Я почти смеялась – это же не для рекламы шампуня – но Кристиану, вроде как, нравилось.

– Посмотри, как естественно у тебя получается, – сказал он. – Красотка! Смотри только на меня.

И я смотрела, поначалу, но потом я не могла не смотреть в сторону, на Кирена. Он выглядел серьёзно, даже настороженно. Но, когда я поймала его взгляд, он слегка улыбнулся, почти незаметно подёрнув уголки губ. Я даже не поняла, искренней ли была та улыбка.

– Давайте по-серьёзному, ребят, – сказал Кристиан, и Кирен нахмурился. Я снова обернулась к фотографу, приоткрыв рот и сделав глубокий вдох. Парень немного настроил свою камеру, направляя её на меня.

– Первая девчонка на луне, – сказал он, после чего я уже ничего не могла видеть из-за вспышек.

Глава 33

Я села на метро до станции Бруклинский мост Сити Холл, после чего поменяла ветку. Когда сошла на Боури стэйшн, совсем загордилась собой: да я же профессиональный пользователь метро, раз смогла проехать на двух разных поездах и не потеряться. Я огляделась по сторонам: не заметил ли меня кто-нибудь? Но все продолжали нестись по своим делам, поднимаясь и спускаясь по лестнице на платформу к открытым дверям поезда. Никто меня не замечал.

Мама периодически писала мне в течение дня, и я старалась ответить быстро, типа я была занята. Она интересовалась моими планами на вечер, на что я ответила то же, что сказала Луне: что собираюсь на литературный вечер моей любимой поэтессы. И я не врала: вечер действительно будет, и я любила эту поэтессу – мы читали её на уроках литературы в прошлом году – вот только на него я не попаду.

Сегодня я надела свою одежду: тёмные обтягивающие джинсы и бежевую лёгкую кофточку, закрывающую попу, но я всё равно не ощущала себя собой. Я увидела себя в отражении витрины обувного магазина – это была милая девушка с распущенными волосами, расправленными плечами, обрамлённая снизу за стеклом туфлями на высоких каблуках. Я улыбнулась, продолжая идти дальше.

Арчер ждал меня на улице возле здания концертного зала, облокотившись на каменный фасад. Над ним возвышалось арочное окно высотой в два этажа, и мне захотелось полностью рассмотреть его. Я нашла фотографии этого места в поисковике, после того, как ознакомилась с расписанием выступлений отца. Наверное, уже тогда я представляла себе, каково будет стоять здесь на тротуаре, зная, что там внутри – мой отец. Но оказавшись здесь сейчас, меня охватило жуткое беспокойство. Я не знала, смогу ли вообще войти внутрь.

Арчер притянул меня к себе, крепко обняв руками. Мы тесно прижались друг к другу бёдрами и плечами, и я почувствовала, как моя нервозность немного спала. Мне стало спокойнее. Затем он выпустил меня и заглянул в моё лицо.

– Что ты сказала Луне?

– Я сказала ей, что хочу послушать Ребекку Хэйзелтон в зале МакНелли Джексон.

Луна водила меня туда в мой прошлый визит, где мы слушали другого писателя – поэта с приятным, как музыка, голосом. Здесь рядом, на Принс Стрит.

Я почувствовала, как последняя фраза прозвучала так, будто я оправдывалась. Не знаю, кого я пытаюсь убедить, что то, что я делала, было правильно: Арчера или себя?

– Я сказала ей, что иду с тобой. Вообще-то, я надеюсь, что мы и на Ребекку сможем сходить.

Арчер крутил между пальцами незажжённую сигарету.

– Всегда есть время передумать, – сказал он, улыбаясь.

Я покачала головой и посмотрела на дверь.

– Туда я просто обязана пойти.

Арчер кивнул.

– Уверена, что не хочешь сообщить Луне, куда мы идём на самом деле?

– Уверена, – сказала я, хоть это и было неправдой.

– Хорошо.

Он засунул сигарету обратно в пачку, и мы пошли к дверям. На входе стоял парень в чёрной футболке со списком. Рядом с ним скопилась небольшая очередь для людей с билетами.

– Фиби Феррис, – сказала я. Парень пробежался по списку и отметил имя ручкой. Потом поднял глаза на Арчера в ожидании.

– Арчер Хьюс.

– Порядок, – сказал он, снова чиркнув галочку. – Проходите.

Он не спросил у меня паспорт, что было хорошо, потому что в нём было написано, что мне семнадцать. Полагаю, это неважно, если ты есть в списке. У Арчера было поддельное водительское удостоверение, на случай, если понадобится.

– Можете подняться на балкон, – сказал тот же парень и вручил каждому из нас бэйдж с надписью «VIP».

Держа в руке, я смотрела на него.

– Он мне нужен? В смысле, чтобы попасть на балкон?

Парень моргнул.

– Вы и вниз можете пойти.

Я кивнула и посмотрела на Арчера. Я боялась, что этим разочарую его, но он улыбался.

– Мы потом можем пойти наверх. Если захочешь.

Уже тогда я знала, что не захочу. Я хотела смотреть концерт со всеми. Я не хотела, чтобы меня начинали расспрашивать на тему, кто я такая.

Я уже была в дверях, как остановилась и сделала шаг назад.

– А в списке есть Луна?

Я встала на цыпочки и пыталась аккуратно посмотреть сама. Даже не знаю, почему меня это интересовало.

Его глаза пробежались по списку.

– Луна? – переспросил он, не отрывая глаз от бумаги.

– Угу. Просто посмотрите. Луна Феррис.

– Да, вот, – он посмотрел, нет ли кого за мной или рядом на тротуаре. – Она с вами?

– Нет, она не придёт, – я опустила на пятки, немного пружиня. – В смысле, не думаю, что она придёт. Но не вычёркивайте её.

Он посмотрел на меня так, будто я какая-то тронутая, словно готовясь к тому, что ему придётся заламывать мне руки. Потом он криво ухмыльнулся.

– Я никого не вычёркиваю из списка, – сказал он, поднимая руку открытой ладонью вверх. – Не переживайте, – и тогда я поняла, что он догадался, кто перед ним.

– Вы родственники Кирена?

Первой моей реакцией было соврать что-нибудь, но парень ведь уже знал мою фамилию. К тому же часть меня хотела заявить о том, что Кирен мой отец, пусть он сам никогда этого особо не хотел.

– Да, я его дочь.

– Он классный чувак, – сказал парень, кивая. – Но ты и так это, скорее всего, знаешь.

Я посмотрела на Арчера – он улыбнулся мне – и снова посмотрела на парня в дверях.

– Это точно. Спасибо.

Арчер взял меня за руку, переплетая наши пальцы, и мы вошли в дверь. Мы прошли через первый этаж до бара, а затем несколько лестничных маршей до самого зала. Было похоже на прохождение лабиринта. В зале было освещение как под водой, и я сразу почувствовала, как

пробираюсь сквозь что-то. Здесь было полно народу, стоявшего кучками, разделенными небольшими пространствами между ними. Толпа гудела на низких тонах, как те, что издают линии электропередач, если стоять очень близко к ним. Я смотрела на лица людей, когда мы проходили из одного пространства в другое к сцене. Было много людей возраста родителей, но так же много было моих ровесников или Арчера. Он всё ещё держал меня за руку, поэтому, когда я останавливалась на полпути, он тоже останавливался. Я искала подходящее место в зале, но не прямо перед сценой. Арчер смотрел на меня и улыбался. В изгибе его губ я заметила слегка выпиравший клык. Мы смотрели друг другу в глаза, и через секунду я достала телефон. Большими пальцами я печатала Луне смс: «Не сердись. Я с Арчером на концерте папы в Бауэри. Приходи! Ты в списке».

Но я не послала. Не хотела, чтобы выяснилось, что она так и не пришла. Я держала телефон перед лицом, глядя на свечение экрана как на ночник в этом большом затемнённом зале. Пусть я ненавидела себя за ложь, но я удалила то, что напечатала, и выключила телефон.

Глава 34

Я раньше никогда не видела отца на сцене. Не в жизни точно. Я находила его выступления на «YouTube», на сайте музыкальных каналов, и, конечно, смотрела все клипы «Shelter». Даже тот, на песню «Три дня дождя», с пустой скамейкой в пасмурный мартовский день, где, если присмотреться, можно увидеть, как мама дрожит несмотря на длинное чёрное пальто. За её спиной отец приставил ногу к своему усилителю, наполовину утонув в жемчужном песке. В этом году – вскоре, после выхода его альбома «Обещание» – он играл на шоу Джимми Феллона и даже несколько минут посидел в кресле рядом с ним. Они обсуждали любимые пиццерии Нью-Йорка, и оказалось, что их вкусы сошлись на одном и том же месте – пиццерии с дровяной печью, рядом с Бруклинским мостом. Позже я около часа читала отзывы о ней, прежде чем поняла, что ищу всего один – от Кирена.

Я даже помнила, как папа играл на гитаре на диване, когда навещал нас ещё детьми. Как он пел песни Битлз, а мы с Луной лежали, свернувшись калачиками, рядом с ним. Но я никогда не видела, чтобы отец выступал вживую на сцене для людей в зале.

Выйдя на сцену, отец прошёл к центральной стойке микрофона, стоявшей в освещённом кругу. С плеча свисала та самая гитара «Fender Jazzmaster», которую я видела в его студии. В ожидании, пока стихнут приветственные аплодисменты, с его лица не сходила искренняя улыбка. Слева от него уже стояла невероятной красоты бэк-вокалистка. Из-за подсветки её кожа казалась красноватой и золотистой, а вокруг головы, подобно ауре, светился круг из африканских волос. В глубине сцены за блестящей синей установкой также были видны ещё один гитарист и ударник. У басиста был тёмно-красный бас «Fender», и я подумала, что именно на него сейчас был устремлён взгляд Арчера.

Я стояла там и думала, скажет ли отец что-нибудь про меня? Произнесёт ли он моё имя?

– Здорово, Нью-Йорк, – сказал он, и по залу прокатилась волна восторженных возгласов. – Мы рады быть сегодня здесь, – улыбаясь, он оглянулся на ударника, поднявшего вверх палочки. – Нет лучшего места для меня, чем мой родной город, несмотря на то, что почти все мы приехали сюда из других мест, – он вышел вперёд и дотронулся до микрофона в стойке. – Я прибыл сюда из другого города, но это было так давно, что я даже не могу вспомнить, когда это было.

– Не так уж и давно! – выкрикнул кто-то из толпы.

Отец рассмеялся чистым резким смехом на гудящий зал.

– А по мне так давненько, – сказал он, растягивая последнее слово. – Но это неважно. Ведь самое главное, чтобы те, кого вы любите, оказывались там же, где и вы, верно?

Я обернулась посмотреть на людей слева от меня, но все они смотрели на сцену, на моего отца. Мне-то казалось, что я будто вся светилась, или какой-то знак над головой указывал на меня, но никто, кроме того парня на входе, не знал, что я его дочь. Даже не знаю, хотела ли я, чтобы кто-нибудь знал.

– Знаю, о чём вы думаете, – сказал отец, и я снова посмотрела на него. – Давай уже к делу, Кирен. Тогда поехали!

И он ударил по гитаре в аккорде. А я, совершенно бездумно, и даже не отводя взгляда от сцены, взяла Арчера за руку, переплетая его пальцы со своими. Но уголком глаза я видела, как он улыбался мне.

Я знала песни отца, все до единой. Я слушала их на своём Айпode на пробежках с Дасты и на магнитофоне, пока мама была на работе. Так что, даже стоя в одном помещении с отцом, даже слушая, как он играет передо мной, песни всё равно звучали немного одиноко для меня, так, как, скорее всего, они не звучали ни для кого больше в этом зале. Они казались немного грустными.

Всем остальным хочется увидеть шоу, увидеть того парня, который им нравился, когда он ещё играл в группе Shelter двадцать лет тому назад. Может, они даже следили за его карьерой все эти годы и покупали каждый его альбом: на виниле, на кассете, потом на диске, а потом снова на виниле? Но для меня это было просто полем для исследования, помогающим лучше понять отца. Сейчас я просто наблюдала за ним, и за теми людьми, которые смотрели на него. А ещё я просто слушала его песни, только теперь в концертном зале.

Музыка Луны как будто бежала куда-то, спешила, одновременно пытаюсь заполнить всё пространство вокруг себя. Песни отца воспринимались по-другому. В них не было суеты, и они просто двигались в пространстве зала, заполняя его, как и музыка Луны, но так медленно, что можно было и не заметить.

Я смотрела на толпу, когда отрывала взгляд от отца. Свет от сцены отражался в лицах людей золотыми и серебряными тенями. Они качали головами в ритме песен или подпевали, иногда громко, широко открывая рты и улыбаясь, пока пели, а иногда тихо, лишь лепеча слова.

До меня дошло, что в его любимом городе он считался непогрешимым. В том, что он делал, не было никакого риска, ведь у него уже была поддержка. Он знал, что здесь только те, кто его любит. От этого его творчество казалось совсем не таким смелым, какое было у Луны, раз многие в той толпе зрителей видели её впервые. Наверное, она хочет добиться того же, и ей хватает уверенности знать, что она в конце концов получит желаемое. В них было что-то – в отце и сестре – что было и у мамы.

Он долго играл, почти полтора часа. Я стояла там, держа руку Арчера и переступая с ноги на ногу, но не подпевала. Затем Кирен, наконец, спел ещё одну песню, после которой нежным голосом сказал прямо в микрофон: «приятных снов», а затем быстро покинул сцену, из-за чего я не сомневалась, что это было не всё. Вокруг меня нарастали аплодисменты, подобно шуму океана, когда ты только вышел из машины и ступил на песчаный пляж: звук шёл из ниоткуда, но при этом сразу со всех сторон. Люди кричали имя отца, выкрикивали названия песен, хлопали, словно пытаясь вызвать его из глубины леса. Мы с Арчером тоже стали хлопать, сначала тихо, потом также громко, как и все остальные в толпе. Спустя три минуты аплодисментов Кирен вернулся, и хлопки стихли до минимума, хоть и разбавлялись отдельными выкриками.

Он начал петь песню, которую я так ждала, сама того не осознавая. Песню под названием «Потерянные девчонки», о которой я много думала, стоило мне только её услышать. Возможно, за все эти годы он потерял уйму девчонок, но я всё равно надеялась, что эта песня была о маме, сестре и обо мне. «Потерянные девчонки, – пел он, – на краю моих снов. Хочу, чтобы вы знали, какая на самом деле моя любовь».

Я много думала о смысле этих слов. Он говорит о том, что хотел бы, чтобы девчонки знали, но не может, потому что они пропали? Или он хочет, чтобы его любовь была другой, но знает, что она такая, какая есть на самом деле? Что то, как он любил, было недостаточно. Интересно, пел ли он эти слова по-другому, зная, что я могу быть среди публики. Сложно сказать, но я поняла, что сжимаю руки в кулаки, поэтому попыталась ослабить пальцы, расправляя их в стороны. В тот же момент я почувствовала, как Арчер снова взял мою правую руку в свою, и улыбнулась, не глядя на него.

По завершении песни, отец не стал торопиться покинуть сцену. Включился свет, и Кирен наклонился, чтобы сложить свою гитару и педали, хотя я уверена, он мог бы попросить кого-нибудь другого сделать это за него. Кто-то из толпы двинулся к краю сцены, чтобы поговорить с ним. Отец выглядел довольным от общения с ними, умудряясь сохранять с ними зрительный контакт большую часть времени, несмотря на упаковывание своих вещей.

– Чего ты хочешь сейчас? – спросил Арчер. В зале всё ещё было громко, поэтому он говорил мне прямо в ухо. Я чувствовала кожей его тёплое нежное дыхание. Он не отпускал моей руки.

Я повернулась к нему.

– Не знаю.

– Наверное, стоит сказать ему, что мы здесь?

Я не стала слишком сильно приближаться к сцене, но теперь в зале было больше пустого пространства. Я видела, как отец рассматривал расползавшуюся толпу, немного щурясь от верхних софитов. Я подняла руку, хотя совсем не высоко, и помахала ему, но отец всё же увидел её. И на его лице сразу появилась улыбка – настоящая, касавшаяся его глаз, и он поднял руку в ответ.

Но потом я направилась к выходу, так как не знала, что ещё могла сделать. Арчер последовал за мной, или, может, я повела его за собой, таща за руку.

Тот парень, что впустил нас по списку, теперь стоял в коридоре, где толпился народ. Видимо, его работа закончилась, потому что, казалось, будто его не сильно волновало то, что происходило вокруг. Но, когда он увидел меня, его глаза загорелись как от щелчка выключателя. Он улыбнулся мне, а я улыбнулась ему в ответ, изображая из себя то, что он себе представлял: девушку, только что посмотревшую концерт своего отца-рок-звезды или рок-звездочки, и у которой просто на сто процентов идеальная жизнь. И я помахала ему.

Впереди нас обозначились рамы двойной двери в виде широкого светящегося квадрата. Я глубоко вздохнула и, всё ещё держа Арчера за руку, вышла через дверь на улицу.

Глава 35

Мы быстро шли по дороге, обходя фанатов Кирена Ферриса, всё ещё попадающих группами по пути. Арчер шёл за мной, а я лишь хотела, чтобы между мной и зданием «Болрума» было как можно больше расстояния. Мы остановились на углу квартала.

Впереди виднелся парк Сары Д. Рузвельт, узкая полоска зелёного цвета посреди улицы. Несмотря на темень, зелень всё равно было видно, может из-за контраста с тусклой серостью тротуаров вокруг или из-за того, что воздух прямо над ними был свежее.

– Хочешь пойти куда-нибудь посидеть? – спросил Арчер, сжимая мои пальцы в своих. Я кивнула, и мы пошли в сторону парка.

Большую часть его территории занимали баскетбольная площадка и футбольное поле, на котором, несмотря на поздний час, всё ещё было полно игроков. Их крики и смех проносились над землёй прямо мне в уши, а удары от баскетбольного мяча о землю были, словно шаги десятка человек, бегущих по безграничному полу.

Мы отыскивали низкую деревянную скамейку, и я села, плюхнув рядом с собой свою сумку. Она казалась тяжелее, как будто мы что-то прихватили с концерта, но я ничего не покупала и ничего не прихватывала. Никто мне даже не дал обрывка билета после контроля. В сумке по-прежнему лежали лишь журнал «SPIN» и книга Сэлинджера, которую я пока здесь никому не показывала.

– Блин, это было круто. Надеюсь, и мы однажды там выступим.

Арчер улыбался.

– Выступите, – сказала я, и не знаю почему, но в тот момент я подумала о Бэне. Пошла бы я с ним на концерт? Знаю, он любит музыку, но я всё равно не могла этого представить. Тогда куда бы мы пошли? На чемпионат по лакроссу? То есть туда, где есть правила и две стороны на выбор? Где к концу встречи всегда точно известно, кто победил?

Я откинулась на лавку и, высунув левую ногу из босоножки, коснулась пальцами земли. С заката прошло уже несколько часов, но я всё ещё ощущала хранимое землёй солнечное тепло.

– Асфальт тёплый, – сказала я.

Арчер наклонился, чтобы потрогать асфальт пальцами.

– Сегодня было жарко.

– Асфальту нужно много времени, чтобы забыть. Забыть о дне.

Арчер смотрел на меня в ожидании.

– Он... он сохраняет тепло.

Я начала играть с ляжкой сумки, чтобы хоть как-то занять свои пальцы.

– Я понял, о чём ты.

Напротив нас на скейтборде катался мальчик, гремя колёсами из-за трещин на тротуаре.

– Мне понравилось то, как ты сказала.

Почувствовав биение пульса в ушах, я отвела взгляд. Это был первый раз с нашей встречи в реальной жизни, когда я ощущала себя той девушкой, какой была в своих смс. Я снова вспомнила, каково это – правильно подбирать слова для своих чувств.

Я подняла глаза к небу, но на нём ничего не было видно. Оно было очень тёмным, настолько, насколько это было возможным. Маленький круг луны светил над другим краем парка, прямо над ровными прямыми крышами домов через дорогу.

– Мне немного не по себе здесь, – сказал Арчер.

Я посмотрела на него.

– В смысле?

– Из-за всего этого освещения, – он указал на тёмно-серое, как уголь, беззвёздное небо. – Мелким ходил в лагерь, так там было много звёзд. Слово кто-то добавил их на небо, пока мы ехали в другой конец города. Я просто глазам не мог поверить, – он посмотрел вверх и сощурился, словно пытаясь разглядеть, хотя бы одну звёздочку. – Всегда, когда в разговоре с девушкой, возникает неловкая пауза, стоит попробовать найти созвездие.

В небе над нами показался крошечный мигающий огонёк самолёта. Я улыбнулась.

– И со многими девчонками ты так разговаривал?

Его короткий смешок был больше похож на выдох. Арчер повернулся ко мне, и у меня самой перехватило дыхание.

– Приходилось немного, чтобы отточить мастерство общения.

Я посмотрела на него.

– Заметила, – сказала я с оттенком флирта в голосе, как обычно разговаривала с десятком других парней, которые мне нравились, но сейчас всё было иначе.

– Я решила, что ты имел в виду то, что всегда окружён другими людьми. Так что трудно найти подходящий момент. Момент для поцелуя.

Арчер улыбнулся и посмотрел мне в глаза, и я... я не смогла выдержать взгляда.

Я снова смотрела в небо.

– И много созвездий ты можешь найти?

Колотившемуся в груди сердцу потребовалось немного времени, чтобы перевести дух. Я могла назвать их все, ну, или все известные. В общем, все созвездия, которым меня всё детство учила мама.

Арчер засмеялся.

– Чаще всего я их сам выдумываю. Типа, Большой Утконос. Или Маленький Тостер.

Я покачала головой.

– А ведь кто-то из тех девчонок мог решить, что они реальные, – я коснулась его руки и ощутила тепло кожи. – Маленький Тостер?

– Это как... – он нарисовал в воздухе квадрат. – Как-то так.

– Ну, да, древние греки ведь очень любили жарить тосты.

– Ага. И большие, и маленькие, – он убрал прядь волос с моего лица, и у меня перехватило дыхание. – Лучше бы, наверное, я про мужское лицо на луне рассказывал, – сказал он, показывая на светило, зависшее в небе над крышами небоскрёбов Манхэттена.

– Оно, кстати, не мужское, – сказала я, не подумав.

– Что?

Я опустила глаза. Разглядывая скамью, я увидела нацарапанное кем-то имя «Одри» между мной и Арчером, и дотронулась до букв. – Мама всегда говорила, что на луне не мужское лицо, а несколько девичьих.

– Девичьих? Их ещё и несколько?

– Ага.

Я попыталась вспомнить, что мама обычно говорила. Когда мне было семь, потом девять, потом двенадцать лет, сидя на заднем дворе, глядя на запылённую и затемнённую луну. Те смазанные очертания не были похожи на лицо мужчины. «А те, кто так думает, ошибаются» – говорила она.

– Тогда что там? – спрашивала Луна, внимательно вглядываясь в рисунок спутника.

– Девочки. В точности как вы.

Будучи ребёнком, я принимала её слова на веру, как историю про Зубную Фею или Санта Клауса, несущегося на летящих оленях. Но сейчас я задумалась, а что она имела в виду тогда? Может, они были вычерпаны как лунные моря, все те кратеры, в которых вода, если там вообще есть вода. Или это девочки, сидящие со скрещенными ногами в лунной пыли, опираясь на руки?

Сейчас, сидя с Арчером на скамье, что-то щёлкнуло, и я, наконец, поняла, что мама имела в виду.

– Я раньше и не задумывалась, но, думаю, есть какая-то связь с этим.

Я достала из сумки журнал и передала его Арчеру. Тот взял его так, словно это было что-то очень хрупкое. Приподняв его ближе к свету, лившемуся от фонаря, Арчер молча смотрел на него.

– Вот это круть, – сказал он, спустя несколько секунд.

– Точно.

Он смотрел на меня.

– Откуда он у тебя? Мама дала?

Я покачала головой.

– Не-а, с сайта «Ебау». Купила по кредитке Тессы, моей подруги. До меня вдруг дошло, что я могу просто его купить, раз маму не удаётся разговорить на эту тему, – я посмотрела на маму на обложке у Арчера на коленях. На её подчёркнутые яркие губы, большие сине-зелёные глаза. –

Может, всё это время она имела в виду это?

Арчер листал журнал, пытаясь найти статью.

– Ты показывала его Луне?

– Нет. Но хочу. Просто пока не было удачного момента. Не знаю, что она скажет.

Я собрала волосы и скрутила так, чтобы они оставались на спине. Так приятно было ощущать на шее прохладный вечерний воздух.

– Наверное, я боюсь услышать её реакцию.

– Почитаю в метро, можно? При таком освещении плохо видно, – он вернул мне журнал. – К тому же, я хочу кое-что сказать.

В груди снова затрепыхалось сердце, словно кто-то завёл его механизм.

– Я только что подумал о Луне, перед тем, как ты мне это показала.

– О Луне? – на секунду я замешалась. Неужели я всё поняла неправильно? Может, ему – как и почти всем парням, видевшим сестру – нравится Луна? – Ты влюблён в неё?

Арчер усмехнулся.

– Нет! Мы с ней друзья. Как и с Джеймсом. Я не о том, – он немного сощурился, словно пытался всмотреться в моё лицо в этом полумраке. Он сделал вдох, а я ждала. – Постоянно думаю о том, что она убьёт меня, если я тебя поцелую.

От последних слов внутри меня всё перевернулось, словно подо мной развалилась скамейка. Но мои мысли были только о том, как я хотела, чтобы это чувство не кончалось.

– Так давай не скажем ей.

Моё сердце было подобно коробке с шариками, которые так сильно тряслись, что я боялась, что Арчер услышит этот грохот. В небе пролетел ещё один самолёт, побольше предыдущего. Порядка двух сотен людей сидели в нём, читая, жуя печенье или засыпая, прижавшись головами к иллюминатору, и они и понятия не имели о том, что мы здесь внизу, и что нас разделяют километры.

Я повернулась к Арчеру.

– Как насчёт путешествия во времени?

Он смотрел на меня и улыбался.

– Поясни.

– Довольно рискованно, но всё же, если бы ты уже меня поцеловал, то всё было бы уже в прошлом, – я махнула рукой. – Убила бы тебя Луна или нет, но дело сделано, – я смотрела на его губы, и даже не думала скрывать это. – Мы уже не сможем ничего изменить. Всё уже случилось.

Он кивнул, словно я только что вывела серьёзную научную гипотезу, и теперь он её обдумывает.

– Интересно. И даже логично.

– Логика – не самое сильное моё место, но я стараюсь.

Я аккуратно забрала руку из его ладони и полностью развернулась к нему лицом.

– Убедила.

Он сказал это так нежно, что мне пришлось сильнее прислушаться, чтобы расслышать его, но он ничего не делал, не подался вперёд и не дотронулся до моего лица руками. Он просто смотрел на меня, но потом немного склонил набок голову, и теперь я будто могла увидеть, что произойдёт дальше, раньше, чем это произошло. Может, так путешествия во времени и ощущаются? Он коснулся губами моих губ, словно ища чего-то или спрашивая. От этого во мне всё заклокотало, сначала в животе, потом побежало во все стороны, как шум прибывающих волн.

Последним, кто меня целовал, был Бэн. Это был запрещённый поцелуй. Поцелуй, разрушивший мою дружбу с Тэссой, конец школьного года и моё лето до этого момента. Сейчас всё изменилось. В этот раз, когда мы оторвались друг от друга, и я открыла глаза, на небе не

было кружащихся звёзд. Был лишь Арчер на скамье и кучка детей позади нас, игравших в баскетбол. И я была на той скамье, но какая-то часть меня постепенно покидала меня, уносясь в прошлое.

У мамы с отцом тоже когда-то был первый поцелуй, ещё до группы, до записи альбомов, до туров. До нас с Луной. Интересно, была ли у них уверенность в тот момент, как сейчас у меня, и в том пылу, что окутывал их, что всё обязательно будет хорошо?

Или знали ли они, что есть вероятность, что не будет, но они всё равно это сделали?

Глава 36

Мэг

Октябрь 1993 года

Все дорожки вокруг кафе были усыпаны сухими листьями. Каблуки сапог стучали по тротуару, с Бродвея доносился шум от потока машин, но в остальном улица казалась совсем тихой, будто мы были на ней одни.

Втянув в лёгкие побольше воздуха, я запрокинула голову назад. Небо размытого оттенка синего цвета перечёркивалось голыми ветками деревьев, тех, за которые я больше всего любила эту часть города. Если не считать кафе «Фламинго». Мы часто захаживали туда посреди ночи после концертов, с друзьями или вдвоём. Обычно выжатые как лимоны, но заведённые, а иногда ещё и немного пьяные. Сейчас же, после двухмесячного тура, это место воспринималось как кусочек какой-то другой жизни.

– Нас так долго здесь не было, – сказала я, повернувшись лицом к Кирену.

Он улыбался.

– Но мы вернулись.

– Ага. На две недели. И потом мы опять уедем.

– Ладно тебе, Мэг, – он взял мою руку. – Ты ведь тоже этого хочешь. Без этого никак.

– Знаю, просто скучаю по дому, по тебе.

Он притянул меня ближе и поцеловал, и каждая молекула вскочила со своего места и устремилась к нему. Я вспомнила, когда он впервые поцеловал меня: в нашем городе, рядом с баром на Аллен Стрит. В Баффало стоял январь, было жутко холодно, но красиво, звёзды ярко выделялись на фиолетовом небе. Мне хотелось, чтобы нашим поцелуям не было конца.

– Я тоже скучаю по тебе. Но я же всегда рядом. Мы всегда вместе.

– Да, конечно.

Он поднял взгляд к неоновой розовой вывеске с надписью «Фламинго».

– Поедим и пойдём домой. Только ты и я.

Он открыл стеклянную дверь, и сверху звякнул колокольчик. Наша любимая официантка Джина помахала нам из-за стойки. У девушки были всё такие же ярко-рыжие волосы, и та же синяя униформа и модные ботиночки.

– Посмотрите-ка, кто вернулся! – закричала она.

– Да, наконец-то! – сказала я, улыбаясь, но она была слишком далеко, чтобы слышать.

– Первым делом отправились во «Фламинго», – сказал Кирен громче, чем я, и сжал мою руку.

– Как приятно! Секундочку, я только стол вам протру.

Я прислонилась к стене, расписанной рисунком из пальм, и закрыла глаза. Я наслаждалась звуками с кухни: бряканьем тарелок, звоном стаканов, жужжанием посудомоечной машины.

– Те же звуки, – сказала я, открывая глаза.

– Уверен, что еда здесь тоже не изменилась, – сказал Кирен, наклоняясь ко мне. – А ты не изменилась? Ну-ка проверю.

И он поцеловал меня, обвивая руку вокруг моей талии. Кровь начала пульсировать по венам в другом ритме.

К моменту окончания поцелуя, рядом с нами появилась девушка.

Ей было около девятнадцати, блондинка, карие глаза, одета в джинсы и белую футболку. В лице было явное расположение.

– Вы ведь Кирен и Мэг?

Кирен посмотрел на меня, улыбаясь.

– Это мы.

– Меня зовут Анабель.

Она обернулась к столу на противоположной стороне кафе и кивнула. Её друзья – точнее орава друзей – встали и подошли к нам. Их было не меньше шести человек, поэтому они встали вокруг нас полукругом.

– Мы были на вашем концерте на вязальной фабрике в прошлом году. Это было что-то невероятное.

– Спасибо, – сказал Кирен. – Помню я тот концерт. Мы только что вернулись из тура.

Тогда они начали что-то спрашивать, но я слушала их вполуха, надев на лицо улыбку. Хотя нет, это было маска. Не таким я всё это видела. «Фламинго» было нашим местом, где мы не собирались ни с кем говорить, кроме как друг с другом. И, может, ещё с Джиной, пока делали заказ. Но сейчас все в кафе смотрели на нас, либо от того, что узнали, либо от того, что понимали, что есть в нас что-то, за что надо на нас тарашиться. Из колонки над головой слышалась песня Кэта Стивенса «Вон идёт моя малышка» вместе с радостным звоном тамбурина, и я подумала, а что произойдёт, если я сейчас просто протанцую до двери и испарюсь за ней. Вот и ушла моя малышка.

Оттуда я видела столик, который нравился мне больше всего. Совсем пустой, возле окна. Синие виниловые сиденья, столешница из пластика с выложенными на ней чашей с сахаром, креманкой и бутылкой кетчупа. С момента переезда сюда, мы сидели там уже раз сто и ели блинчики с омлетом и сыром, запивая переслащённым кофе с молоком. Стол стоял в двадцати шагах от нас, но я не знала, как теперь до него добраться.

Глава 37

Лишь ближе к полуночи мы ушли с той скамейки. Часом ранее луна скрылась за зданиями на другой стороне улицы, и у меня появилось такое сонно-мечтательное чувство, от которого мир вокруг казался очень контрастным и ярким, даже в темноте.

– А, да, я хочу ещё кое-что тебе показать, – сказал Арчер, когда мы подошли к выходу из парка.

Выйдя на тротуар, он оглянулся, чтобы сориентироваться, после чего выбрал направление на запад.

Мы шли молча, держась за руки. Мне было интересно, какими нас видели проходившие мимо люди, если они вообще нас видели. Спустя всего несколько часов с ним рядом, всё казалось другим. На часть вопросов, которые мы хотели друг другу задать, получены ответы. Связь подобно электрическому току бежала между нами, и при прикосновениях искрилась на кончиках пальцев.

– Куда мы идём?

– В Сохо, – Арчер проверил уличные указатели и повёл меня через бордюр. – Всего в паре

кварталов.

Вскоре он остановился напротив здания из красного кирпича и потащил меня на крыльцо.

– Смотри, – сказал он, тыча пальцем в список имён рядом с квартирными звонками. Он смотрел на меня, пока я читала. Для меня это было что-то вроде паззла или загадки, но ни одно из имен, ни о чём мне не говорило, пока я не добралась до пятого сверху: Д. Бирн. Я повернулась к Арчеру.

– Серьёзно? Тот самый Дэвид Бирн из «Talking Heads»? Тут живёт?

По его лицу растеклась широкая улыбка.

– Здесь его студия. Я просто смотрю на его имя. Когда мне хреново, я иногда прихожу сюда, – он слегка смутился, затем пожал плечами. – Я много хожу, а так – у меня всегда есть место, куда пойти.

Я вспомнила слова Луны об Арчере месяцами раньше, о его заморочках, о пропусках концертов. Я хотела спросить его об этом, но вряд ли это было подходящее время. Наверное, лучше было бы, если бы он сам захотел мне всё рассказать, без моих расспросов.

– Прямо как медитация, – сказала я и только потом поняла, как слова были похожи на то, что говорит мама. Я подошла ближе к звонку и посмотрела на буквы в имени Бирна. – Никогда не хотелось нажать его?

– Конечно, хотелось, – но он не подошёл ближе. – Просто, зачем?

Тогда я поцеловала его, опять, у дверей дома Дэвида Бирна, после чего мы сошли на тротуар и направились к метро.

– Джош иногда гуляет до старого дома Уолта Уитмена в Бруклине, – Арчер вложил свою руку в мою, и меня удивило то, насколько естественным было это движение. – По той же причине.

Вот уж неожиданно было узнать, то Джош с его-то сарказмом и музыкальными пристрастиями мог выбрать для самоуспокоения давно умершего американского поэта.

– Серьёзно?

Арчер кивнул.

– Джош не так-то прост.

Мы прошли мимо кофейни, ещё открытой, со светящимися витринами. За столиком напротив сидели два старичка, склонившихся над керамическими кружками.

– Хочешь латте? – спросил Арчер, улыбаясь. – Или чего-то ещё, что в кофейнях продают?

– Ха-ха. На самом деле, я даже очень любила там работать. Хоть надо мной и подтрунивали за принципиальность, но я ощущала себя частью их семьи, – сказав это, я поняла, что так и было на самом деле. – У всех работников были клички, как будто это был клуб.

Арчер бросил на меня взгляд, ожидая продолжения.

– Я была младше всех, поэтому они начали называть меня Лолитой. Но после того, как я объяснила им, что героиня с таким именем стала жертвой педофила, они стали называть меня просто Фибс.

– А что, нормальная кличка.

– Не знаю. Я бы хотела иметь какую-нибудь крутую кличку.

Арчер показал на знак метро в полу квартале от нас, и мы свернули к ней.

– Я могу тебе придумать.

Мой взгляд упал на открытую дыру в первом этаже дома напротив рынка. От вида узкой лестницы и темноты за ней меня начало мутить.

– Давай.

Он обошёл коробку с лагуком, лежавшую на тротуаре.

– Так, Фиби... Феб – это же такая птица, так?

– Ну, да, только мама назвала меня в честь богини луны.

– У тебя уже есть сестра Луна, – он махнул рукой. – Слишком много лун. Давай подумаем над птицей феб. Как насчёт Птичка? Или Пташка.

Мы шли под навесом цветочного магазина, и я улыбнулась, глядя на розы в витрине. В отражении я увидела, как он смотрел на меня.

– Пташка мне нравится.

– Честно говоря, возможно, в Бруклине можно наткнуться на толпу карапузов с таким именем в свидетельствах о рождении.

– Меня больше напрягает другое: как ты об этом узнал?

Он смотрел на меня.

– Как я узнал что?

– О птице феб.

Он махнул рукой на небо, словно говоря «Кто его знает?».

– Во мне много скрытых знаний.

– Уже поняла, – я шагнула на первую ступеньку вниз. – Выдуманное созвездие, квартиры рок-звёзд... Таких?

Арчер улыбнулся.

– Всё верно.

Он настоял на том, чтобы доехать со мной до Бруклин Хайтс.

– Мне всё равно больше нечего делать, – сказал он, проводя своей карточкой метро по считывателю.

– Уже час ночи.

– Я не устал.

Мы стояли на платформе, касаясь друг друга плечами, когда следом за мощным потоком воздуха подъехал поезд.

Спустя полчаса, когда мы вышли на улицу напротив Бороу Холла, в воздухе пахло дождём, но асфальт был сухим.

– Нам лучше поторопиться, – сказал он.

В округе дома Луны стояла почти идеальная тишина, за исключением доносившегося из чьего-то окна голоса Отиса Реддинга. Я держала Арчера за руку и закрыла на секунду глаза, зная, что, когда в следующий раз я услышу песню «Try a Little Tenderness», я вспомню этот момент этой ночи.

Напротив Четырнадцатой улицы мимо нас проехала машина. Я посмотрела вверх, на окна спальни сестры. В них было темно.

Арчер наклонился ко мне, чтобы поцеловать, но я отвернула лицо.

– Не здесь, – сказала я и схватила его руку. – За мной.

Я повела его вниз по лестнице к входной двери. Его губы были на моих раньше, чем мы спустились до самого низа. Он прижал меня к стене, зарываясь руками мне в волосы. Мне казалось, я вся горю, и даже не поняла, сколько прошло времени до того, как он немного отстранился, прерывая поцелуй. Он смотрел на меня.

– Мне нужно идти наверх, – сказала я, задыхаясь. – Уже очень поздно.

– Хорошо, – сказал он, но поцеловал меня опять, нежно сдавливая пальцами спину. И вот он отпустил меня.

Когда дверь защёлкнулась у меня за спиной, я тут же захотела снова открыть её, чтобы пойти с Арчером туда, куда бы он ни пожелал. Немного постояв в фойе, я подождала, пока немного успокоится сердце. Свет с потолка ярко освещал кучку писем, которая напоминала

маленькую лавину на столе. Несколько журналов затесалось между белыми конвертами со счетами или чем-то ещё, и я была рада заметить, что никого из моей семьи не было на их обложках.

Глава 38

– ФИБИ, КАКОГО ХРЕНА?

В квартире было так темно, что я сначала даже не смогла разглядеть в ней сестру. Когда глаза немного привыкли к темноте, я увидела, что Луна стояла рядом с окном. Лишь ее тень освещалась светом с улицы будто аура.

– Что случилось? – спросила я.

Луна включила лампу, осветив гостиную.

– Где тебя носило всю ночь?

На ней была чёрная майка и розовые спортивные шорты, волосы распущены по плечам. Она как всегда махала руками, развернув ладони друг к другу и широко растопырив пальцы. Если её в тот момент сфотографировать, то было бы похоже на то, что она хлопает в ладоши. Только не от восторга, а от ярости.

Мне даже не хотелось приближаться к ней. Луна напоминала мне опасного дикого зверя, типа пантеры или другой грациозной, но устрашающей своим видом дикой кошки.

– Я была с Арчером, – я старалась говорить спокойно. – Я же тебе говорила.

Она качала головой.

– Сейчас почти два часа ночи. Позвонить не могла?

Я посмотрела на свою сумку, которая ещё была у меня в руке.

– У телефона батарейка села.

Отговорка должна сработать, так как телефон был отключен и лежал на дне сумки, да я и не думала, что сестра станет требовать доказательств.

Она шагнула босыми ногами навстречу мне.

– А Арчер не мог послать сообщение?

– Я его не просила. Ты же не мама. И ты знала, где я.

– Вообще-то, нет, – она переступила на другую ногу. – В этом-то и дело.

Из спальни вышел Джеймс. На нём была белая футболка, штаны от пижамы, а волосы были взлохмачены. Он облокотился на дверной косяк, его глаза слипались, но выражение лица было немного беспокойным. Я улыбнулась ему, отчасти для того, чтобы он перестал беспокоиться и немного простил меня.

Я подошла к столу, чтобы положить свою сумку и заодно взглянуть на себя в зеркало. Волосы немного кучерявились из-за влажности, а губы распухли от чрезмерной страсти. Скорее всего, Луна догадалась, чем я занималась. Может, и Джеймс тоже.

– Луна, – сказал он, и его акцент был настолько прикольным, будто это сказал пришелец с другой планеты в нашей раскалённой до предела галактике «Бабы Феррис». – Она вернулась. Она в порядке. Всё хорошо.

– Вижу, Джей. Просто... мне надо с ней поговорить, – и, понизив голос до томного мурлыканья, добавила: – Я буду хорошей. Возвращайся в кровать.

Я увидела, как напряжены были её плечи. Она вся казалась такой же собранной, как пантера перед прыжком.

Джеймс ещё немного постоял в дверях, глядя на меня. Я снова слегка улыбнулась ему, давая понять, что ничего плохого не случится, если он уйдёт. Я почти сама в это поверила. Он едва заметно кивнул, возвращаясь в спальню, и с тихим щелчком закрыл дверь.

Луна подошла к проигрывателю и поставила иголку на лежавшую там пластинку. Это был белый винил, так что я не удивилась, когда комнату наполнили звуки «Vampire Weekend».

– Давай обойдёмся без этого, – сказала сестра низким шёпотом. Ясно, музыка была лишь прикрытием. Она не хотела, чтобы Джеймс её слышал.

– Без чего?

Я попыталась говорить беззаботно, но моё сердце несло как угорелое. Я плюхнулась на диван.

– Без всей этой... смены ролей. Стать плохой у тебя не получится.

Она шла ко мне, аккуратно ступая босыми ступнями по деревянному полу. Потом сестра села на край серого кресла, сохраняя прямую спину.

– Почему? – я развернулась к ней плечами. – Потому что ты в этом профессионал?

– Потому что это фигня какая-то, – она практически выплюнула слово «фигня». – Потому что ты ребёнок.

– Я всего на два года младше тебя.

Я опустила руки по швам, расправив ладони. Не могла вспомнить, когда мы с Луной в последний раз ругались, но это, вероятно, из-за того, что я никогда не мешала ей жить, как ей хотелось.

– Именно! Два года – это много. Ты ещё в школе учишься.

Позади Луны над головой стоял один из её узких книжных шкафов, и я подумала, что часть тех толстых книг могли быть её университетскими учебниками. Она училась на психолога с уклоном в музыку. Потом она ушла из университета, и думает, что теперь у неё на всё есть ответы.

– Ну, да. Ты уже такая взрослая и мудрая, – я покачала головой. – И как же ты стала такой? Неужели побег из университета помог?

– Я не сбежала. И собираюсь вернуться, – её голос был не очень-то уверенным.

Сестра помотала головой и посмотрела на дверь спальни, после чего сделала глубокий вдох.

– Точно. Ты у нас в отпуске. Поэтому я должна тебя слушаться?

– Ты должна слушаться меня, потому что я более самостоятельная.

Её голос смягчился, обрёл уверенность, но теперь волна ярости накатила на меня.

– Да что ты? Это ты-то? Кому мама до сих пор телефонные счета оплачивает? Ты живёшь с парнем, Луна. Ты поёшь в группе. Как и мама когда-то. Со своим парнем. Как мама. Ты переехала в Нью-Йорк. Как мама! – я подошла к ней. – Ты назвала свою группу «the Moons»! Не знаю, почему ты никак не поймёшь очевидного? Ты стараешься делать вид, будто у тебя нет с ней ничего общего, показать, как ты ненавидишь её, но ты же проживаешь её жизнь!

Она покачала головой и отвернулась от меня.

– Ты знаешь, а ведь мама не идеальна, – Луна смотрела на железный цветок, весело блестящий в свете лампы. Вечно цветущий кусок металла.

– Я никогда в жизни не считала её идеальной, – сказала я, но она продолжала.

– Во-первых, она не такая уж и независимая, как ты думаешь.

Я закатила глаза, и она быстро выложила объяснение, словно концовку какого-то несмешного анекдота:

– Она спит с Джейком.

– Что? – у меня сразу разгорячилось лицо. – Нет!

Согласна, что Джейк много времени проводит у нас. Они уже давно дружат. Но не более того.

– Конечно же, да. Мама хочет притворяться, что ей не нужен мужчина или ещё кто-то, но

это только потому, что Джейк – её мужчина. И уже много-много лет, – Луна откинулась на спинку кресла, словно в измождении. – Но она никогда об этом не расскажет. Наверное, она хочет, чтобы её принимали за святую покровительницу мужества.

Я ничего не могла сказать на это, поэтому просто опустила взгляд и вдыхала прохладный ночной воздух из окна. И вдруг мне страшно захотелось выбраться снова на улицу, к открытому небу, где кислорода было больше, чем достаточно. Квартира казалась сейчас такой маленькой! Я посмотрела на Луну.

– У тебя всё так легко.

Я имела в виду её жизнь, её талант. Я говорила о том, что она всегда знала, что происходит и просто убедила себя в собственной правоте. Если понадобится, она перепишет историю, и потом сама в неё поверит.

Но когда я подняла глаза на неё, она выглядела поверженной, шокированной. И я не понимала, с чего вдруг.

– Нет ничего легкого, – пальцами правой руки она стала трепать нитку диванной подушки, лежавшей под ней, продолжая делать одно и то же движение, пока совсем не выдернула её. – Совсем ничего.

Луна встала, повернулась и пошла в спальню. Я ожидала, что она хлопнет за собой дверью, но она прикрыла её тихо, с тем же самым щелчком, что недавно Джеймс.

Как только она ушла, я услышала, как пошёл дождь, стуча по звонкому металлу пожарной лестницы. С каждый дуновением ветра в комнату влетал его запах: зелёный и мокрый, почти как запах водорослей. А, может, дождь шёл уже давно. Я выключила свет и представила, как Арчер подходит к остановке поезда метро рядом с квартирой родителей и потом идёт по мраморному полу фойе, оставляя после себя сырые следы. Теперь я знала, как выглядит его спальня, её стены, кровать и стул, на который он повесит свои мокрые джинсы и футболку.

Я лежала на диване до окончания звуков пластинки, до возвращения иголки на подставку, после чего ещё немного полежала, пока дождь совсем не разошёлся и звучал как помехи на радио – сплошная стена из шипения и шума. Но как только дождь перешёл в более мирную стадию, я уснула.

Глава 39

Утром Луна вела себя как обычно. Как и всегда, она встала раньше меня. Когда я открыла глаза, сестра ставила на стол коробки с мюсли. Её волосы ещё были сырыми после душа, завиваясь в крупные волны по спине и оставляя мокрые пятна на майке. Луна еле слышно что-то напевала себе под нос. А я, не отводя глаз, смотрела на неё, чего она не могла не заметить. Замерев в движении, сестра посмотрела на меня.

– Утро, – сказала она. – Доброе.

Она стояла там, держа в руках чашу под мюсли, словно позируя для картины.

– Привет.

Я села, поджав ноги, по-прежнему обтянутые простынёй.

– Мюсли, – сказала она, и указала на стол. Было такое чувство, словно между нами появился языковой барьер, как у студента по обмену с хозяином семьи. И вот хозяйка объясняет мне основные жизненные принципы.

Проводя пальцами по волосам, я сказала:

– Ага.

Она насыпала мюсли себе в чашу и аккуратно положила сверху ложку, словно украшение.

– Пойдёшь с нами на репетицию?

Наверное, это был хороший знак, раз она смогла обратиться ко мне целым предложением. К тому же, она будто не пыталась удерживать меня подальше от Арчера.

– Обязательно. Мне бы очень хотелось посмотреть на ваше место. Да и дел на сегодня не особо.

Последняя фраза была шуткой, но Луна лишь кивнула. Она собрала волосы в пучок, закрепив резинкой, отчего теперь она была похожа на балерину, ну или библиотекаршу. Очень по-деловому.

Жестом она указала в другой конец комнаты.

– Тогда тебе лучше сходить в душ.

Она села за стол, а я взяла из чемодана возле двери свою одежду: серую майку и тёмно-синюю юбку в полоску. Закрыв за собой дверь ванной, я услышала, как Луна снова запела, но через стены я не могла разобрать ни единого слова.

Группа Луны репетировала в одном месте с ещё двумя группами, в помещении старой бумажной фабрики в нескольких кварталах от реки. К дверям был прикреплен лист бумаги, на котором было написано сложное расписание для всех трёх коллективов синим, зелёным и красным чернилами. Согласно ему, им не разрешалось играть поздно, чтобы не было жалоб из домов по соседству.

Внутренняя лестница была тёмной и узкой, зато в их репетиционном помещении было огромное окно в железной раме, выходившее на дорогу. Джош с Джеймсом уже были там. Джош разминался за тарелками, а Джеймс распаковывал гитару.

– Джеймс, как такое возможно, что ты живёшь там же, где и я, а я тебя почти не вижу?

– Жаворонок я, – сказал он, улыбаясь, – а ты просто любишь поспать.

Луна раскрыла кофр и достала свою гитару, потом подсоединила её к усилителю возле окна. Усилитель тихо жужжал, будто шмель.

– А где Арчер? – спросила сестра, а значит, мне не придётся это делать.

Я пыталась понять настрой Луны, но её лицо ничего не выражало.

– Он идёт от родителей. Скоро будет, – ответил Джош.

Я села в кресло между окном и Джошем за ударной установкой, и очень аккуратно положила ноги на кофр Луны. Так аккуратно, словно он был очень хрупким, как кокон, или какое-нибудь папье-маше из газетных обрезков и высушенных спагетти.

Луна с Джеймсом начали наигрывать мелодию, склонив головы к гитарным грифам. Джош встал, чтобы посмотреть в окно, потом снова сел и принялся отбивать палочками по коленям какой-то ритм.

– Арчер сказал, что твой отец – тоже музыкант, – сказала я.

Он немного сощурился.

– Типа того. Ты бы его знала, если бы слушала джаз.

– Я знаю Чарли Паркера, Майлза Дэвиса. Но ничего из нового.

Джош кивнул.

– Думаю, отец хотел бы, чтобы я когда-нибудь влился в его группу, но это совсем не про меня.

Он вытянул руку, чтобы дотронуться до края самой высокой тарелки.

– Он иногда приходит на наши выступления. Я не прячусь от него в туалете, как Луна, – он постукивал палочками друг об друга. – Но от того, что в зале получают только двое чёрных, становится как-то неловко. И сложно объяснить, почему я здесь, а не с ним.

– Да уж, хреново, – сказала я.

– Точно, – Джош посмотрел мне за спину и улыбнулся. – И каждый раз, когда я вижу его в толпе, я сбиваюсь с ритма.

Потом открылась дверь, и вошёл Арчер.

– Привет, – сказал он всем. Опустившись на колени, он открыл свой чехол с басом, и посмотрел на меня. – Привет.

– Привет, – ответила я, не сумев удержаться от улыбки, несмотря на пристальный взгляд Луны.

– Мы снова пробуем «Дорогу как на ладони», – сказал Джеймс Арчеру.

– Новая песня, – пояснил для меня Джош.

Луна вздохнула и упала в кресло.

– Она мне даже уже не нравится, – подняв свою мятую тетрадь, она стала просматривать текст песни. – Разве нормально вообще писать песни про гастроли? В смысле, это не будет нудно?

– Это ты нудная, – ответил Джош, на что она показала ему язык. Он ответил ей тем же.

– Приятно смотреть на ваш взрослый подход к творчеству, – сказала я, радуясь такому хорошему настроению сестры.

Луна выпрямилась и запела первую строчку: «Приляг и взгляни на звёздами засыпанное небо». Её голос заполнил всё пространство комнаты. Она состроила гримасу.

– Фигня какая-то. Слишком много «з» и коряво как-то.

– На звёздами искусанное небо.

Все посмотрели на меня, а Арчер расплылся в улыбке. Даже не знаю, почему я подумала об этом, да ещё произнесла вслух, но, по-моему, я попала в точку.

– Что? – спросила Луна.

– Небо звёздами искусанное. Звёзды искусали. Странная метафора, немного обескураживающая, и её точно никто не ожидает.

Я перевела взгляд на Джеймса, потом снова на Луну.

– Когда эти слова звучат вместе, то они начинают... – я подыскивала правильный глагол, – играть!

Так бы могла сказать моя любимая учительница литературы – мисс Стэнтон. Она вела у нас уроки в прошлом году, и именно она пыталась заставить меня участвовать в литературном журнале. Хоть я и отказывалась, но всё же собиралась сделать это в этом году. Тем более, учитывая, что у меня в школе больше нет друзей и нечего делать. Грустно и смешно. Ладно, что мне нравилось в песнях, так это то, что смысл в них был не очень-то важен. Они просто должны хорошо звучать. Как любые стихи. Звёзды не могут покусать небо, но могут создать такое впечатление. Так что, почему бы нет?

Луна улыбнулась медленно и изумлённо.

– Давайте попробуем, – сказала она.

Джеймс и Арчер встали на свои места, те же, что были у них на сцене в «Тюльпанном клубе». Джош навёл на себя сосредоточенный вид, словно готовясь пробежать милю или починить машинный двигатель, и начал отбивать ритм. И вот на моих глазах начала рождаться песня.

Она была спокойной, и Луна словно выдыхала слова. Она вдохнула песню в маленькую комнатку, которая пропускала её через открытое окно на улицу. Я думала о том, что слышали в тот момент проходящие мимо люди, спеша куда-то по своим делам. Интересно, не останавливаются ли они, чтобы послушать подольше. И когда она пропела ту строчку, она звучала идеально, словно именно такими и должны были быть слова в ней.

Когда они доиграли, Луна улыбнулась.

– Так-то, – сказала она.

– Всё так? – уточнила я.

Она кивнула, всё ещё глядя на меня так, будто разглядывая что-то новое.

– Спасибо, Фи.

Я не могла скрыть улыбку.

– Рада была услужить.

Потом Луна опустила взгляд на свою гитару, что-то наигрывая на ней. Ко мне подошёл Арчер и присел рядом на корточки.

– Наконец, твои тексты легли на музыку, – он нежно дотронулся до моей голой коленки, и, возможно, те же крошечные фейерверки, что испытала я, вспыхнули в кончиках его пальцев. – Они это заслужили. Ты уезжаешь завтра, – сказал он, понизив голос.

Я кивнула.

– Какие планы на сегодня?

У меня в животе всё затрепыхалось. Я так хотела снова его поцеловать, прямо в эту же секунду, но только не в этой комнате под неусыпным надзором сестры.

– У нас куча планов на сегодня, – ответила Луна, стоявшая в десяти шагах от меня.

Я посмотрела на неё.

– Серьёзно?

– В любом случае... Арчер, ей семнадцать.

В её голосе чувствовался холод, убивающий всё живое на своём пути.

Я сделала шаг в её сторону, звучно ударив туфлём по деревянному полу.

– А тебе девятнадцать. И ты живёшь со своим парнем.

Но Луна не смотрела на меня, она развернулась к Арчеру, который тоже теперь стоял.

– Я знаю, что ей семнадцать, – он слегка покачивал головой, будто сам не мог поверить в то, что они говорят об этом. – Я о ней позабочусь.

Луна поджала губы.

– Она моя сестра, поэтому я буду заботиться о ней.

Я посмотрела на сидевшего Джеймса, который все ещё держал гитару так крепко, будто боялся, что кто-то мог её отобрать.

– Я и сама могу о себе позаботиться, – сказала я, но меня никто не слушал. Было чувство, будто я стала невидимой, а мой голос был отключен, и словно я попала через окно в другое измерение. И я не знала, как это остановить.

Арчер расправил плечи.

– А ты думала о том, чего хочет Фиби?

– О чём ты?

– Вот ты злишься на отца, а Фиби, может, хочет увидеться с ним.

– Что? – она отвернулась от него, качая головой. – Мы не нужны нашему отцу.

– Луна, что ты несёшь? Ваш отец хочет увидеться с вами.

Я пыталась перехватить взгляд Арчера, чтобы остановить это, но он не смотрел на меня.

– Ты ведёшь себя так, словно ему наплевать, но это не так. Он был бы рад встретиться с вами.

Луна продолжала мотать головой, разбрасывая волосы по плечам. Хоть она и пришла в ярость, всё же казалось, будто её уверенность немного подкосилась.

– Если бы это было так, он бы нашёл способ.

– Так он пытался! Луна, он же приходил на наш концерт.

Арчер не сказал о том, как она пряталась от отца в туалете. Он сделал вдох и выдохнул через нос.

Джош наблюдал за дискуссией как за партией в теннис, перебрасывая взгляд с Луны на Арчера. Джеймс поставил гитару на подставку и сел на складной стул рядом с окном.

Луна села на корточки возле своей сумки и начала в ней рыться, но было непонятно, что она там искала.

– Этот человек ушёл от нас, и он ничего не знает про нашу жизнь вот уже три года, – сказала она. – Теперь, когда я сама в Нью-Йорке, меня так сложно найти? А ведь ему просто надо сесть в метро!

– Понятно, – сказал Арчер. – Бесись дальше. Но мы могли бы воспользоваться его поддержкой. Он бы мог записать нас бесплатно, в чём я на сто процентов уверен.

Я непроизвольно ахнула, но Луна это даже не услышала.

– Что? Откуда такая уверенность?

Арчер посмотрел на меня. Наконец-то! Но теперь мне уже было всё равно. Я всплеснула руками.

– Да что уж молчать?! – сказала я ему.

Арчер повернулся к Луне.

– Потому что я знаю.

– Тебе придётся объясниться, – сказал Джеймс, выпрямившись на своём стуле.

– Потому что мы виделись с ним, – сказала я.

Луна резко перевела на меня взгляд.

– Кто виделся?

– Мы с Арчером. Мне хотелось к нему пойти, и я убедила его пойти со мной.

– Вот уж не поверю, – сказала Луна.

– Луна, со мной это вообще никак не связано.

Она быстро развернула голову в его сторону.

– Я сказала «нет», так ты за мою сестру взялся?

– Это я хотела пойти! Я! – воскликнула я.

Качая головой, сестра теперь ходила вдоль окна, напоминая мне дикую кошку. Было видно полоску ярко-синего, будто плитка, неба над крышей здания напротив. Небо было такое, как обычно рисуют дети. Я решила, что пора рассказать правду, или хотя бы какую-то её часть.

– Мы были на его концерте вчера вечером. Отец нас пригласил, – я хотела, чтобы она посмотрела на меня. – Он вписал нас в список гостей.

Сестра открыла, но потом закрыла рот и заморгала.

– Так, ладно, – сказал Джеймс, и его спокойный голос звучал как вода в реке: она оббегает камни, плавно обтекая их острые края. – Давайте-ка все наберём побольше воздуха в грудь.

Я так и сделала, но, по-видимому, была единственной в комнате, кто дышал.

– А Арчер прав, – сказал Джеймс. – Мы усердно трудимся, а у тебя есть такая возможность, которая могла бы всё заметно упростить. Иногда даже обидно, – он крепко сжал губы, выжидая, что Луна скажет на это.

– Так вы хотите, чтобы я позвонила отцу, который просто кинул нас, которому равным счётом плевать на нас...

– Ему не плевать, – сказала я. Ведь так оно и было? Ему не может быть всё равно на нас, не равным счётом. Он ведь был рад видеть меня. Я это точно знаю.

– Подумай об этом по-другому, – сказал Джеймс. – Мы собираемся записываться в какой-то захудалой крошечной студии, когда твой отец – сам Кирен Феррис.

– Так вот зачем я вам на самом деле нужна? – сказала Луна, но я никак не могла поверить в то, что она и правда так думала. Ведь очевидно же, что Джеймс любил бы её вне зависимости от того, кем был её отец.

– Конечно же, нет, – ответил Джеймс, – по-моему, и так предельно ясно, что я не поэтому с тобой. Я и не встречался с ним ни разу. Я хочу, чтобы ты была со мной из-за того, какая ты. Но

меня ужасно бесит то, что ты даже не рассматриваешь такую возможность.

Луна встала и повернулась к нему.

– Ну и бесись себе, сколько влезет.

Тогда Джеймс посмотрел на неё, долго, словно пытаюсь вспомнить, какая она на самом деле. Затем он тоже встал.

– Хорошо, но тебе стоит задуматься над тем, чтобы рассказать правду.

Сказав это, Джеймс повернулся и покинул комнату.

Лицо сестры оставалось каменным, но было видно, как её губы начали поджиматься. В комнате настала такая тишина, что можно было услышать, как Джеймс прошёл по коридору и спустился по лестнице. Мы слышали, как захлопнулась дверь.

Джош прокашлялся.

– В желудке совсем пусто. Ещё кто-нибудь хочет перекусить?

Он немного подождал, но, не получив ни от кого отклика, развернулся к выходу и вышел.

– Никто не требует, чтобы ты сегодня приняла решение, – сказал Арчер. И в его словах был смысл, но я не могла спокойно смотреть на то, какой поверженной и грустной стала моя сестра. И в ту же минуту я не могла вынести того факта, что какой-то парень думал, что знал, что будет правильно для меня, и для неё. Даже если он действительно был прав.

– Оставь её в покое, – сказала я Арчеру, – если ей не нужна его помощь, так тому и быть.

Арчер вложил свою гитару в чехол и защёлкнул на одну, вторую и третью застёжки.

– Как скажешь. Что я вообще знаю?

Потом он встал, оставив бас на полу, перешагнул через него и вышел через дверь в коридор, потом на улицу, и, Бог знает, куда дальше.

За всё это время он ни разу не взглянул на меня.

Глава 40

Всю дорогу домой Луна молчала. Она несла свой кофр, не раскачивая, большую часть времени просто пытаюсь удерживать его параллельно земле. Он постоянно задевал мою ногу, пока я, наконец, не сместилась к краю дороги. Я трогала попадавшие по пути фонари, на удачу или чтобы снять напряжение, даже не знаю. Стараясь не смотреть на сестру, я разглядывала ясное синее небо и золотистый свет, собиравшийся вокруг крыш высоток. Я не проверяла телефон, но было похоже на время ужина, так как метро было переполнено народом, ехавшим домой с работы в костюмах, но кроссовках или шлёпках. Когда люди проходили мимо меня, я встречалась с ними глазами, потому что знала, что сестра этого делать не будет. Я представляла, как она скользит рядом со мной, будто какой—то корабль на воздушной подушке, питаемый только ее собственным гневом.

Через дорогу от книжного магазина на углу Корт и Шермерхорн стрит, прислонившись к газетному ящику, стоял долговязый, слегка заросший бородой парень.

– Эй, девушка, – обратился он к Луне, – а ну, улыбнись!

Луна встала и обернулась к нему. Её поза была нейтральной, но она стояла напротив витрины, позволившей мне увидеть её отражение. Развернув плечи в его направлении, казалось, будто вокруг неё кружил воздух в маленьком торнадо. Я затаила дыхание в ожидании знаменитого представления под названием «Луна Феррис разбушевалась».

Но затем она отвернулась от него, раскрутив поток воздуха в штиль, и продолжила движение. Только через пару шагов я смогла догнать её.

Она посмотрела на меня краем глаза, впервые обернувшись ко мне за всё это время.

– Терпеть не могу, когда парни говорят мне, что я должна улыбнуться.

Я пропустила её вперёд, чтобы пройти мимо мусорного бака на тротуаре.

– Мне такого никогда не говорили. Получается, я всегда улыбаюсь или, может, просто никто никогда не замечал, что я грущу.

Я взглянула на сестру и могла с уверенностью сказать, что говорила я сама с собой. Отперев парадную дверь дома и занеся гитару вместе с собой в фойе, она начала взбираться вверх по лестнице. Я просто шла следом.

Добравшись наверх, она открыла дверь квартиры, поставила на пол кофр и села на диван. То, что Луна расположилась в месте, которое, по сути, являлось центром моей спальни на этой неделе, послужило для меня знаком, что она не хотела быть одной. Тогда я сняла босоножки и села в кресло напротив сестры, подтянув ноги к груди. Луна не смотрела на меня, уставившись глазами в потолок.

Я подумала о том, чтобы поставить пластинку, но не хотела сходить со своего места раньше, чем она заговорит со мной.

– Может, ты всё-таки расскажешь мне, как тебе это удаётся? – я пробежалась пальцами по подлокотнику кресла.

– Удаётся что? – её голос звучал устало и так тихо, что я даже непроизвольно развернулась к ней ухом.

– Как у тебя получается быть такой уверенной насчёт всего. Ты всегда знаешь точно, чего хочешь. Ты всегда знаешь, что тебе нужно.

Она ничего не сказала, даже не шевельнулась, поэтому я продолжила.

– Ты без проблем можешь уйти из дома. Можешь запросто сообщить маме, что бросаешь учёбу, – я перевела дух. – А если бы это тебя поцеловал Бэн, то ты бы рассказала об этом Тессе.

– Откуда я знаю, что бы я сделала? Иногда легче просто молчать в тряпочку.

Я усмехнулась.

– Что такое? – она выпрямилась и теперь смотрела на меня, свесив ноги на пол. Её глаза казались огромными. Одновременно зелёными, синими и серыми.

– Ты бы никогда не стала молчать в тряпочку.

Она поджала губы.

– Я молчу, когда это необходимо.

Я потрясла головой, чувствуя, как волосы раскачиваются по плечам.

– Не-а.

– Я молчу!

Я улыбнулась.

– Да ты прямо сейчас доказываешь обратное.

Она глубоко и шумно выдохнула.

– Ты даже дышать бесшумно не можешь.

Я хотела так её рассмешить, но это не сработало. Наоборот, она снова уставилась, в этот раз на кофейный столик, на сделанный мамой цветок. Его колючки и лепестки игриво поплёскивали от падавших на него через окно солнечных лучей.

Мне вдруг захотелось рассказать Луне правду.

– Я общалась с Арчером. Мы переписывались. С февраля.

Луна посмотрела на меня.

– Чего?

– Луна, он нравится мне. Не знаю, что между нами, но это не просто так.

Я опустила глаза на мамин браслет и покрутила его на запястье.

– Прости, что не говорила тебе.

Она покачала головой.

– Ладно, – сказала она слабым голосом.

Первое, о чём я подумала: «неужели всё так легко?». Но потом я подняла глаза и увидела, что сестра вся дрожала.

– По-моему, я всё испортила, Фи.

Луна закрыла глаза руками, и я заметила, что на её пальцах три кольца, все они были серебряными, сделанными мамины руками. А ведь до этого дня на её руках ничего не было, да и раньше я не могла вспомнить, чтобы она их носила.

– Джеймс скоро вернётся, – сказала я, склоняясь к ней. – Очевидно же, что он любит тебя.

– Дело не в Джеймсе. Я знаю, что он меня любит. Даже когда веду себя как стерва, – она посмотрела на меня. – Мне кажется, что я ... беременна.

На секунду у меня остановилось дыхание. Перед глазами пронеслись мигающие огни, и я решила, что это мои галлюцинации в виде звёзд или что мне вдруг стало дурно. Но потом до меня дошло, что это были огни мигалки от проехавшей мимо полицейской машины, отражавшиеся на стене гостиной синими и красными бликами.

– Но к-как?

– А ты как думаешь?

Луна откинулась на подлокотник дивана. Казалось, будто она совсем обессилела. Наверное, это был первый раз, когда я видела её такой.

Меня затрясло.

– Я не это имела в виду, – я говорила медленно, выговаривая каждое слово. – Но как можно было быть такой дурой?

С минуту Луна не проронила ни слова. Слышались звуки с улицы, лившиеся в открытое окно вместе с дуновениями летнего воздуха: лай собаки, кубинская музыка из какого-то радиоприёмника, кто-то выбросил бутылки в мусорный бак. У меня было чувство, будто я могла просто выйти на улицу, к этой собаке, к радио. Я могла бы уйти от Луны, тем самым просто сбросив с себя все эти проблемы.

Но я даже не дёрнулась, несмотря на ежесекундные порывы сорваться в бегство.

Луна попыталась улыбнуться, но у неё очень плохо получилось.

– Хороший вопрос.

– Ты делала тест?

Она потрясла головой.

– Я всё время порывалась купить, но никак не могла заставить себя зайти в аптеку, – она крутила одно из своих колец. – Я сдрейфила в одной аптеке, потом в другой, и даже в третьей, – сестра смотрела в сторону окна. – Не понимаю, что со мной не так.

– А Джеймс знает?

Она сделала долгий, глубокий вдох, больше похожий на вздох.

– Нет.

Я встала с кресла, ступив босыми ногами на гладкий деревянный пол. Теперь недавние переживания сестры о фигуре легко объяснялись, как тошнота и слёзы у фонтана. Вряд ли пиво могло дать такой эффект. Какой же дурой я была сама, что не смогла догадаться до этого раньше!

Я подошла к кухонному шкафчику, в котором Джеймс хранил бутылку виски – хоть я ни разу не видела, чтобы он из неё пил, – и налила около пятидесяти грамм в одну из маленьких стопочек. Даже не знаю, что я делала и что хотела этим показать, но у меня было чувство, что я делаю то, что должна. Всё происходящее казалось воспоминанием со смутными очертаниями как на полароидной фотографии, только изображение не прояснялось, а наоборот – сильнее затуманивалось. Лет двадцать назад мама тоже делала тест. Интересно, где это было?

Вкус у виски был мерзкий, как будто я пила колючий огонь, но всё же проглотила. От того,

что я поставила стопку на стол тяжелее, чем планировала, плечи Луны слегка подёрнулись. Если бы кто-то ещё был здесь, и меня спросили бы, зачем я мучаю сестру, я бы ответила, что у меня и в мыслях этого не было. Я просто не знала, что мне делать.

И в тот же момент Луна начала плакать. Я видела, как её глаза наполнялись слезами, которые потом стекали по щекам. Но я ничего не могла ей сказать, как и заставить себя подойти к ней, чтобы нежно обнять.

Поэтому я пошла к двери и всунула ноги в свои золотистые сандалии. На полу между туфлями Луны и кроссовками Джеймса валялась её сумка. Немного помедлив, я прислонила руку к косяку двери, прислушиваясь к дыханию сестры. Но я ничего не могла расслышать.

– Тогда я схожу. Но прихватчу твой кошелёк.

Я постояла ещё немного, но она ничего не ответила. Тогда я вышла в коридор, и только начала закрывать дверь, как:

– Фи! Мне нужно немного времени. Может быть ... особо не спеши?

Я вдохнула поглубже, не решаясь снова взяться за дверную ручку. Но потом, закрывая дверь, я сказала:

– Окей, – даже не зная, услышала она меня или нет.

Выйдя на улицу, я присела на ступеньки соседнего крыльца. Было шесть часов, о чём возвестил звонкий бой церковных колоколов, раздававшийся эхом по остывающим от дневной жары окрестностям. Я понятия не имела, чем ещё занять себя, помимо похода в аптеку, и на что могло бы уйти больше десяти минут.

Я вытаскала свой телефон и провела пальцем по экрану, чтобы его разбудить. Пришло сообщение от мамы, но я не стала его читать. А также мне написала Тесса:

«Уже была на карусели?»

Поначалу я стала обмозговывать её вопрос. Это же были первые слова, сказанные ею мне спустя два месяца, пока я первая не заговорила с ней.

– Карусель, – вслух произнесла я, и мне сразу вспомнилась тёмно-красная обложка «Над пропастью во ржи». Я достала из сумки книгу.

– Карусель так карусель, – снова сказала я, только в этот раз Тессе на другой конец штата, а может, самой Вселенной, которая явно куда-то направляла меня сегодня, и именно в тот момент, когда я не знала, куда идти.

Глава 41

Скорый поезд прибыл в пункт моего назначения, отчего на улицу я вышла с победным видом: Фиби Феррис – царица метро! Хотя что-то я сегодня сделала правильно. Немного постояв на Лексингтон авеню, я выяснила, где запад, и пошла по Восточной Шестидесят-Восьмой улице в сторону парка. Мне захотелось где-нибудь остановиться, чтобы скоротать время, но этот квартал был по большей части жилым: одни тощие деревца и каменные здания. Со стен доносилось жужжание кондиционеров, и, дойдя до крайних домов перед парком, я на минутку остановилась под зеленым навесом, натянутым через весь тротуар до дороги. Я посмотрела в телефон. Там всё ещё было открыто сообщение от Тессы. А ещё от мамы, которое я теперь прочитала: «Что нового за сегодня?» с улыбающейся рожицей. А что нового? Я представила, как пишу: «А, ничего особенного, только вот твоя старшая дочь подсознательно пытается стать тобой на каждом шагу, а я здесь для того, чтобы навести порядок». Убрав телефон в сумку, я продолжила путь.

На входе в парк меня обогнали три бегуна: один с коляской и два с маленькими собачками, так быстро бегущими, что их ноги казались мутным пятном. Следом за ними справа от меня

пролетел велосипедист, поблёскивая спандексом. Очутившись в самом эпицентре спортивной жизни города, я шла медленно, вбирая его в себя. Парк был таким зелёным, как в телевизоре с изменёнными настройками яркости. Слева от меня по дороге проносились жёлтые машины такси, один за другим: наверное, через парк путь был короче. Дорога ненавязчиво извивалась, ведя меня прямо к карусели.

Когда я думала о карусели, то представляла ее, словно парящей в воздухе, на всеобщем обозрении, но оказалось, что она находилась внутри какой—то многогранной ротонды из красного кирпича в светлую полосу. Я заранее проверила и точно знала, что карусель работала в тот день только до шести часов. На часах было уже шесть сорок пять, но ротонда была открыта.

На западе, под золотым свечением заходящего солнца, простирались поля для бейсбола. На самом дальнем поле шла игра, где на большом квадрате суетились мелкие фигуры людей в фиолетовых формах. Я была не против дойти до них и сесть на траву, чтобы немного понаблюдать за игрой. Было бы здорово сделать вид, что я просто слоняюсь без дела и мне некуда спешить.

Но я повернулась к карусели, подняла повыше телефон и сфотографировала её. Из-за солнца я почти ничего не видела на экране, но я поняла, что фото не получилось. Карусель на нём выглядела как кирпичное здание, внутри которого что-то темнелось. Даже было сложно заметить в нём карусель. Знаю, Тесса не так её себе представляла, и уж точно не такой её видели Холден с Фиби у Сэлинджера.

Когда мы читали книгу в школе с мисс Стэнтон, кто-то из класса так и не смог её понять. Даже Уилла. Каждый день с момента начала обсуждения книги она поднимала руку и говорила: «Как неожиданно: Холден снова чем-то недоволен». А Тесса книгу любила, поэтому половину занятий она защищала Холдена за его раздражительность. Она говорила: «У него же умер младший брат!». Всё же, в одном Уилла была права: вся книга была сплошной чередой возмущений: то все люди – лицемеры, то одноклассники не были так умны, как он бы хотел. Но он так аккуратно включал воспоминания о своём младшем брате, умершем от рака, в свои рассуждения, что, если бы вы бегло просматривали книгу, вы бы их даже не заметили. Но именно они были причиной его злости. И это то, за что мне нравится это произведение больше всего. Не за то, что погиб его брат, а за то, как мысли Холдена постоянно возвращались к нему, пока он бродил по Нью-Йорку. Сам он не придавал этому большого значения, но воспоминания о брате всё равно постоянно всплывали в его голове. И тогда вы понимаете, что именно они разбили и продолжают разбивать его сердце.

Так я и написала в своём сочинении, тогда же, когда Тесса писала своё о символизме карусели. Я считаю, что Сэлинджер использовал Холдена, чтобы показать, что у всех нас есть что-то – обычно, что-то одно – что давит на нас. Какая-то одна вещь, которая всегда будет разбивать нас на мелкие кусочки, как бы мы ни пытались склеить их каждый раз заново.

Последний раз вся наша семья собиралась вместе в одной комнате, когда Луне исполнилось пятнадцать. Был декабрь, и отец приехал в Баффало нас навестить. На три дня. Он должен был уехать рано утром в день рождения Луны, из-за какого-то концерта, но посреди ночи грянул снегопад, и все рейсы были отменены. Помню, как я проснулась и увидела, как весь мир за окном стал белого цвета, причём с неба продолжало сыпаться ещё больше снега, похожего на сахарную пудру, прибавляя по полтора сантиметра в каждые полчаса. За окном я также увидела свет, горящий в комнате над гаражом, а значит, отец ещё был там.

Пилар и Тесса зашли к нам на праздничный обед. На Тессе были древние мамины валенки, хотя в них не было большой необходимости из-за расчищенных от сугробов дорог. Но они ей очень нравились. Когда пришла Пилар, то её волосы блестели от пелены снега, а ведь она

пришла в шапке. Ей пришлось обернуть их в полотенце.

Луна стояла на кухне, развернувшись в сторону гаража.

– Что будем делать с папой? – спросила она.

Мама копалась в ящике со всяким барахлом в поисках свечей для торта, и даже не подняла головы.

– Скажем ему, чтобы зашёл к нам, – ответила она.

И он зашёл. И пообедал с нами в столовой, и спел традиционную песню со всеми нами, пока Луна сидела в свете пятнадцати свечек с неубедительной полуулыбкой, застывшей на лице. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что это был единственный раз, когда я слышала, как родители пели вместе вживую.

Родители немного поговорили, но я не могла вспомнить, о чём именно. Через час после обеда папа помогал маме разгрести снег с подъездной дорожки, в не по погоде лёгкой куртке и моей старой вязаной шапке. Несмотря на то, что для сестры специально включили фильм – «Шестнадцать свечей», хоть Луне исполнилось только пятнадцать – мы с сестрой преимущественно смотрели на наших родителей за окном. Они постоянно говорили, но я ничего не могла разобрать из сказанного. О, как я тогда, да и после этого, жалела, что не могла читать по губам! Отец много улыбался, что было для него в порядке вещей. Мама же улыбалась чуть реже. При взгляде на них можно было подумать, что они очень давно знакомы. Так и было. И, несмотря на всё, что между ними было, они вполне могли терпеть друг друга.

Но потом ему позвонили и сообщили о том, что рейс назначен на шесть вечера, и уже через час мы с Луной стояли на крыльце в сапогах, махая отъезжавшему от дома такси. Помню, как я была рада тому, как прошёл тот день. Тот дополнительный день. Мне тогда было тринадцать лет. После его отъезда Луна почти не разговаривала с нами следующие три дня. Но злость проходила сквозь неё подобно статическому электричеству. Но со временем она угасла, и всё стало идти по-прежнему. Ничего не изменилось. Он не стал звонить чаще, чем раньше. А около года спустя совсем перестал.

Я подошла к металлическому забору в одном из широких пролётов ротонды. Напротив меня была чёрная лошадка с белой гривой и хвостом, украшенная сложным нагромождением из покрывал, флагов, седла и уздечки. Её шея была идеально изогнута, а голова дугой склонялась к полу. Я снова сфотографировала, и в этот раз я увидела её на экране. Тесса бы покаталась на такой лошадке. Если бы она была здесь в часы работы карусели, то выбрала бы её. А если бы мы пришли слишком поздно, как я сегодня, то сидели бы на скамейке рядом с ней, как Холден, и, возможно, наконец, смогли бы поговорить.

Я не хотела посылать одну фотографию, но и что написать, я тоже не знала. Я хотела сказать ей, что видела отца. Хотела рассказать ей про Луну и куда мне сейчас предстоит идти. Хотела написать ей «вот бы ты была рядом со мной» или «в следующий раз приедем сюда вместе», но всё это не подходило.

Я просто сидела на скамейке, глядя на карусель и на проплывавшие над нею облака, будто куда-то спешащие. Потом я снова включила телефон и напечатала: «Всё, что было в моих силах» и целующий смайлик. Отправив сообщение, я послала его к спутникам, а потом к Тессе, где бы она сейчас ни была. Может, в своей спальне через дорогу от моего пустого дома, может, на подпорке для жимолости во время побега. А, может, она сидит на качели в нашем парке. Я представила, как она услышала сигнал о доставленном смс в кармане штанов, достала телефон и увидела то, что я послала. Я представила то, как она скучает по мне.

После парка я направилась по Пятой Авеню к Ист Сикстис, следуя на север в сторону метро. Прямо напротив входа в подземку я увидела маленький книжный магазинчик с узкой остеклённой дверью. На широкой вывеске над входом было написано: ПОДДЕРЖАННЫЕ И

РЕДКИЕ КНИГИ. Я задержалась на тротуаре, читая её, и потом зашла внутрь.

В магазине было прохладнее, но всё равно влажно, словно кондиционер работал не в полную силу. Из-за освещения лампами накаливания в помещении было темновато, и мне пришлось немного подождать, чтобы глаза к нему привыкли.

– Здравствуй, – сказал голос откуда-то из-за спины. Я повернулась и увидела на втором этаже силуэт женщины, чуть выше пола. – Ищешь что-то конкретное?

– Точно не знаю, – я дотянулась до полки и провела пальцами по словарям в кожаном переплёте. – Наверное, стихи.

– Это здесь, наверху.

Теперь я могла разглядеть её: ей было около пятидесяти, довольно симпатичная с длинными рыже—русыми волосами, затянутыми в узел. В руках у неё были книги, которые она положила на стол, пока я взбиралась по лестнице. Она указала на полку с другой стороны этажа, и сама подошла туда.

– Какой поэт интересует?

Я пробежалась глазами по полкам, но там было так много имён – Фрост, Диккинсон, Глюк, О'Хара – что я не знала, с чего начать.

– Я не так уж сильна в поэзии. Знаю только то, что проходили по литературе. Это были хорошие стихи.

Надеюсь, это прозвучало не слишком по—детски.

Она кивнула, слегка улыбнувшись.

– Тогда, наверное, тебе стоит начать... – она достала с полки книгу, – с этой?

На тёмно-синей обложке было написано серебряными буквами: «Женщины-поэты Америки». И снизу буквами поменьше: «Двадцатый век».

Мне нравилось то, как ощущалась книга в моих руках и то, что в ней было полно стихов, которые я раньше не читала. Страницы немного пожелтели, но в остальном она была идеально чистой.

– Беру, – сказала я и последовала за женщиной к кассе. Я заплатила ей двадцаткой, а она дала сдачу десяткой и мелочью.

Когда я повесила сумку на плечо, то сразу ощутила в ней вес новой книги.

После этого я поехала на метро до Вашингтон сквер. Я не знала, куда иду – повторяла путь с прошлой ночи? – но на улице, вдоль которой здания были увешаны флагами нью-йоркского университета, я увидела много девчонок. Может быть, они учатся летом или что-то ещё, раз у них были с собой рюкзаки. Не знаю, почему я вообще замечала их. Может, из-за того, как они шли, склоняясь друг к другу и смеясь, они напоминали мне моих подруг. Подруг, которых у меня больше не было. Сама не заметила, как пошла за ними, почти бесцельно и, когда через полквартила они вошли в какую-то кофейню, я тоже в неё вошла.

От кофейни в Баффало меня отделял целый штат, но звуки в этом месте нисколько от неё не отличались: брякающая посуда, гул голосов, жужжание кофе-машин, подзывание покупателей, когда заказанный кофе готов. Я не была фанаткой кофе – хоть и повидала немало таких, пока работала – но мне очень нравился его запах. Аромат этой кофейни почти тут же снял напряжение в теле. Девушки, стоявшие передо мной, сделали заказ, и тут подошла моя очередь. У блондинки-кассирши была короткая стрижка и маленький пирсинг в носу. Она улыбалась.

– Что для вас?

– Ванильный латте, пожалуйста. Среднюю.

Она кивнула и передала заказ напарнице. Я дала ей одну из двадцаток Луны, на что она сдала мне сдачу, но два доллара я оставила в качестве чаевых.

– Спасибо, – сказала она.

– Я сама работаю в кофейне. В своём городе.

За мной в очереди никого не было, поэтому я прислонилась к прилавку в ожидании кофе.

– А что за город? – спросила девушка-кассир из-за прилавка.

Открыв рот для ответа, я уже решила, что хочу быть сегодня кем-то другим.

– Это в штате Вашингтон.

– О, там ещё жарче, чем здесь, да?

Девушки, за которыми я пришла сюда, получили свой заказ в специальных стаканах «на вынос» и вышли через стеклянную дверь.

Там жила тётя Кит, так что много летних деньков я провела там, разгуливая от одного музея с кондиционером к другому.

– Да уж, там помощнее будет.

– Учишься в Нью-йоркском универе?

Я кивнула после секундной паузы.

– И я. Изучаю фотографию, – она протёрла прилавок белой тряпочкой. – А ты?

Свой главный предмет я могла назвать без раздумий. Чем дальше, тем проще.

– Литература.

– У вас уже был профессор Кирк?

Я помотала головой.

– Она суперская. Скорей бери её классы, – девушка протянула руку над прилавком. – Кстати, я Эмили.

– Фиби, – сказала я, пожав ей руку.

Не знаю, как так получилось, но выдуманная мной студентка из Вашингтона будто и не нуждалась в псевдониме.

– Ванильный латте, – позвал бармен, и я взяла из его рук фарфоровую чашку.

– Кстати, нам нужен ещё один кассир, – сказала Эмили. – Ну, если будешь искать работу.

– Спасибо. Я подумаю.

Я села за стол у окна, достала купленную книгу и открыла в середине. Сначала я прочитала стихи Риты Дав, потом Энн Секстон, потом дошла до Элизабет Бишоп. Стих назывался «Одно искусство», в котором говорилось об утрате: вещей, мест, людей. Конец стихотворения показался мне таким правильным, живым, точным, что мне захотелось зареветь, особенно в свете последних потерь и приобретений. Я прочла его шёпотом, потому что мне захотелось прочесть его вслух: «Терять привыкнуть – в нашей власти,

но может выглядеть большим (пиши!), большим несчастьем».

Всё именно так. Я хотела понять, как же мне рассказать правду так, будто это секрет? Сказать то, что я всегда знала так, будто это что—то совершенно новое.

Ехав в поезде до Бруклина, я откинулась на спинку пластикового сиденья и закрыла глаза. Арчер так ничего и не написал, и скоро мне придётся задуматься о том, что завтра мне уезжать и я его, возможно, так и не увижу. От этих мыслей я ощущала пустоту внутри, словно кто-то что-то взял у меня и забыл вернуть. Я могла бы написать ему сама, знаю, но я не знала, что написать. Да и рифма сейчас не складывалась. Лучше было бы поговорить с ним лицом к лицу.

Но даже несмотря на поганое настроение – именно такое и было – я была здесь, и мне нужно было кое-что сделать. Помочь Луне. Я увиделась с отцом. Сделала то, за чем приехала. И я не хотела улетать из Нью-Йорка с чувством сожаления.

В выпускном классе у Луны была подруга по имени Ли, которая забеременела в начале учебного года. Она была скромной, вдумчивой и очень умной, отчего сестра Розамунда казалась совершенно убитой горем, когда у Ли начал показываться животик. Какое-то время никто из нас

не был уверен, что её допустят до выпускных экзаменов, но монашки пришли на помощь, и она прошла по сцене в длинной белой мантии, как и все остальные ученицы. Её лицо светилось поверх огромного букета красных роз и её прекрасного живота. Спустя несколько недель Луна устроила для неё вечеринку в честь рождения ребёнка, и та пришла очень рано, чтобы приготовить сорок штук печений в форме плюшевого мишки.

Сидя в вагоне поезда, я думала, а какой будет беременная Луна? Станет ли она готовить крендельки в шоколадной глазури? Или вырезать фигурки из ярко-красного арбуза, запачкав его мякотью всю кухню? Понравятся ли ей платья в обтяжку, когда будет сильно выпирать живот? Будет ли ходить с руками по бокам, словно закрывая крохе уши? Переедет ли она домой? А, может, ей придётся всё это бросить? А, может, и нет. Мама же не бросила, по крайней мере, не сразу. В голове мелькнула сцена: я в туре с the Moons как тётя Кит делала с Shelter, а ребёнок Луны в звуконепроницаемых затычках для ушей спит у меня на руках. Уверена, что мама бы меня убила, зато мне было бы куда пойти, чтобы быть с Луной и Арчером и моим пока не названным племяншкой.

Конечно же, я не знала, будет ли Луна вообще рожать?

Проезжая по нижней части Манхэттена я заметила, что напротив меня сидела девушка с большим белым альбомом на коленях. Её волосы были завязаны в сотни тоненьких чёрных косичек поверх плеч. Я старалась не смотреть на неё, но вскоре почувствовала, что она смотрит на меня. Мы встретились глазами.

– Ты рисуешь меня, – сказала я утвердительно, а не вопросительно. Стена подземного тоннеля осветилась искрами от колёс.

Девушка улыбнулась и закусила губу.

– Да, – она оторвала от бумаги руку с карандашом. – Не против?

– Наверное, – сказала я, тоже улыбаясь.

В вагоне было совсем немного пассажиров, но всё равно у меня было чувство, будто она выбрала меня.

– Я учусь на художника. Иногда я езжу в поездах по несколько часов, чтобы рисовать, – она пролистала свой мольберт, показывая мне написанные портреты, с карандашными тенями и множеством быстрых неровных линий. – Обычно люди не замечают.

Поезд закрыл двери и отправился в длинный путь под рекой, шатаясь и скрипя колёсами.

– А мне, по-видимому, больше нечего делать, кроме того, чтобы все замечать, – я выглянула в окно, словно там можно было что-то увидеть, но там были только тёмные стены тоннеля. И граффити. – Наверное, тебе стоит знать, что я выхожу на станции Бороу Холл.

– Тогда я, пожалуй, буду заканчивать. Можешь посмотреть, если хочешь.

Я пожалала плечами. С одной стороны, я хотела посмотреть, но с другой – я хотела верить, что она увидела меня такой, какой никто не мог. Что она так провела карандашом, что я даже сама не могла бы до этого додуматься.

Когда поезд остановился на моей остановке, я улыбнулась той девушке, и она тоже посмотрела на меня и улыбнулась в ответ. Положив карандаш на бумагу, она начала разворачивать его в мою сторону. Но прежде, чем я успела его увидеть, я быстро встала и подошла к дверям.

– Спасибо, – сказала я, мотая головой. Я смотрела в окно, ожидая увидеть платформу. Я почти боялась смотреть... Я лучше представлю, что она нарисовала меня правильно.

– Уверена, что у тебя получился классный рисунок, – сказала я, и, когда открылись двери, я вышла, ни разу не обернувшись.

Окна гостиничного номера выходили на несколько зданий на Пятом авеню, возвышавшихся над деревьями парка, тёмными на фоне залитого солнцем неба. От такой яркости я сощурилась и развернулась к комнате. Передо мной стояла кровать, похожая на облако, только вместо водяных паров и тумана на ней лежали высококачественные простыни и шёлковое одеяло. И Кирен на левой половине кровати, смотрящий на меня.

– Мы с тобой прям как Джон и Йоко. Давай, как они, устроим постельный протест, – он протянул ко мне руки, и я поползла к нему по кровати, чтобы угнестись в его объятиях.

– Наверное, нам нужна для этого причина, – сказала я, откинувшись головой ему на грудь. – Например, мир во всём мире. В знак уважения предшественникам.

– Мир – это хорошо. Но причина в том, что мы в отеле Ритц, и нам нужно взять от этого по максимуму, – он наклонил открытую бутылку шампанского с прикроватного столика над бокалом, но та была пустой. Выпали лишь две бледно—золотистые капли. – Ммм, надо бы ещё заказать, – сказал он отчасти сам себе.

Всё было похоже на сказку, на небеса, где всё было белым, блестящим и частично размытым. Но, правда была в том, что в последнее время всё было похоже на сказку. Около недели назад к нам на концерт в Миниаполисе пришёл Пол Вестерберг. Я даже подумала, что Кирен сейчас рассыплется по полу на месте, распадётся на мельчайшие частички прямо на сцене. Но он устоял. И после выступления Пол пришёл в гримёрку и пил с нами пиво, в своих неизменных тёмных очках, и уже скоро он казался обычным парнем, а не легендарным фронтменом из группы «Replacement», которой Кирен поклонялся с двенадцати лет. Да, теперь многое изменилось. Многие трансформировались.

– Если бы ты захотела поесть, что бы ты заказала?

Я задумалась.

– Мороженое с шоколадным сиропом, самсу и... кокосовый суп из того ресторана тайской кухни, в котором мы были в декабре, на Пятьдесят Седьмой. Тут ведь недалеко?

Кирен указал рукой на телефон.

– Вперёд, детка, – и перекатился на свою сторону. – И пусть этот парень снова скажет тебе: «Моё почтение».

– Консьерж. Вот кто он.

– Неважно, – сказал Кирен, улыбаясь. – Рик сказал, что он принесёт всё, что нам захочется.

– Ясно.

Я подняла трубку, и голос уже что-то отвечал, когда я только поднесла её к уху.

– Желаете ли вы мороженое, пока мы позаботимся об остальном? – спросил он. – Оно есть здесь.

– Конечно.

Это был правильный ответ, и я действительно хотела мороженое первым. Никогда раньше я не могла получить мороженое по щелчку пальцев. Словно теперь у меня появилась волшебная сила.

– Мы сейчас его пришлём, – сказал консьерж.

Я вспомнила про свои манеры.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Положив трубку, я встала ногами на кровать, утопая в одеяле, как в облаке. Кирен смотрела

на меня, а я решила немного потанцевать чарльстон.

– Ты думала о том, что мы сможем добиться всего этого? В смысле, в самом начале.

– Не знаю.

– А мне кажется, я всегда это знал, – он смахнул волосы с глаз. – Знал с тех самых пор, как увидел тебя.

Я шагнула к нему, затем наклонилась и поцеловала в нос. После чего потянула его наверх, чтобы он тоже встал.

– Ты знал, что однажды мы будем скакать на огромной кровати в отеле «Ритц»? – и я начала прыгать, и он за мной, и теперь мы оба прыгали в одном ритме.

– Да! – прокричал Кирен, и неизвестно каким чудом, но мы услышали стук в дверь. Я спрыгнула с кровати и поскакала по полу. Кирен ещё прыгал, когда я открывала дверь.

И там, в коридоре, на серебряном подносе на тележке с белой скатертью стояло самое прекрасное на свете мороженое с шоколадным сиропом. И двумя ложками.

Глава 43

Уже было восемь вечера, когда я шла по Корт стрит. Темневшее небо было испещрено розовыми и серыми перистыми облаками. Я встала, оказавшись на запятнанной жвачкой части тротуара, похожей на работы Джексона Поллока. Над головой светилась малиновым неоновым вывеска аптеки, и, как ни странно, но я почувствовала облегчение. Хоть я и не хотела в неё заходить.

Потому что, войди я туда, истории придёт конец. Луна может оказаться беременной, а может, и нет, но в обоих вариантах нам придётся искать решение. Сейчас всё было не так однозначно. Я оставила её в совершенно подавленном состоянии. Боюсь, что, как бы всё ни разрешилось, наша жизнь уже не будет прежней.

В сумке зазвонил телефон, и я подошла ближе к зданию. Достав мобильник, я увидела на экране имя тёти Кит, поэтому я ответила.

– Дорогая моя племянка, – сказала она вместо «привет».

– Дорогая моя тётушка, – отозвалась я.

– Я в курсе, что ты наведалась в наши пенаты. Где ты сейчас?

Я подняла глаза к вывеске.

– Эм, у дома Луны. Забежала в магазин.

– Слушай-ка, прелестный цветок, я ведь не просто так. Будь любезна, позвони маме, – она сделала секундную паузу. – Знаю, какая она бывает заноза, но она любит тебя.

– Да знаю я. Мне просто надо немного свободы.

– Прекрасно понимаю тебя, – сказала Кит, растягивая слова. – Но пока ты там наслаждаешься своей свободой, я теряю свою. Она беспрестанно трезвонит мне... и трезвонит, – снова пауза. – Слушай, я знаю, что она хочет, чтобы ты поговорила с Луной. Ты уже говорила?

Я вздохнула. Дверь аптеки открылась, и до меня донеслась песня, игравшая внутри: это была песня Мадонны «Как молитва». Вот уж в тему.

– Конечно, я говорила с ней. То есть, я говорила, а она слушала, – Кит усмехнулась, и я тоже улыбнулась. – Но я не говорила ей, что ей стоит вернуться в университет.

– А почему? – спросила Кит, но без укоризны, а скорей от любопытства.

– Потому что не уверена, что ей это нужно, – впервые сказав это вслух, я вдруг поняла, что так и было.

– В этом нет ничего плохого, – рядом со мной начала гудеть машина, и мне было плохо слышно её. – И я могу понять, что ты хочешь позволить ей самой принять решение. Но я также

понимаю беспокойство вашей мамы.

И я, наверное, это понимала бы, если бы знала корни этого беспокойства.

– Тётя Кит?

– Что, ландыш?

Она всегда называла нас с Луной какими-нибудь цветами, сколько я её помнила. В этот момент я захотела вытянуть её из телефона, чтобы она смогла помочь мне во всём этом деле. Чтобы она сказала мне, что делать. Но я просто спросила её.

– Каково это было? До распада «Shelter»? – я перевела дыхание. – Я знаю, что ты всегда была с ними.

Сначала Кит молчала.

– Иногда было невероятно. А иногда твоей маме было очень тяжело, – секундная пауза. – Однажды я тебе расскажу. Но для начала тебе стоит спросить свою маму.

– Она не расскажет. Она никогда и ни о чём не рассказывала нам.

– Спроси её ещё раз, – нежно сказала Кит. – И, между прочим, позвони ей, хорошо?

– Хорошо.

– И будь осторожна в большом городе. Пока-пока, ромашка.

– Пока.

Закончив разговор, я почувствовала, как грусть заливала меня всю как внезапно разразившийся ливень.

Пожилая женщина в фиолетовой шали вышла из аптеки, и за ней закрылись двери. Но прохлада кондиционера успела окутать меня как облако. В общем, я пошла к входу и, когда я вступила внутрь, то почти могла видеть холод воздуха, переливавшегося голубизной и неоном. Лампочки потрескивали над головой.

Мне никогда не приходилось покупать тесты на беременность. Никогда не было для этого причин. И я не знала, на какой полке его искать и как выбрать, но я точно не хотела, чтобы он был единственным в корзине.

Я блуждала вдоль стеллажей как по лабиринту, решив, что дорога меня всё равно однажды выведет прямо к тестам. По пути я взяла такой же клубничный блеск для губ, который Луна очень любила в детстве – с блестящей ярко красной этикеткой и нарисованными клубничками на колпачке. Себе я выбрала тот, что нравился мне больше всего – апельсиновый. Каждое Рождество мы с сестрой находили их среди подарков, когда были детьми, и сейчас я пыталась вспомнить, когда это закончилось. Даже не открывая крышку, я хорошо помнила её сладкий вкус на губах, всегда немного подтаявшую от постоянного ношения в кармане.

В секции для сладкоежек я прихватила упаковку «M&M's» для Луны и батончик «Milky Way» для себя. Выбрала себе шесть разных видов жвачки, предварительно почитав состав, как будто знала, что значили все эти названия. Наверное, мне просто надо пойти и найти тест. Может, они в том же стеллаже, где и презервативы? Сначала покупаешь их, а потом уже тест. Наверное, я уже начала походить на подозрительную личность, и охранник скоро начнёт следовать за каждым моим шагом.

Наконец, я нашла тесты. Они различались по цене: от семи долларов до двадцати восьми. Поэтому я никак не могла определиться, не зная, стоит ли платить за него почти тридцатку. Он что, скажет, мальчик у тебя или девочка? Поступит ли она в Гарвард? Он покажет отрицательный результат, если ты так захочешь, лишь вернув тебя назад во времени, чтобы ты смогла избежать беременности? Короче, вряд ли тест стоит таких денег.

Я взяла три теста, один из самых дешёвых, решив дилемму пусть не качеством, но количеством.

Думаю, мама тоже делала это. Лет этак двадцать назад. Вероятно, она стояла в аптеке с

корзинкой. А может и без корзинки, если осмелилась купить тест в одиночку. У неё, конечно, была сестра, но мама тогда была в туре, и я не думаю, что тётя Кит много выходила с ними, пока Луна не родилась. И вот сейчас я бы отдала многое за то, чтобы узнать, чем это было для мамы. Но всё же не настолько много, чтобы набрать её номер и спросить. Потому что она узнает, зачем это мне, и потому что мне пришлось бы ей сказать. И потому что она и сама поймёт по моему голосу.

Последний раз мы все вместе – мама, Луна и я – были в Нью-Йорке летом перед выпускным классом сестры, чтобы посмотреть на университеты. Мы остановились там же, где обычно: в доме маминой подруги Айрис из её художественного класса. Айрис была фантастически сумасшедшая художница с питбулем по имени Джек и высветленными до почти белого цвета волосами. Свою такую же сумасшедшую квартиру на Принс авеню она купила миллион лет назад, когда художники ещё могли позволить себе жить в таком месте, и хотя я знала, что мама ни за что не променяла бы свой дом в Ашлэнде, квартиру Айрис она просто обожала. Самым любимым её местом была терраса из гостиной. Я бы ни в жизнь на неё не вышла из—за того, какой шаткой она казалась, и я могла представить себе, как лечу с шестого этажа после того, как железная решётка, наконец, отваливается, провисев там около века. Но каждый раз, просыпаясь по утрам, я задумывалась, слушает ли мама шум от машин с улицы и представляет какую-то другую историю своей жизни, той, где не случилось мы с Луной, в которой она могла бы остаться в Нью-Йорке, в «Shelter». Интересно, скучает ли она по всему этому.

Кассиром оказалась девушка, слава богу, примерно возраста Луны, а, может, немного старше, с фиолетовой прядью по центру белокурых волос. Она ничего не сказала, пока пробивала тесты на беременность, но улыбнулась мне.

– Мне тоже очень нравился этот блеск, – сказала она, подняв перед собой весь пакет с покупками.

– А я до сих пор люблю. Во всяком случае, мне так кажется.

Мой голос прозвучал довольно неуверенно и странно, и я подумала, могла ли она почуять от меня запах виски, выпитого двумя часами раньше на кухне Луны и Джеймса. Я хотела сказать ей, что совсем не пьяна, хоть всё вокруг и казалось как в тумане. Но проблема была в мире, а не во мне. Я хотела сказать ей, что это моя сестра возможно беременна, и что истории, бывают, повторяются, но при пересказе всё обычно спутывается. Я хотела рассказать ей, что это совсем убьёт мою маму.

Но я ничего не стала ей говорить. Мы просто поулыбались, не глядя друг на друга, и я заплатила двумя двадцатками из кошелька сестры. После чего я взяла сдачу, пакет и сразу вышла на улицу, к Луне.

Глава 44

Выйдя тогда от Луны, я оставила дверь незапертой, и сейчас она всё ещё оставалась открытой. Да и сама сестра, по правде говоря, оставалась на том же месте. Она не спала, а просто лежала головой на подлокотнике дивана, таращась в потолок.

Я закрыла дверь бедром и прошла к дивану, затем скинула пакет на стол. Луна проигнорировала тесты и первым делом вынула клубничный блеск. Своим ногтем с серебряным лаком она содрала пластиковую часть от картонки, после чего сорвала наклейку с крышки.

Я рухнула на диван.

– Его можешь забрать, но шоколад – мой, за исключением «M&M's». Они твои. И напомню тебе, что блеск тут – не самая главная покупка.

Но она всё равно села и, открыв колпачок блеска, провела помадой по губам. Затем она

развернулась и снова легла пластом на диван. Я осмотрелась, но ничто вокруг не выдавало присутствия Джеймса.

– Я сделаю их через минутку.

– Думаю, тебе надо сделать их сейчас же.

Она закрыла глаза.

– Можно я ещё секунду полежу?

– Ты здесь уже несколько часов лежишь, – я вздохнула. – Я взяла три штуки.

Я подалась вперед, чтобы разложить их на столе. Мамин железный цветок смотрел на них свысока.

– Все разных марок. Я подумала, что так получится точнее, – раз уж мы тут, по всей видимости, собираемся проводить научный эксперимент.

Луна криво улыбнулась, но встала. Она взяла все три коробки, сложив друг над другом, и пошла в ванную. Когда она закрыла дверь, я смогла услышать звуки шуршания целлофана и открывания картона. Я так сильно прислушивалась, что, клянусь, я слышала, как она раскрыла инструкцию и положила её на раковину. Затем я услышала её голос, раздававшийся эхом от керамической плитки.

– О, верните мне дом, – запела она, – где бродит бизон, где играют олень с антилопой.

Сначала меня это позабавило, напомнив мне те старые деньки, когда сестра ещё была прикольной, какую я любила больше всего. Но потом во мне резко вскипела злость, как гашеная сода, и лёгкие сжались так сильно, что у меня спёрло дыхание.

– Довольно песен!

– Не хочу, чтобы ты слышала, как я писаю, – и её голос прозвучал жёвано из-за двери.

– Тогда ладно, потому что я тоже не хочу слышать, как ты писаешь.

Я достала свой собственный блеск из упаковки и нанесла на губы. У него был всё тот же вкус, как десять лет назад, и на долю секунды мне даже захотелось зареветь.

Луна открыла дверь, и я попыталась понять что-то по её лицу прежде, чем она заговорит. Она выглядела взволнованной, но не бледной. Глаза стали ещё больше.

– Первый – отрицательный. Остальные нужно делать?

Я бы точно раздумывать не стала. Это же я купила сразу три?

– Да.

Спустя ещё несколько минут она вышла со всеми тремя палочками. Она потрясла ими, сжав между пальцев, держа вверх, и я увидела, что все они показывали всего одну розовую полоску.

– Все отрицательные, – сказала она, и от облегчения с сердца, наконец, спал тот зажим, как от обвивающей меня анаконды. На меня тут же навалилась усталость, и я легла на диван.

– Можешь мне их не показывать. Оставь палочки в ванной, пожалуйста.

– А давай вставим их в рамку, – сказала она.

Несмотря на её порозовевшие щёки и улыбку, глаза у неё были грустными, блестящими, как у мамы, когда она знала, что всё летит ко всем чертям, но не хотела этого признавать. Она взяла палочки и коробки и положила их обратно в пакет. Затем она пошла на кухню и выбросила в мусорку под раковиной, умяв их поглубже в ведро. Вымыв руки, она вернулась в комнату.

– Хочешь, я могу сходить за едой? – спросила я. – Я могла бы снова сходить в то тайское место, взять роллов, красное карри и что ещё, кокосовый суп? – я вернулась полчаса назад, но уже начала чувствовать давление стен. Можно было списать на разницу габаритов квартиры и Нью-Йорка. – Или индийскую кухню? Чесночный наан и малай-кофта?

– Я не хочу есть, – сказала Луна.

Она снова легла на диван и задрала босые ноги на спинку, держа упаковку M&M's за край, смяв упаковку.

– Был один случай, в июне, где-то в Висконсине. Было поздно, и мы не могли найти гостиницу, поэтому решили переночевать в машине. Но я не могла уснуть, – сестра покачала головой. – Было ужасно душно. Казалось, я и дышать не могла. Тогда я вышла из машины. Выбралась через окно, не открывая дверь, чтобы никого не разбудить, и легла прямо на траву с краю парковки, – она остановилась, восстанавливая события в памяти. – Но я и там не могла уснуть, зато могла дышать. Я считала звёзды около двух часов. Джеймс совсем обезумел, когда проснулся и не увидел меня на пассажирском сиденье, – она улыбалась.

– Вот каково было раньше, – добавила она. – А теперь я чувствую себя так, словно могу видеть звёзды.

С улицы послышались три громких и резких машинных гудка. Потом хлопнули дверью, и машина унеслась туда, куда её повез человек за рулём.

– Как давно ты знаешь? Я имею ввиду, как давно начала подозревать?

– Две недели, – сестра убрала с лица пряди. – Около того. У меня никогда не было регулярных месячных, но я пару раз забывала принять противозачаточные, – она посмотрела на меня. – Знаю, это так глупо. Пожалуйста, никогда так не тупи.

Я подумала о моих непонятных недоотношениях с Бэном или о том, как Арчер вышел из репетиционной базы много часов назад и до сих пор не позвонил.

– Ну, до этого я ещё не добралась.

– Это хорошо. Очень хорошо, – она вскрыла упаковку и высыпала несколько конфеток «M&M's» в ладошку. – Я бы и не стала добираться, – сказала она, не глядя на меня. Она явно имела в виду ребёнка.

– Ну, да.

– Я не мама, – сказала она, уже второй раз за эту неделю. На этот раз в её голосе было меньше уверенности. Слова прозвучали нерешительно и тихо.

Я кивнула, но она всё равно так и не смотрела на меня.

– Интересно, а как это было у неё, – сказала я.

– Ты о чём?

– Когда мама узнала, что беременна тобой. В смысле, наверное, после того, как они снялись для обложки «SPIN», после того, как их альбом так раскупался, а потом ... – я не знала, как закончить фразу.

Луна села.

– А потом она сделала тест на беременность в номере отеля в Сиэттле, и тут она узнала обо мне, – она стала порхать пальцами в воздухе.

– Видимо. Потом ты родилась. Но как ты можешь знать, где она была, когда узнала о тебе?

Луна подтянула под себя ноги.

– Она однажды рассказала мне. У них всё равно тем вечером был концерт, несмотря на то, что её вырвало за сценой за десять минут до выхода, – она сгримасничала. – Она сказала, что была очень рада этому. Но я не знаю, верить ей или нет. Как она могла быть рада?

– Не знаю. Она так легко от всего отказалась. Не думаю, что маму вообще когда-либо заботило, звезда она или нет. Может, она была к этому готова.

Луна застыла в одном положении, размышляя над этим.

– Может.

– В любом случае, это же я стала самой большой ошибкой?

– Что? – Луна повернулась ко мне лицом и впервые за это время посмотрела прямо мне в глаза.

– Именно это ты сказала мне, в детстве. Ты сказала, что ты была случайностью, а я – ошибкой.

У Луны округлились глаза.

– Чего? Чёрт, Фи! Прости меня за это, – она вздохнула. – Я не это имела в виду. Я даже не помню, что говорила это.

– Всё нормально, – сказала я, хоть это и было не совсем так.

– А знаешь, Фиби, я подумала, что если кто и может понять отца, то это ты, – она посмотрела на меня, сузив глаза, – ты знаешь, каково это.

– И я понимаю. Но это не значит, что мне не интересна его жизнь, – я нагнулась, чтобы открыть сумку. Журнал по-прежнему лежал во внутреннем кармане. Ждал. Думаю, пришёл, наконец, час, чтобы достать его. Я протянула его ей.

– Вот, взгляни.

И она посмотрела. Луна держала журнал обеими руками и изучала его так, словно заголовки были написаны на другом языке, который она знала когда-то, но со временем забыла.

– Я никогда этого не видела. В смысле, вот так, вживую. Откуда он у тебя?

– С «eBay». Знаю, это глупо, но я просто подумала, что если возьму его в руки, то смогу лучше всё понять. Но это не особо помогло, – я положила ладони на щёки. Они были горячими.

Луна дотронулась указательным пальцем до заголовка «Первая девушка на Луне».

– Зато помогает мне, – сказала она.

– И как?

– Не знаю. Мне просто хорошо, – сестра начала приглаживать левой рукой складки обложки. Так же, как я. – Приятно видеть их такими. Смотрю на них и понимаю, что всё будет хорошо.

– Но как же это, ведь для них это ничем хорошим не кончилось.

Она подняла журнал выше и сощурилась на фото родителей.

– Ну, хоть они и расстались, мы здесь, и у нас всё хорошо. Я права?

– Конечно, – ответила я почти искренне.

Она посмотрела на меня, наморщив брови.

– Не могла просто сказать мне, что ходила к нему? – в её вопросе не слышался упрёк, скорее любопытство, и у меня не возникло желания оправдываться. Я просто попробовала объяснить.

– Я думала тебе сказать, но решила, что тебе не захочется об этом слышать. К тому же, это всё равно не было чем-то особенным. Мне просто было любопытно.

– Ты говорила с ним?

– Совсем чуть-чуть. Он в основном показывал Арчеру студию. Отец тогда записывал девушку с розовыми прядями в волосах. Хотя она была ничего.

– А сколько ей лет?

– Постарше тебя. Может, двадцать восемь. Её, вроде, зовут Прю.

Я на мгновение закрыла глаза, чтобы вызвать в памяти запах папиной студии, аппаратуру, усилители, запах жжёных кабелей и проводов.

– Да ты сама ни разу не обмолвилась о том, что он приходил к тебе на концерт.

– Да, так получилось. Прости меня.

– Ты говорила, что не видела его, пока жила в Нью-Йорке.

Луна помотала головой.

– Я сказала, что не разговаривала с ним. Да и не видела. После выступления я сидела в уборной, пока он не ушёл, – она открыла журнал и начала листать. – Прю тогда выступала с нами.

– Страница семьдесят семь, – сказала я, и это напомнило мне о Джессике из самолёта и о том, как я притворялась кем-то, кем я не была. Но это была настоящая я: дочь двух людей, которые смогли какое-то время удерживать на плаву группу, но не смогли сохранить семью и на

несколько лет. Я была скрытной, но преданной. Собранной, но запутавшейся. Потерянной, но найденной, и слегка озлобленной. И я была очень... очень терпеливой. Да, вот какой я была. И на сегодня этого было достаточно.

– Может, Прю и ничего, но она подошла ко мне, после того, как он ушёл, и сказала: «Как должно быть здорово, иметь такого отца!» – Луна скорчила презрительную гримасу. – Это после пятнадцати-то минут общения с ним? Видимо, он сказал ей, что ему понравилось, как она поёт. Я тогда решила, что он просто заигрывал с ней, но он, оказывается, был серьёзен. Раз они работают вместе.

И она замолкла. Может, она задумалась над тем, каково это было бы – работать с отцом над записью их нового альбома? Она вообще когда-нибудь задумывалась над этим?

Луна скользнула по спинке дивана, чтобы снова лечь.

– Как прошёл его концерт?

– Хорошо. Зал был забит. Было странно видеть, как он играет для всех тех людей, которые явно просто обожали его, – я почувствовала, как мои губы начали дрожать, и стиснула их крепче. – Он мой отец, а я его даже не знаю.

– Но он хочет узнать тебя.

– Думаю, да, – я пожалала плечами. – И тебя.

– А я не хочу, – сказала она, на что я никак не среагировала.

Мы просто сидели, молча, пока спустя несколько минут мимо нас с рёвом не пронёсся мотоцикл так быстро, что окна задрожали. Когда все звуки смолкли, и наступила тишина, я шумно вдохнула. И только в ту секунду я вспомнила слова Джеймса, на репетиции. Словно мыльный пузырь они всплыли в моё сознание.

– Луна, а что имел в виду Джеймс? Когда он сказал тебе, чтобы ты сказала правду?

– Без понятия, – она подняла руку, чтобы закрыть глаза и потереть пальцами виски. – Ни малейшего понятия.

Сидя и рассматривая лежащую на проигрывателе пластинку, я думала о том, что на это ответить. Но тут дыхание Луны стало более шумным и размеренным, словно волны океана, которые любила слушать мама, и я поняла, что сестра уснула. А раз она спала там, где должна была спать я, да и я устала, но была слишком возбуждённой, то решила уйти.

Глава 45

Один раз отец пришёл со мной в школу. Дело было в третьем классе. На занятие, на которое все должны что-то принести и об этом рассказать. Иногда кто-то приводил людей, а не просто ракушку с пляжа или любимого плюшевого зайца. Один мой одноклассник привёл своего дядю, который работал полицейским, так он пустил по классу свой значок, чтобы все смогли подержать в руках тяжёлый кусочек металла. В тот самый момент я поняла, что хочу привести своего отца, не зная точно, почему. Может, из-за того, что он так редко бывал рядом, мне казалось, что это что-то особенное, что стоит показать другим ребятам и учителю. Я не понимала, что для большинства детей иметь отца не было таким уж событием.

Отец вошёл за мной в класс и сел в кресло учителя. Он тогда сыграл песню на гитаре, по моему, это был главный хит с их альбома. Посреди школьных парт, рюкзаков и ящиков с карандашами те аккорды звучали и знакомо, и странно. Я до сих пор отчётливо помнила всё: буквы алфавита по порядку над его головой, зелёную доску в мелу за ним. Незнакомые мне учителя сгрудились в дверном проходе, чтобы смотреть на то, как он играет, кивая в такт. А Эбби, которую я терпеть не могла, беззвучно подпевала ему. Позднее Эбби сказала мне, что её

мама была большой его поклонницей, словно это делало Эбби особенной, а не меня.

К тому времени, как он закончил петь свою третью, и последнюю, песню, я поняла, что зря привела его, потому что теперь мне пришлось делить отца, которого я и так редко видела. Здесь, в классе, он принадлежал не мне одной.

По правде говоря, так было везде и всегда.

Когда я вышла из дома Луны, на улице было тихо. С неба сбежал последний лучик серебристого света. Я направилась в сторону Корт Стрит, мимо всё ещё открытого книжного магазина. Перейдя дорогу, я приближалась к тому индийскому ресторанчику, где мы с Луной кушали в первый день. Его окна были завешаны золотистыми шафраново-жёлтыми занавесками, как языками пламени при включённом свете. Я подумала, что может, стоит зайти туда ради лепёшек наан и огуречной раиты, или травяного чая в их маленьких кремовых чашечках. В последний раз я ела в обед, если не считать батончик «Milky Way». Но я пошла дальше.

Я до сих пор не привыкла к станции «Хойт–Шермерхорн», но благодаря карте на телефоне – и тому факту, что по сути это на той же улице, что и дом Луны, хоть и намного дальше – я нисколько не сомневалась, что она подойдёт. Я знала, куда иду, и мне нравилось, что я начала хозяйничать в этом городе, ну или, как минимум, в некоторой его части. Половина моей семьи живёт здесь, и я здесь родилась, так что, полагаю, он уже принадлежит мне. Или, может, я принадлежу ему. Не прилагая каких-либо усилий я гуляла по Нью-Йорку так, будто знала, куда иду, и я знала наверняка, что мои ноги и тротуары – ну, и метро, наверное – сами приведут меня туда, куда мне надо.

Идя в переходах метро, мои шаги раздавались эхом от стальных плит. Под землёй было так ярко, что казалось, ещё был день. На рельсы капала с потолка вода, собираясь в лужицы с грязью и мусором. Выглядело мерзко, поэтому я обрадовалась, увидев яркие огни поезда, когда он тормозил для остановки. Сбоку я прочитала написанное десятилетия назад: «Хойт–Шермерхорн».

Чтобы добраться до дома отца, мне пришлось сесть на поезд G, и, приехав на станцию «Бродвей», я вышла. Наверху мне открылся другой Бруклин: более разухабистый и менее красивый. Очень мало деревьев и совсем не было песчаных домов. На зданиях красовались красочные граффити, и я заметила несколько смахивавших на хипстеров ребят лет на пять старше меня, выходявших их магазина на углу. Казалось, будто их сюда кто-то заслал свьше, или Луна, в подтверждение своего тезиса о Уильямсбурге и отце.

Я запомнила номер поезда, но всё равно достала из кармана папину записку. Его почерк скашивался к правому краю так, словно он писал второпях, половина букв пыталась добежать раньше другой половины.

Когда я нашла дом, в трёх кварталах от метро, это оказалось двухэтажное здание с чёрными дверями, сразу двумя, и большими окнами, выходящими на дорогу. Входная дверь в его квартиру шла с дороги, раз там был только один звонок и лишь одно имя. «К. Феррис» – гласила подпись на той же зелёной ленте от машинки для этикеток, как на двери в его студию.

Сначала я постояла немного, как в прошлом году с Луной возле отцовской студии, а потом с Арчером всего пару дней назад. Но в этот раз меня даже не удивило то, как быстро я собралась с духом, чтобы нажать на звонок.

Глава 46

Мэг

Апрель 1993 года

«Это ж самый огромный стол, что я видела в жизни» – было моей первой мыслью. «Вот бы на нём чечётку забаббахать» – было второй. Мы с Кит занимались чечёткой, когда были детьми, но, несмотря на то, что уже много лет я не вспоминала о ней, что-то в этой протяжённой и гладкой деревянной поверхности родило во мне такое желание.

Мы пришли в офис Кэпитол Рекордз, чтобы подписать контракт. Парни одели костюмы, а я была в сногшибательной паре жакет-юбка от «Шанель». Кит нашла их для меня в одном винтажном магазине в Вест Виллидже, и настояла на том, чтобы я одела их сегодня. В подмышке жакета немного разошёлся шов, но, если мне не придётся его снимать, то и проблем никаких. Но я и вообразить себе не могла, зачем я бы стала его снимать. Только если я не стану на радостях отбивать чечётку или если кондиционер накроется. Там ведь все окна были закрыты наглухо.

С нами был наш менеджер – Лейф. Его волосы были более тщательно растрепаны, чем обычно. Все мы сидели молча, просто глядя друг на друга. Часов нигде не было. В этом мирке о времени не знали.

Но вот открылась дверь, и появился Рик – главный здесь, с которым мы работаем после того, как нас ему передал парень из «A&R». Сегодня у него была улыбка чеширского кота. Парни встали, и я сделала то же, что казалось несколько странным.

– Ну, что, готовы примкнуть к семье компании «Кэпитол»? – спросил она. За ним в офис вошла его секретарша с кипой бумаг в руках.

– Так точно, – сказал Кирен.

– Конечно, – сказала я.

– Вот наша звезда, – сказал Лейф. Он уже хотел положить руку мне на плечо, но я успела увернуться. – У неё есть и голос, и мозги, и лицо что надо.

Дэн запел песню Роксетт «Она, что надо», правда, не очень громко, поэтому Рик, казалось, даже не заметил. Лейф не стал затыкать его, но, судя по его виду, именно об этом он и думал.

Неделю назад мы всей группой поехали в Ветлэндс на концерт «Bikini Kill», и Лейф увязался с нами, несмотря на то, что группа определённо была не в его вкусе.

Во время одной из песен он положил руку мне на поясицу, чтобы вскоре спустить её ещё ниже.

– Ты особенная, – сказал он мне на ухо. Его голос заглушала музыка, а я делала вид, что не понимаю, о чём он вообще. Я смотрела на Кэтлин Ханну – солистку группы – и думала, что уж она бы наверняка пнула Лейфа по яйцам и вмиг покончила бы с этим. Меня же что-то останавливало, хотя Кэтлин, сама того не зная, спасла меня тогда.

– Девоньки – вперёд! – крикнула она со сцены. Я посмотрела на Лейфа и пожала плечами, затем оставила всю четвёрку парней позади, продвигаясь через толпу поближе к ней.

Я не рассказала об этом Кирену. По правде говоря, Кит не влюбилась Лейфа с самого начала. Она называла его то «банным листом», то «крапивой», а иногда просто «шилом». Она считала его придурком, и, очевидно, была права. При этом он был из той же серии противных мужиков, с которыми мне часто приходилось иметь дело: вышибал, барменов, звуачей, музыкантов всех мастей. Но этот противный парень, хотя бы помогал нам заработать денег.

Рик обратился к Картеру.

– Тебе бы сменить костюм, – сказал он, и Картер опустил голову, глядя на свой пиджак. Тогда Рик расхохотался от души, похлопывая того по плечу.

– Я просто прикалываюсь. Но если серьёзно, могу дать контакты моего портного. Отличного, кстати, мастера, – и его лицо стало серьёзным. – Я скажу секретарю, чтобы она дала тебе его визитку.

Странно, что он сказал это, учитывая, что он пришёл с секретарем в кабинет, и мог бы без

труда решить вопрос в ту же секунду. Хотя, может, он говорил про какого—то другого секретаря. Может, их у него два.

Интересно, а у меня будет секретарь?

– Хорошо. Приступим к делу.

Жестом он велел всем сесть, и все сели.

Лейф положил передо мной контракт.

– Пусть Мэг подпишет первая, – сказал он, словно вручая мне подарок. Он положил рядом с контрактом ручку, которая, несмотря на мои ожидания, оказалась совершенно обычной, из пластика.

Кирен, сидевший напротив, улыбался мне, показывая свою ямочку. Я улыбалась ему в ответ. Улыбалась тому, кто положил всему этому начало, найдя меня и собрав нашу группу.

Я взяла ручку.

Глава 47

Отец улыбнулся при виде меня. Точнее, когда широко распахнул для меня дверь.

– Мы снова встретились, – сказал он.

Он стоял в маленькой прихожей, а я – всё ещё за порогом. Одной рукой я ещё держалась за черные железные перила. В голове пронеслась мысль аккуратненько развернуться и резко метнуться в темноту. Но вместо этого я натянула улыбку.

– Прости. Знаю, что должна была сначала позвонить.

– Всё хорошо, – он сделал шаг назад, пропуская меня внутрь. – Поэтому я и дал тебе свой адрес. В надежде, что ты зайдёшь.

Я бросила взгляд за его плечо, высматривая... не знаю, что. Может, Прю. Ту симпатичную певичку с розовыми прядями в волосах. Или кота, свернувшегося клубком на краю дивана. Но квартира казалась пустой. Здесь было очень тихо. Даже музыка не играла.

Никто из нас не знал, что делать, поэтому мы просто немного постояли в прихожей под лампой с абажуром из янтарного стекла. Я даже пожалела, что пришла не в куртке и без шарфа, так я могла бы занять его развешиванием моих вещей в шкафу. Думаю, сумка для этой цели не сгодится.

– Проходи, – наконец, сказал он, указывая в сторону гостиной.

Я пошла за ним, стараясь подмечать всё на пути. Его квартира выглядела иначе, чем студия: без стендов с гитарами, без аппаратной. На нём самом не было наушников. Да и в целом вещей было маловато. На стенах в гостиной висело несколько абстрактных картин, с разводами, как от дождя, в холодных оттенках синего цвета. В комнате была всего одна гитара – акустическая, с бежевым корпусом. Она лежала на кофейном столике так, словно он только что играл на ней для своей пустой квартиры. С улицы я ничего не слышала.

– Так вот она какая – твоя естественная среда обитания.

Похоже, я утратила способность поддерживать разговор в свойственной нормальным людям манере. Но я не могла делать вид, что просто наблюдаю за тем, как он работает, как это было в его студии.

– Студия всё же подходит мне больше. Мне до сих пор не очень-то комфортно здесь.

– А мне нравится, – сказала я, и это была правда. Окна были огромными и с небольшими разводами из-за старого стекла. Оно красиво искажало свет уличных фонарей. А мозаичные кусочки окна расщепляли свет на геометрические фигуры, оставлявшие зубчатый рисунок на потолке. Стены были идеального оттенка бледного серого цвета.

– Я рад.

Мы постояли там немного, и я даже почти обрадовалась тому, что отец чувствовал ту же неловкость, что и я. Казалось, будто он забыл, что обычно гостям предлагают присесть. Тогда я подошла к дальней стене, где он повесил неизвестный мне постер «Shelter» в толстой чёрной раме. Буквы были тёмно-синего цвета, напечатаны на жемчужно-сером фоне, и хоть дата концерта стояла двадцать девятое мая, город Остин, года на нём не было. И я никак не могла понять, в какой период он был отпечатан. Может, в начале, когда они ещё думали, что всё у них будет распрекрасно?

Не дожидаясь моего вопроса, отец сам всё выложил:

– Это с нашего первого тура. Прямо перед выходом первого альбома.

Внизу постера я увидела неровные, веретенообразные завитки букв в виде дома, в жёлтых окнах которого горел свет. Не зная, что бы ещё сказать, я лишь качнула головой, оставив эмоции при себе. Я ждала, когда он расскажет мне что-нибудь ещё.

Отец встал рядом со мной.

– Пожалуй, это мой самый любимый тур, – не ожидала я услышать от него это. Набрав воздуха в грудь, он медленно выдохнул. Как будто от лёгкого смущения. – Оглядываясь назад, понимаешь, что было легче тогда, до того, как всё началось. Никто нас не знал, и никто ничего от нас не требовал.

В его кармане зазвонил телефон – длинный трезвон, как на старых дисковых аппаратах. Он вытащил его, чтобы посмотреть на экран.

– Фиби, не возражаешь, если я отвечу? – спросил он. – Я завтра записываю эту группу. Очень дотошные ребята.

– Валяй.

Честно говоря, я была рада, что он вышел на минутку. Я хотела хорошенько всё здесь осмотреть, не ощущая себя туристом на экскурсии по музею Кирена Феррриса.

На стене напротив висела широкая металлическая полка с книгами. Возможно, некоторые из них были мамиными, и остались здесь после расставания. Я хотела найти в его доме что-нибудь от неё, что указывало бы на то, что он думает и о нас с Луной. Мне были нужны доказательства, что он вспоминал о нас и до того, как я появилась на его пороге несколько дней назад.

У края верхней полки я заметила книгу Дэвида Бирна «Как действует музыка» в твёрдой белой обложке. И я вспомнила об Арчере, о том, как недавно мы стояли на крыльце его дома.

До меня доносились обрывки разговора отца по телефону. Пусть слов я не могла расслышать, зато слышала спокойный тон его голоса. Хотела бы я, чтобы он говорил так со мной. В груди снова защемило, и я точно не могла сказать, было это в лёгких или в сердце или это просто рёбра сильно сжались. Я сделала глубокий вдох, и на выдохе грудная клетка смогла разжаться.

На средней полке лежало несколько камней. Скорее, обычная галька: серая и гладкая, обмытая озером или рекой. Я потрогала один камушек, подержала между большим и указательным пальцами, после чего скинула себе в карман.

Сделав это, я сразу испытала облегчение. От того, как сильнее меня теперь прижимало к полу, к земле. Я почувствовала, что сделала то, что должна была. Что должна была прийти сюда.

Отец вернулся в комнату.

– Прости за это. Вечно эти басисты чем-то недовольны, когда их записывают. Хотя, ты и без меня должна знать.

Я ничего не ответила, поэтому он добавил:

– Арчер. Твой друг. Он же на басу играет?

– А, да! Но он не такой, – я вцепилась пальцами в свою цепочку. – По крайней мере, я не

думаю, что он такой.

Отец покачал головой, улыбаясь.

– Они все такие.

Я обернулась к полке. Может, он и прав. А может, я так никогда и не узнаю.

– Глянь сюда, – сказал отец. В углу столовой стоял огромный четырёхъярусный шкаф под пластинки с дисками из серого стекла. Для каждого яруса были свои выдвигающиеся дверцы. Я подошла ближе, чтобы посмотреть на названия через стекло. У него была секция под альбомы Дилана, несколько секций под соул шестидесятых годов. Ещё я увидела «Нирвану», «Weezer», «Belly» и «Replacements».

– Я сделал его сам, и теперь мне, видимо, придётся жить здесь до конца жизни, потому что вряд ли когда-нибудь смогу вынести его через дверь, – он потёр большим пальцем пятно на стеклянной дверце. – А если новым жильцам он не понравится, то придётся распилить его нафиг, – было похоже на то, что он говорил сам с собой.

– Уверена, что новым жильцам понравится шкаф.

– Тебя это удивит, но большая часть людей не хранит столько пластинок.

– Ну да, – сказала я, несмотря на то, что таких людей в моём окружении не было. Мама, сестра, Джеймс, Арчер – все они были завалены винилом. – Так значит, тебе придётся остаться здесь? – вообще, такой исход мне нравился, в смысле, что он останется в месте, которое я знаю, где я смогу представлять его с гитарой и шкафом под пластинки. Даже при том, что я не увижу его в следующие три года, а может и больше.

Он кивнул, улыбаясь.

– Думаю, да, – он прислонился к дверному косяку. – Хочешь есть?

– Ага, – и тут я заметила, как паника промелькнула на его лице. Поэтому я спросила: – А у тебя что-нибудь есть?

Он бросил взгляд в сторону кухни.

– Наверное, нет.

Мне не очень-то хотелось уходить, когда я только начала чувствовать себя здесь как дома, но в желудке урчало при каждой мысли о еде.

– Можем куда-нибудь сходить?

– Не проблема, – сказал он с облегчением. – Что бы ты хотела поесть?

Глупая мысль пронеслась в сознании: такого отца я хотела иметь всю свою жизнь. Такого, который бы спрашивал, что я хочу на ужин, а потом просто исполнял моё желание. Поэтому теперь я обдумывала его вопрос.

– Блинчики.

Он улыбнулся.

– Пошли за блинчиками.

Проходя по тому же узкому коридору, мой взгляд упал на деревянный стеллаж под книги, который выглядел так, будто его принесли сюда прямо из старой школьной библиотеки, или что она полвека простояла у задней стены класса. В угол третьей полки сверху была задвинута скрученная фигурка из толстой серебристой проволоки. Фигура была похожа на птицу с расправленными крыльями и вытянутой шеей. Я остановилась и дотронулась до неё, после чего я повернулась к отцу.

– Это мама сделала?

Он кивнул, глядя на фигурку.

– Много лет назад. Она любила делать их в фургоне во время гастролей. Птиц и деревья. Она могла брать с собой в дорогу мотки проволоки и плоскогубцы, чтобы потом каждый час выдавать по новому изделию.

Я изучала его лицо, то, как он вспоминал. А смотрел он только на скульптуру, не на меня.

– Она раздала их все, – он взял птицу, поставил к себе на ладонь и с минуту разглядывал её. Затем поставил обратно. – Немного покосилась. Я пару раз переезжал, но она всегда возвращалась на эту полку, – он посмотрел на меня. – Расскажешь ей о том, что она всё ещё у меня?

Я немного склонила вбок голову.

– А ты этого хочешь?

– Мне нужно немного подумать.

Когда мы выходили на улицу, я положила руку к себе в карман и нащупала там камушек, тот, что выкрала с папиной полки. Он был гладким и прохладным, и я знала, что переложу его потом в сумку, к журналу «SPIN», к Сэлинджеру и к моей книге со стихами. И я почувствую, как сумка станет тяжелее, как отец чувствует тяжесть маминой птички всякий раз, как переезжает в другую квартиру, или может каждый раз, как проходит по коридору, когда свет лампы отражается от его расправленных крыльев. Иногда самым тяжёлым становится то, что почти ничего не весит.

Глава 48

На той же улице, что и дом отца, располагалась кафешка с широкими стеклянными окнами и алой неоновой вывеской. В ней почти никого не было, когда мы пришли, поэтому мы сели за столик на шесть человек за чёрными диванчиками у окна, выходящего на дорогу. За припаркованными у обочины машинами я могла видеть вывески для поезда G, откуда я недавно вышла, и прачечную, наполненную сияющими белыми стиральными машинами.

Отец откинулся на диванчик и открыл меню. Официантка – около тридцати, блондинка, с крошечным блестящим колечком в носу – улыбалась так, словно знала его. Она зажгла маленькую свечку в баночке и поставила в центр стола. Померцав сначала, свеча успокоилась и выпрямила своё пламя.

– Я подойду, когда вы будете готовы, – сказала девушка. Её улыбка была немного широковатой, но искренней, за что она мне сразу понравилась.

– Я знаю, чего хочу, – сказала я, даже не открывая меню. – Черничные блинчики.

– А вам? – официантка посмотрела на отца.

Он закрыл своё меню.

– Яичницу, картошку по-домашнему и тост, пожалуйста.

– Так, хорошо. Что из напитков?

Я уже подумала заказать пиво, просто чтобы посмотреть на реакцию отца, но в итоге не осмелилась.

– Просто воды, – сказала я. Отец кивнул, и официантка отправилась на кухню.

Я попробовала посмотреть на улицу, чтобы не пришлось смотреть на отца, но из-за сгущающихся сумерек в окне отчётливо были видны лишь наши собственные отражения. И всё же, за отражениями я смогла разглядеть женщину со светлыми косичками, в чёрном платье, которая несла две набитые одеждой наволочки для подушек. Из-за занятых рук она не могла открыть дверь в прачечную. К ней на помощь подоспел пожилой мужчина, выгуливавший маленькую коричневую собачку. И когда я настроилась понаблюдать за этой сценой, или за тем, что смогла бы увидеть, как отец решил начать беседу.

– С Луной всё в порядке?

– Всё хорошо, – я посмотрела на него, потом на солонку. – Она очень устала за день, а я нет.

Он провёл рукой вдоль края стола.

– Она ведь не знает, что ты здесь?

Я чувствовала, как он продолжал смотреть на меня, поэтому тоже подняла глаза. Да и к чему было обманывать.

– Нет. Она взбесилась, когда узнала, что я была у тебя тогда, – я улыбнулась. – Поэтому совершенно логично, что я опять пришла к тебе.

Он тоже улыбнулся и повернул голову в сторону прилавка. Официантка шла к нам с водой. На короткое мгновение его профиль напомнил мне ту крошечную фотографию с заднего оборота его пластинки, только крупнее.

– Если тебе важно моё мнение, то я рад, что ты пришла.

Мама ненавидела эту фразу – если тебе важно моё мнение. «То есть ты хочешь сказать, – говорила она мне, – что то, что ты думаешь, не так уж важно? Тогда просто не говори это!»

Наверное, она права, но я не хотела цепляться к нему. К тому же, мне это было важно. Важно, что он сказал мне, что он рад мне. Я достала из сумки журнал и положила его перед отцом.

– Ух-ты, – сказал он, взяв его в руки. – Давненько же я его не видел, – он развернул журнал обложкой к себе, скрыв её от меня на секунду, а потом снова положил журнал на стол. – Смотри-ка, какой красоткой была твоя мама, – он посмотрел на меня. – Ты очень похожа на неё.

– Я? – я машинально дотронулась до своего лица, как тогда Джессика в самолёте, потому что решила, что изменилась с тех времён. – По-моему, не я, а Луна.

Он кивнул.

– А, да, она тоже, но больше всего в Луне от мамы – это её голос.

Я подняла пакетик с сахаром и стала мять его между пальцев. Что я на самом деле хотела сделать, так это разорвать его и высыпать на стол, чтобы рисовать из крупинки узоры. Понятия не имею, почему.

– Мама говорит, что у Луны лучше.

Он немного поразмыслил над этим, склонив набок голову.

– Может, и так. Но иногда я думаю, что нет никого лучше, чем ваша мама, – он посмотрел в окно, в отражение, словно проверял, нормально ли у него лежат волосы. – Если бы она выпустила сейчас альбом, люди бы бросились его раскупать.

Я засмеялась, но мой смех был больше похож на насмешку. Насмешливый смешок.

– Она бы отказалась. Мама вообще почти не поёт.

– Даже представить себе этого не могу, – он улыбался, и я заметила на щеке ямочку, зеркально повторяющую мою. – А, может, я просто не могу в это поверить. Спорим, она поёт, когда никого нет рядом?

– У нас не такой большой дом.

Он пожал плечами, и я не знала, что он имел в виду: что не думает, что величина дома имеет значение, или что он просто не помнит, какой величины наш дом.

Вернулась официантка и поставила перед отцом яичницу с тостом, а передо мной – блины. От еды шёл пар, и я вдруг ощутила такой голод, что все мои силы разом иссякли. Я принялась есть.

Отец взял в руки вилку, но вновь заговорил.

– Знаешь, а ведь я слышал её голос раньше, чем увидел.

Я жевала. О, божественный блинчик!

– Серьёзно? – сказала я с набитым ртом.

– Она тогда пела в другой группе. «Кассиопея». Ты знала об этом?

Я помотала головой. Получается, что мама скрывала от нас не только «Shelter», но и другие группы. А, может, и целые созвездия групп, судя по названию.

– С Картером и Дэном. Только они втроем, – он взял кусочек тоста и положил на него кусочек яичницы. Но в рот не положил, а просто держал его в руке. – Я вошёл в бар в Баффало и услышал голос, чистый как вода. Он наполнял собой всё вокруг. Я хотел слушать его вечно, – он отвёл от меня взгляд, пока говорил, и, не знаю, почему, но я почувствовала, что мне не стоило сейчас смотреть на него. Его лицо казалось таким открытым, таким честным, и я тоже отвела взгляд, в сторону свечи, горящей уверенно и ярко. – И я всех спрашивал, знают ли они, кто это пел.

– И что они?

– Конечно, они знали. Она же выросла там. Я только поступил в местный колледж, из которого всё равно потом был отчислен. Я не знал, что делаю. Я играл в группе, но у нас не было перспектив. Но потом я увидел её. — Что-то поменялось в его лице на последних словах.

– Ты говорил с ней?

– Я подождал за стойкой бара, пока она отложит гитару, и когда она спустилась со сцены, предложил ей чего-нибудь выпить, – в его голосе была слышна улыбка, и я посмотрела на него. – Она сказала, что и так может выпить здесь бесплатно, но всё равно села со мной. Ради одного бокала, – он поднял вверх указательный палец. – Тем же вечером я начал упрашивать её – и только через месяц смог убедить – собрать со мной группу «Shelter», – он улыбнулся. – Она не хотела оставлять Картера и Дэна, так что фактически я напрашивался в их группу.

– И что случилось потом? – спросила я тихо.

Я не спрашивала его о том, что было после этого. Мне нужны были более важные вехи. Я хотела знать, что же случилось, когда всё закончилось.

– В смысле?

Я немного повысила голос.

– Между вами. Почему вы расстались?

Мой вопрос не удивил его, но он и не был готов сразу ответить на него. Он откусил от своего тоста с яйцом, прожевал и проглотил. Я ждала.

– Это не задачка по математике с одним единственным ответом, – он медленно выдохнул и немного смягчённым тоном добавил: – Но причин тому было много.

Мне вспомнилось то время, когда он звонил из Берлина или Эдинбурга с гастролей. По телефону его голос звучал жёстко и слабо одновременно. Пока он рассказывал про свои концерты или про еду, или про отель, в котором номера были такими маленькими, что ему приходится спать с гитарой в кровати. Я тогда представляла, как провода протягивались по дну океана, пролегали рядом с коралловыми рифами, бежали по песку. И когда его голос стихал, я думала, что это какая-то одинокая морская черепашка с берегов Ирландии жевала провода вместе с его словами. Такое ощущение, будто в нашем общении всегда были такие зажёвывания. Но лучше бы ему иметь причину поубедительней. Большую часть времени отец просто не знал, что сказать мне.

– Я и не собираюсь сводить всё к одной причине, но я всегда хотела спросить тебя... почему ты ушёл?

И в этот момент я смотрела на него, и он не стал отводить глаза.

– Я был слишком молод.

– Тебе было двадцать шесть.

Да-да, я всё посчитала, и этот возраст не виделся мне таким уж молодым.

– Точно.

– Мне исполнилось семнадцать три недели назад, и я бы не ушла.

Он посмотрел на потолок и затем снова на меня.

– Ты бы не ушла. Твоя мама не ушла бы. В смысле, она и не ушла.

Он улыбнулся, и это была такая большая широкая улыбка, что на секунду я решила, что он спятил.

– С ней было очень нелегко. То есть, она была красивой, да ещё с таким голосом, от которого у всех крышу сносило. Но помимо этого в ней было очень много силы.

От воспоминаний он впал в некую мечтательность.

– Когда мы только начинали, то несколько раз выступали с одной группой под названием «Salt Sky», – он покачал головой. – Их солист так втюрился в неё, что, думаю, мог бы отвоевать её у меня, если бы только она захотела, – отец положил вилку. – Сильно же он её донимал. Короче, однажды он напился и попытался поцеловать. Уже было поздно, концерт закончился. Мы грузили инструменты через задний выход, – отец на секунду замолк, проводя рукой по волосам. – Я не видел, что он сделал, но видел, чем всё закончилось. Она вмазала ему прямо в челюсть.

Я улыбнулась. Да уж, от мамы такое можно было ожидать!

– Он упал на спину. Я застыл, просто стоял там и смотрел на неё. Я не знал, что надо делать в таких случаях, – он усмехнулся. – Мы встречались всего три месяца. Я бы сделал всё, чтобы защитить её, но казалось... что ей и не нужна была моя помощь, – сейчас улыбались только его губы, а глаза – нет.

Я подалась вперёд, впившись руками в ближайший край стола и сосредоточив всё своё внимание.

– Короче, сначала он просто лежал там, но потом она подала ему руку, чтобы помочь подняться. Он встал, выпучив глаза и потирая челюсть. А она просто сказала ему напоследок: «Нет», – отца это будто забавляло. – Затем она взяла меня за руку, и мы пошли в наш фургон. Думаю, я сразу понял, прямо там, на той самой улице, что женюсь на ней.

Пожалуй, это была самая большая речь, что мне когда-либо доводилось слышать от отца. Он выглядел слегка смущённым, и даже отвернулся к окну. Я тоже посмотрела в окно, но там было так темно, что я не видела ничего, кроме светящейся вывески прачечной. Помимо неё я видела только нас: меня и моего отца.

Он вздохнул.

– Она была очень сильной. Поэтому-то и смогла создать для вас с Луной лучшие условия для жизни. Я восхищаюсь ею за это.

Внутри меня тут же вспыхнуло пламя гнева. Молодец, что восхищается, пока она батрачит из последних сил, лишь бы одной вырастить двух дочерей.

– Ты когда-нибудь говорил ей это?

Он потряс головой.

– Думаю, нет. Вот такой я подлец. Уверен, что мама уже сообщила вам об этом.

Ну, тут он ошибался. Даже за последние два года, всякий раз, когда Луна заводила громкие речи на тему отца, мама почти ничего не говорила в ответ.

– Вообще-то... Вообще-то она почти и не говорит о тебе. — Только произнеся это, я задумалась: это лучше или хуже?

Отец смотрел в свою тарелку, рассматривая яичницу так, словно пытаясь запомнить её жёлто-белый рисунок и кружевные края.

– Хотя Луна точно считает тебя подлецом, – сказала я, будто бы это уточнение могло как-то утешить его.

Отец выдохнул, и это было похоже на тихий нервный смешок.

– Я её не виню. У меня плохо это получалось.

– Получалось что?

– Быть отцом, – он прислонил руку к щеке. – Мне стольким ещё хотелось заниматься.

Я выдавила сироп на последние кусочки блина, после чего с силой поставила бутылку на стол. От удара дрогнуло пламя свечи, а банка с сахаром задрожала.

– И ты мог бы продолжать всем этим заниматься.

Он кивнул.

– Наверное, ты права. Я просто не знал, как.

Потом он склонился ко мне и, понизив голос, продолжил:

– Когда Мэг узнала, что забеременела, то захотела всё закончить. Я же не хотел. И я убедил её остаться ещё на несколько туров. Нам помогала твоя тётя Кит.

Конечно же, я знала это, но я не стала ему говорить, что видела фотографии. Одну я помню особенно хорошо: тётя Кит со своей короткой стрижкой, как более кроткая, «птичья» версия моей мамы, широко улыбается, с полугодовой Луной в слинге, и прикрывает ей уши руками. Они что, и правда, брали нас с сестрой на свои выступления? Или эта была просто репетиция? Меня всегда это интересовало, но сейчас мне не хотелось отвлекаться.

– Почему ты перестал звонить нам?

Он смотрел на меня с таким выражением, будто пытаюсь найти какую-то разгадку. Словно я была той 3D картинкой, на которую нужно долго-долго смотреть, стараясь расфокусировать взгляд, пока не появится другое изображение.

Тогда я продолжила.

– Ты сказал, что хотел, чтобы мы были в твоей жизни. Но ты ушёл. Совсем. До этой недели, я не видела тебя почти три года.

Я начала тараторить, из-за чего язык едва поспевал за моими мыслями.

Отец положил обе руки на край стола, затем посмотрел на меня.

– Я думал, что вы не хотите меня видеть.

Я моргнула.

– С чего ты решил?

– Теперь-то я понимаю, что всё понял неправильно. Фиби, Луна запретила мне вам звонить.

У меня сердце упало камнем вниз, и тут же в памяти пронёсся тот момент из прошлого, как мы с Луной маленькими выбрасываем наших Барби в грудку грязного белья. Во мне снова закипало негодование.

– Что? Когда?

– Несколько лет назад, – он опустил взгляд, крутя серебряное кольцо на среднем пальце правой руки. – Она сказала, что ты уже почти старшеклассница, и что всё сильно изменится. Она сказала, что когда вы были маленькими, вас не особо беспокоило моё частое отсутствие, но сейчас вы обе решили, что вам будет легче, если я совсем исчезну из вашей жизни.

Официантка появилась вновь, чтобы принести наш счёт. Рядом с общей суммой она синей ручкой нарисовала смайлик и слово «Спасибо!» Мне захотелось смять этот листок в кулаке. Я хотела порвать его на мелкие кусочки.

Я принялась глубоко дышать, не глядя на отца. Я ждала, что он скажет что-нибудь ещё, но он молчал. Я даже не знала, какое у него сейчас лицо: стыдно ему или, может, просто грустно. Но что я точно знала, уже тогда, что, три года назад, когда Луна велела отцу не звонить, она говорила не об изменениях для меня. Во всяком случае, не только для меня. Она говорила за себя. И, оглядываясь назад на всю её злость в течение последних лет, я понимала, что она совсем не хотела, чтобы он ей поверил. Но он поверил. И не стал за нас бороться. Не стал спорить, и из —за этого я лишилась отца.

Я посмотрела на него.

– Не Луна должна была решать. А я, – я старалась говорить спокойно. – И я не могу поверить, что ты на это поддался. Она хотела, чтобы ты сделал выбор. Чтобы ты остался нашим

отцом. Она хотела, чтобы ты звонил.

Он вздохнул. Взяв пакетик с сахаром из чаши в центре стола, он смял его между пальцами.

– Думаю, ты права. Только сейчас я понимаю это. Но я не понимал тогда. Переходный возраст... – сказал он, как будто в своё оправдание. – Я думал дать ей немного времени, и она сама объявится.

– Почему ты не обсудил это с мамой? Так делают все нормальные родители.

Хотя, о чём я? Он же никогда не принадлежал к категории нормальных родителей.

Я ждала ответа, но он молчал. На другом конце зала наша официантка чуть не уронила свой поднос и разразилась хохотом. Я смотрела на отца, а он смотрел на меня. Наконец, он заговорил.

– Я говорил с ней, она тогда велела мне послушаться Луну, – он отвёл взгляд в сторону, и я заметила, как он стиснул зубы. – Она сказала, чтобы я дал ей время. И я решил, что Мэг имеет право так говорить. Но спустя месяцы, потом годы, я так и не смог понять, как всё исправить. Я слишком долго ждал, а потом мне стало казаться, что всё совсем вышло из-под контроля, – сказал он, вскинув руки, но потом положил их на стол перед собой.

Я передвинула свою тарелку на другой край стола.

– Ничто никуда не вышло.

Он бросил пакетик с сахаром обратно в чашу и посмотрел мне прямо в глаза.

– Именно поэтому я так рад тому, что ты пришла ко мне. Честно, Фиби. Когда увидел тебя на пороге студии, потом после концерта, и сегодня... – он покачал головой. – Это самый лучший подарок.

Я и сама хотела помотать головой. Или закричать, или встать и уйти отсюда, но я ничего из этого не сделала. Я поводила пальцем по серебряному браслету, который мама дала мне перед отъездом. Я сделала вдох и выдох. Я старалась успокоиться, но это не помогало.

– Ты часто здесь бываешь? – спросила я. Теперь я покусывала внутреннюю сторону щеки.

– Иногда.

– Свет заманит тебя, свет поймает тебя, но лето не длится долго. Долго, как лето, – да, я пропела его песню, и, услышав сошедшие с моих губ слова, я вдруг осознала: а ведь мои стихи лучше, чем его.

Он посмотрел на меня.

– Давненько не слышал я эту песню.

– Я слышала её в магазине прошлым месяцем. По-моему, эту песню сейчас можно услышать только в таких местах.

– Ой, – сказал он, делая вид, будто ему было больно. Край рта скривился кверху в небольшую ухмылку.

– Её и на радио ставят. 92,9 FMБ Радио «Горячий Микс».

– Господи, – сказал отец, трясая головой, и я подумала, что он, вероятно, и радио-то почти не слушает.

Я пожалала плечами.

– Да ладно тебе. Твой новый альбом, вообще-то, очень даже классный.

– Спасибо.

– Но о чём же всё-таки песня про лето?

– А знаешь, я ведь и не помню уже.

Он положил на счёт двадцатку, после чего поправил купюру так, чтобы ее края были параллельны. Я представляла это раньше: как это было бы, если бы ходить на блинчики с отцом было нормальным явлением? Мы могли бы делать это иногда, если бы мне не приходилось проезжать для этого весь этот путь до Бруклина. Я смотрела на него сейчас и понимала, что пыталась запомнить его, ведь, кто знает, когда мы теперь увидимся? Глупо думать, что он сейчас

вернётся в нашу жизнь, так? Даже не знаю, на что это вообще было бы похоже.

Я могла представить отца на диване в их старой квартире в Вест Вилледже с гитарой на коленях. Не знаю, воспоминание это или просто выдумка моего сознания, вымощенная фотографиями, которые я изучала все эти годы. Знаю, что диван был зелёным, а стены – синими, но мне было два года, когда они съехали, так что, может, я и помнила что-то?

Отец поднял взгляд.

– Я рад, что ты пришла. Не злись на Луну: она хотела тебя защитить.

– Она хотела защитить себя. Луна всегда думает только о себе.

– Ну, ладно, – он смотрел на меня. – Видимо, это у неё от меня. Так что придётся мне её простить.

Подобрав сумку с дивана, я встала и направилась к выходу, а отец пошёл вслед за мной. Так мы вышли на улицу. Идя впереди, я старалась думать о том, что уже успела узнать о нём. И так: он поёт песни «Битлз» симпатичным девицам при каждой представляющейся возможности. Он делает слишком большую мебель, не проходящую в дверь. Он может тебя подвести, но потом признает вину. Совсем не похоже на Луну. Зато, наверное, похоже на меня.

– Мне теперь надо туда, сяду на метро, – сказала я, показывая на остановку у ближайшего перекрёстка.

– Точно? – спросил отец, хотя лицо выдавало лёгкое облегчение.

– Точно.

Я хотела собраться с духом и уйти, чтобы понять, что делать дальше.

– Тогда приходи ещё. И приводи с собой Луну.

– Конечно.

Я не стала говорить ему, что уже завтра уезжаю, и что я знала, что раз уж Луна не позвонила в дверь его студии, когда мы обе были там, то она уже никогда к нему не придёт.

– Приходи снова на её концерт. Они выступают в клубе «Red Hook», а потом отправятся в тур. На следующей неделе, – я попыталась улыбнуться, но улыбка получилась весьма хилой. – Может, в этот раз она к тебе выйдет.

Отец кивнул, после чего засунул руку в карман, в котором зазвенели монеты, и вытащил жёлтую карту метро.

– У меня уже есть. На неделю хватит.

– На ней, вроде, двадцать долларов, – он передал её мне. – Понадобится, когда твоя закончится.

Я взяла её, хоть она была ни к чему, но я понимала, что папа просто хотел что-нибудь мне дать. Я умолчала о том, что уже взяла у него кое-что – камень, лежавший теперь в моём кармане. Ну, и конечно, ямочку на щеке.

– Скоро увидимся, – сказал он, стоя и глядя на меня с видом, будто не зная, что делать. Тогда я снова пришла ему на помощь, сделав к нему шаг и обняв его. А может, я позволила ему обнять меня. После чего я сделала шаг назад, улыбнулась и, развернувшись, пошла в сторону остановки.

Когда я шла к входу метро, я знала, что он смотрел на меня. Стоял там, спиной к окнам кафе, и ждал, когда я обернусь посмотреть на него. Но я не оборачивалась, а лишь спускалась по лестнице, легко касаясь пальцами правой рукой перил, оббегая участки с прилепленной жвачкой. Я так и не обернулась.

Глава 49

Мэг

Март 1993 года

Со сцены я сошла последней, и из-за обилия света и вспышек еле могла видеть что-либо, когда вышла в коридор. Вытянув вперёд руку, я почувствовала, как её взял Кирен и потянул меня за собой, точнее к себе, заключая в объятия.

– Потрясающе! – сказал он. – Ты была просто потрясающей.

В воздухе, словно электрический ток, потрескивал какой-то сгусток энергии, почти различимый над плечом Кирена. Как голубые искорки на фоне ночного неба. Непередаваемые ощущения: прекрасные, хоть и немного пугающие. И мне было сложно определить, был ли это шум толпы из зала или прилив крови к ушам.

Картер, стоявший впереди, обернулся с широченной улыбкой на лице.

– Что это было?! – воскликнул он.

– Это было «Sea of Tranquility», – ответил Кирен.

– Точно, – сказал мне Дэн. – Ну, ты и задала жару. Да мы были в ударе!

Я улыбалась, хотя голова у меня шла кругом. Я всем телом прижалась к Кирену.

– Ты как, ничего? – спросил он.

– Ага. Я просто... – я сделала вдох – ... слишком много эмоций.

Мне всегда нравилось выступать на сцене, но в этот раз было что-то невероятное. Зал ревел. Толпа настолько обезумела от ража, что, говоря по правде, я немного перепугалась.

Кирен, должно быть, увидел мой странный взгляд, раз прислонил ладонь к моей щеке и сказал:

– Мы же этого и хотели. Зай, всё это из-за тебя. Они же с ума сходят от твоих песен. От твоего охренительно волшебного голоса.

И он поцеловал меня, потом откинул меня назад, надолго задержав на своей руке, и снова притянул меня к себе.

Я снова слышала крики толпы и аплодисменты. Наверное, народ надеялся на то, что мы снова выйдем на бис.

– Думаешь, стоит? – спросила я и глубоко вздохнула, пытаюсь стабилизировать пульс. Казалось, во мне шипела кровь.

Я посмотрела на Кирена, который улыбнулся мне и взял мою руку.

– Стоит. Пойдём!

Глава 50

Когда я, наконец, подошла к дому Луны, то села на оббитые песчаные ступени соседнего дома, положив у ног сумку. Если прислониться к перилам, то с этого места я могла бы увидеть окна гостиной сестры. В них было темно, поэтому я решила, что она ещё спит. На диване или уже на собственной кровати. В обоих случаях я не хотела идти туда, и не хотела с ней разговаривать. Я достала телефон из сумки и стала просматривать свой плейлист.

Я искала «Sea of Tranquility» – песню с одноимённого и самого известного альбома Shelter. Ту песню, что вышла до маминой первой беременности. Ту, в которой мама пела о пустом море луны. Я слушала эту песню уже около пяти тысяч раз, прежде всего из-за того, что это был дуэт. Родители пели её вместе.

Вот я и нашла её.

Песня начинается с гитарного дуэта матери и отца, но с вокальной партией вступает только мама. По сути, его голос появляется совсем не скоро, но, вступив, он остаётся с ней в дуэте до конца песни. Прямо сейчас, я пыталась понять, звучали ли их голоса моложе, лет так на двадцать, но никаких изменений я так и не заметила.

В клипе к песне группа играла в ночном поле под сияющей луной. Видео склеено из сцен, где они играют на сцене в пустом зале при открытом красной занавесе. И в поле, и на сцене у мамы на ногах были чёрные колготки, супермини—юбка и шнурованные ботинки на толстой подошве. Её кожа сияла, волосы распущены. Отец был, как обычно, в джинсах и футболке. Оба были счастливы, либо просто хорошо прикидывались.

«Нет воды?» – пели родители дуэтом в моём телефоне и, в то же время, где-то в прошлом. «Ну и пусть. Это всё равно океан». Потому что в жизни мы так часто представляем то, чего нет, не так ли? Делаем вид, будто знаем, что делаем. Прикидываемся счастливыми. Убеждаем себя, что всё хорошо. Я же совсем не об этом хотела писать стихи.

Песня закончилась, и я сняла наушники. Довольно на сегодня музыкальной терапии. Есть ещё факт, что от мамы пришло четыре сообщения, при том каждое следующее было яростнее предыдущего. Я нажала на последнее.

«Доча, если не ответишь, я сажусь в машину».

Это вмиг смотивировало меня на ответное смс. Чего я хотела меньше всего, так это её приезда сюда, когда мне придётся обсуждать всё это с ней с глазу на глаз. Даже не знала, что и сказать ей в сообщении, ведь я была так зла на неё. Она знала, что Луна сказала отцу, и скрыла это от меня. Точно знаю, что она хотела держать Луну подальше от его славы, от всего того мира, который мама решила оставить, но разве это честно? Не самая лучшая причина. И теперь она ждёт от меня выполнения этой святой обязанности – не дать Луне пойти по её дорожке.

«Прости. Мы очень заняты. Пытаемся вместить целое лето в несколько дней. Веселимся. Позвоню завтра», – ответила я и тут же выключила телефон, чтобы не успело прийти ответное сообщение от неё.

Итак, давайте подведём итог. Так, веселья ради. Просто быстренько пробежимся по списку под названием «Что не так с жизнью Фиби Феррис». 1. Сестра врала мне целых три года. 2. Столько же времени врала мне и мать. 3. Отец наслаждался своей звёздной жизнью в Уильямсбурге – уж выбрал себе местечко! – делая вид, что нет ничего страшного в том, что он не говорил со мной три года, и тут я – о, привет! – сама появилась у него в дверях. 4. Ни прекрасный и очаровательный басист, ни прекрасный и очаровательный игрок в лакросс больше никогда мне не позвонит.

Взглянув в сторону, я увидела фигуру, направлявшуюся ко мне по тротуару чётко между кругами света от фонарей. Когда фигура приблизилась, я поняла, что это был Джеймс. Он уже не выглядел расстроенным, а лишь немного удивлённым от встречи со мной.

– Фиби, – сказал он, подойдя совсем близко, – ты здесь?

Как обычно, его идеальный британский акцент превращал его из обычного человека в героя фильма. И всё же он был реальным. Джеймс сел рядом со мной на ступеньки.

Я кивнула.

– Я была у отца.

– Серьёзно? – спросил он, глядя на меня в ожидании ответа.

– Угу, – промычала я, слегка покачивая головой. – Не говори Луне. Ничего особенного не было. Мне просто было скучно.

Джеймс кивнул, словно он очень хорошо меня понимал.

– А Луна? – спросил он и показал пальцем вверх, словно спрашивал меня, какой прогноз погоды.

Я даже не знала, с чего начать, чтобы объяснить ему, как там сестра.

– С ней всё хорошо. Она довольно рано уснула.

– Она сама себя выматывает.

Он потянулся вперёд, чтобы дотронуться до листа петунии в горшке, стоявшем у лестницы.

При свете фонарей белые лепестки светились, словно подсвечивались изнутри.

– Она прямо как мама. Хотя с нервами у Луны гораздо хуже, – я глянула на него искоса и криво ухмыльнулась. – Как думаешь, справишься?

Джеймс тоже улыбнулся.

– Ну, да, – сказал он, пожимая плечами. – Конечно, справлюсь. А ты разве не такая же?

– Я совсем не такая, как они все. Меня завезли инопланетяне, – мне вспомнились слова Луны о том, что он желала иметь другого отца. – Или, может, я от Пола Вестерберга. В лучшем случае.

Джеймс осматривал улицу. Вдоль кустов, посапывая, прогуливался маленький кот – надеюсь, что это был кот.

– Хреново я сегодня поступил, когда так ушёл.

– Судя по личному опыту, мы все время от времени поступаем хреново.

Интересно, расскажет ли ему Луна про подозрения на беременность, или так и будет скрывать улики на дне мусорного ведра, пока однажды Джеймс не выкинет мусор. И будет ли сестра вспоминать этот вечер, когда всё могло бы пойти по—другому. Когда она раскрыла один из своих секретов, сохранив другие. Потому что в этом—то и дело. Она могла бы быть до конца честной со мной, там на диване. Но не захотела.

– Когда ты посоветовал Луне сказать правду, ты имел в виду правду об отце, – полуспросила полу ответила я.

Джеймс смотрел на меня.

– Да.

– Она велела ему не звонить нам. Три года назад, – я снова начала наливать злостью, пульсировавшей во мне как жар. – Когда она рассказала тебе про это?

– Несколько месяцев назад.

Он смотрел на горшок с петунией, а я смотрела на свои ладони. Содрав остатки золотистого лака с большого пальца, я снова посмотрела на него.

– С чего вдруг?

– Не знаю, – он помотал головой. – Не думаю, что была какая-то особая причина, просто она хотела, чтобы он вернулся в её жизнь.

– И поэтому она сказала ему, чтобы он исчез навсегда?

– Думаю, даже Луна бы признала, что это было не лучшим решением, – спокойно сказал он.

Потом он замолчал, и мы просто сидели рядом, не говоря ни слова. Ветер шевелил тонкие ветви высоких деревьев у дороги. Я часто моргала, ощущая, как увлажнились мои ресницы. У меня начало течь из носа.

– Как это нелепо! Я так зла на неё, но чего я плачу тогда? – я шмыгнула. Очень гламурно. – Как будто, я и правильно злиться на неё не умею.

Я уже собиралась вытереть нос тыльной стороной ладони – фу, сама знаю – как Джеймс дал мне платок из своего кармана.

Я взяла его и вытерла нос, а потом посмотрела на Джеймса.

– У тебя всегда платок с собой?

– Я же из Англии, – сказал он, пожимая плечами.

Я улыбнулась и закрыла глаза руками.

– Я сам не могу объяснить всё, что она делает. Но она любит тебя. Вы должны всё это обговорить.

– Это точно, – сказала я, хоть и понимала, как сложно будет начать этот разговор. – Как-нибудь.

Я медленно выдохнула через рот.

– Иногда я думаю, что ты слишком идеальный, – сказала я ему.

– Нет, – ответил он, хотя уголки губ начали подниматься, формируя улыбку.

– Ты о ней позаботишься.

– Постараюсь. Она удивительная.

– Она такая. А ещё она заноза в одном месте.

Он засмеялся.

– Если ты скажешь ей, что я тоже так думаю, то буду это отрицать. До самой смерти.

Я подняла глаза на небо и увидела полоску неба между крышами домов. Оно было почти чёрное и беззвёздное.

– Ты действительно хочешь всё это?

Джеймс перевязывал шнуровку на ботинках.

– Что «это»?

– Эти ваши гастроли, – я перевела дыхание. – Всё это плохо кончилось для наших родителей.

– Но мы не ваши родители, Фи. Я думаю, что мы сможем нас сохранить. Если же нет, то мы просто закончим это.

– Ты смог бы закончить?

Из-за того веселья и блеска, которыми, мне казалось, сопровождалась их жизнь, я подумала, что на их месте мне было бы сложно уйти.

– Ради Луны я бы всё закончил.

Потом он встал и ступил на тротуар.

Его телефон зазвонил. Это было сообщение.

– Чёрт! – сказал он с неизменным акцентом. – Арчер всё ещё в том индийском ресторане. Я же сказал ему, что скажу, если встречу тебя.

Моё сердце затрепыхалось, а кровь начала нагреваться.

– Ты меня встретил.

Джеймс кивнул, стуча пальцами по перилам.

– Так что я тебе это говорю.

Я колебалась. Джеймс качал головой.

– Не будь к нему слишком строгой. Нам так сложно устоять против женских чар семейки Феррис.

Он поднял ладони вверх, будто ожидая от меня, что я хлопну по ним. Поэтому я хлопнула.

Я практически побежала по Шермерхорн стрит, и, добравшись до Корт стрит, моё дыхание совсем сбилось. Арчер стоял на улице с сигаретой в руке, дым от которой устремлялся к небу. Через секунду он заметил меня и развернулся, и теперь я тоже смогла его разглядеть.

Сначала я ничего не стала ему говорить. Просто подошла к нему и поцеловала. Прямо там, на тротуаре. Всегда терпеть не могла сигареты, но в тот момент от Арчера пахло костром, усыпанными звёздами и охлаждёнными небом летними вечерами. Его губы были подобны искрам.

Отстранившись, я сделала шаг назад, чтобы получше его разглядеть.

– Привет, – сказала я.

Он улыбнулся.

– Ну, привет.

Я сложила ладони вместе и приложила пальцы к своим губам.

– Есть минутка? – спросила я.

Мы вдвоём пошли в сторону набережной, а не в сторону квартиры Луны, даже не обсуждая это. Словно набережная была севером магнита, а мы свободно блуждавшие стрелки под стеклом

компас, не способные бороться с притяжением. Несмотря на темноту, фонари светились как свечи – теплом и золотом. Манхэттен открывался перед нами, через поблёскивавшую реку, по краям которой выстроились небоскребы. Хотя они больше были атмосферой, чем зданиями: просто высокие колонны, заполненные квадратными бусинами света.

Мы двигались в сторону Бруклинского моста, вдоль которого светили белые огни на фоне тёмного неба. Было очень похоже на сказку, словно кто—то огромный, просто гигантский, устроил вечеринку и развесил праздничные фонарики через реку. Арчер взял мою руку.

– Можно я завтра отвезу тебя в аэропорт? – спросил он.

– Конечно. У тебя есть машина?

– Нет, – он потряс головой. – Но у меня есть знакомый с фургоном.

Я засмеялась.

– Наконец-то, я покатаюсь на нём!

Арчер подвёл меня к перилам, с которых начиналась набережная, скользнув рукой вдоль моей поясницы. Потом обвёл пальцами по бёдрам.

– Ты можешь и пожалеть потом, что так радовалась.

Мы стояли там, ничего не говоря какое-то время. Здания мерцали, а маленькая белая лодочка, как игрушка, проплывала по реке.

– Луна сказала, что у тебя не всё в порядке.

– А ты сама как думаешь? – спросил Арчер нежно, с осторожностью.

– Думаю, что она ошибается.

Когда я повернулась к нему, он смотрел на меня. Подняв руку, Арчер коснулся ладонью края моего лица и провёл большим пальцем по губам. Сначала я стояла, не двигаясь, не отводя от него взгляда, но потом подступила ближе. Тесно прижавшись к нему, я коснулась губами его губ.

Огни всех зданий Манхэттена загорелись за моей спиной в тот миг, окрасив небо золотыми квадратиками. Но я не видела их, как и Арчер, потому что мы ни на что больше не смотрели.

Глава 51

Мэг

Январь 1993 года

– Послушай-ка, – сказал Кирен, входя в комнату. На нём была гитара, левая рука зажимала гриф. Я сидела по центру гостиной, а на полу передо мной была открыта тетрадь. Я села, чтобы послушать мелодию, совершенно новую для меня. В тиши комнаты её гармония звучала очень ясно и выразительно.

– Неплохо, да? – спросил он.

– Мне очень нравится, – ответила я охрипшим, почти осипшим голосом, который посадила на вчерашнем концерте.

Довольный от моей реакции Кирен спросил:

– Почему ты сидишь здесь?

Я показала на окно.

– Только отсюда можно видеть луну.

Наша квартира располагалась в гостевом доме. И лучше говорить именно так, чем признавать, что мы живём над сараем. Так в Баффало было дешевле: арендовать трёхкомнатную квартиру с одной спальней, второй комнатой под свалку из усилителей с гитарами и третьей, которая должна была стать моей студией. Но правда заключалась в том, что за последние несколько месяцев я совсем ничего не нарисовала и не слепила.

Почти все окна дома были закрыты деревьями, и их было так много, что было ощущение, будто и наш дом был построен на дереве. Сейчас – зимой – вся листва облетела, и с моего места открывался вид на квадратик неба вместе с жемчужной пуговкой-луной по центру.

– Пытаюсь о ней написать.

Кирен начал напевать песню «Лунная река».

– Знаю, да. О луне уже пели.

– Нет, – сказал Кирен, присев рядом со мной на корточки, чтобы тоже посмотреть в окно. – Классная идея. Просто нужен другой угол, – он снова посмотрел на меня. – Можно написать о пустых морях. О Море Спокойствия.

Послышался свист кипящего чайника. Кирен встал.

– Чайник согрет. Пойду приготовлю тебе чай с мёдом. Надо что-то делать с твоим голосом.

– О, да, дорогой. Принеси мне чай, пожалуйста.

Он улыбнулся и вышел из комнаты.

Ночь была такой ясной, а луна – такой яркой, что мне даже были видны тёмные пятнышки на её поверхности. Что за бред, называть что-то морем, когда там и воды-то нет. Да в нём вообще ничего нет! Но, видимо, люди долгое время просто не знали этого. На свете так много того, что мы не знаем, и тогда сами надумываем то, чего нет.

«Нет воды?» – я написала. – «Ну и пусть. Это всё равно океан».

Я снова посмотрела в окно. Луна вроде никуда не сдвинулась и останется там на всю ночь. Внизу листа я написала «Кирен Феррис», а сверху – своё вымышленное имя. «Мэг Феррис».

Глава 52

На следующее утро Луна повела меня завтракать в кафешку, что на улице Кобби Хилл. По дороге мы почти не разговаривали. Заняв столик на улице, мы отведали золотистых тонюсеньких блинчиков с мёдом, йогуртом и свежими ягодами. Солнце разбросало свои лучи по всему столу и ярким цветам в горшке рядом с моим стулом.

Напротив меня сидела улыбающаяся Луна, словно это она расставила по своим местам солнце, блинчики и цветочки в горшках. Её волосы были собраны в идеальный пучок, как у балерины, возвышавшийся на голове как корона. И даже, несмотря на съеденный завтрак, её помада цвета тёмно-красной вишни смотрелась безупречно. Я собиралась сказать ей, что, несмотря на всю кажущуюся радужность бытия, у нас до сих пор полно нерешённых проблем. Идеальный завтрак не сможет переубедить меня. Но тут Луна сказала нечто, что совершенно меня огорошило.

– Джеймс признался, что рассказал тебе.

Я сощурилась, наморщив бровь.

– Рассказал мне что?

– Про отца, – сказала она и сжала губы. – Что я велела ему больше не звонить.

Я моргнула. Первые несколько секунд все мои мысли кружились вокруг «какого хрена?», но потом до меня как-то дошло, что хотел сделать Джеймс. Он решил обезвредить бомбу раньше, чем я бы её сбросила. Он придумал, как заставить Луну самой заговорить об этом, чтобы она даже этого не поняла.

Она смотрела прямо перед собой, её лицо и руки находились в полнейшем покое.

– И я не сожалею, – сказала сестра спокойным, ровным голосом. Она совсем не пыталась оправдываться, как я ожидала. После долгого вздоха она добавила:

– Я думала, что так будет лучше.

– И ты всё ещё думаешь, что так было лучше?

Она помешала ложечкой свой капучино.

– Не знаю.

С лёгким летним ветерком, уронившим мою салфетку на землю, вернулась былая ярость.

– А я вот не думаю, что так было лучше. Луна, почему ты всё решила за меня?

Глаза сестры округлились. У меня в руках всё ещё была вилка, и, понимаю, это выглядело немного странно. Я вспомнила то, что она сказала вчера Джеймсу: «Ну и бесись себе сколько влезет». Но мне она ответила иначе.

– Прости меня.

Эти слова прозвучали настолько неожиданно, что я выронила вилку на тарелку.

Соседнее дерево обронило несколько листочков прямо мне в блинчики. Я закрыла глаза руками на секунду, снова открыла и сказала:

– Ладно.

Я не знала, что ещё можно было сказать.

Вдоль забора прогуливалась трёхцветная кошка. Остановившись на полпути, она уставилась на меня и мяукнула.

– Ну, привет, киса, – сказала я.

Я просто сидела и дышала. Вот когда я могла бы сказать Луне, чего дожидалась мама: что Луне стоит отменить тур и вернуться к учёбе. Но я понимала, что не я должна ей об этом говорить. К тому же, мне уже не казалось это дельным советом.

Я залезла рукой в карман и достала папину карту метро. Она была жёлтым, блестящим, не бесполезным, но всё же всего лишь жалким кусочком пластика. Я протянула её Луне.

– Зачем мне это?

– На ней ещё есть деньги. Может, долларов двадцать.

Какое странное чувство, когда слышишь от себя самой слова отца.

– Зачем ты положила на неё столько денег? – Луна включила свой учительский тон. – Ты же знаешь, что лучше покупать безлимитные. Я решила, что ты купила такой в аэропорту.

Я чуть было не созналась ей, что снова встречалась с отцом, и даже уже открыла рот, чтобы сказать это, но что-то меня остановило.

– Я не знаю. Случайно получилось.

– Ну, тебе следует быть внимательнее.

Тут я почувствовала, как мои губы стали растягиваться в улыбке.

– Ну, да, конечно.

Луна пристально посмотрела на меня.

– Ты встречалась вечером с Арчером?

– Ага.

Я никак не могла стянуть обратно свои улыбающиеся губы, да мне уже было всё равно.

– Ну, что ж, хорошо. Ты можешь встречаться с ним.

Я взглянула на неё – на свою красавицу-сестру, которая всегда получает то, что хочет.

– Спасибо, Луна, но мне не нужно твоё разрешение.

В её глазах вспыхнуло удивление, но затем она слегка улыбнулась.

– Мне нужно в туалет.

Она встала и вошла в кафе, оставив сумочку на столе. Я оттянула застёжку и смогла заметить лежащий в ней блеск, купленный вчера.

Я посмотрела на забор, но кошки уже не было, как и никого больше, с кем можно было бы поговорить. Поэтому я вынула телефон и набрала мамин номер.

– Фиби Элизабет, – сказала она.

– Привет.

Маленький коричневый воробышек спрыгнул с дерева в уголок забора, чтобы поклевать с земли крошек.

– М-да, сложно же до тебя добраться.

– Это точно, – я сделала вдох. – Мне нужно было немного побыть одной.

Она задумалась, и я как будто слышала её мысли, пытавшиеся понять, к чему я об этом говорю.

– А что, в Нью-Йорке не везде есть место для этого?

– Типа того, но мне здесь нравится.

Она прокашлялась.

– Всё идёт по плану?

– Ага. Приземляюсь около шести вечера.

– Об этом я помню. Всё время, пока тебя не было, на холодильнике висел план твоей поездки.

Я представила нашу кухню: наполовину распахнутое окно, фермерская фарфоровая раковина, миска с водой для Дасты на полу. Как же давно меня там не было.

– Как ты поедешь в аэропорт?

– Меня Арчер отвезёт.

– Кто такой Арчер?

– Басист из группы Луны.

Мама уже должна бы знать их всех по именам. Так она, видимо, пытается не вспоминать о них или просто делает вид, что вообще их не знает. Вдоль забора теперь прохаживалась новая кошка – чёрная с белыми пятнами на лапках и мордочке.

Маме снова понадобилась пауза.

– Тот, что с глазами?

Я засмеялась.

– Ага.

Я взяла в руку стакан с водой, отчего в нём зазвенели кубики льда.

– Это мог быть либо он или тот, что с улыбкой. Хотя тот вроде ударник, да?

– Да, Джош.

Я улыбалась, и никто, кроме кота, не видел этого.

Обычно мы с мамой не обсуждали парней, и, видимо, поэтому она никогда не рассказывала мне про отца или про Джейка. И тогда я решила спросить её. Обо всём по очереди.

– Могла бы и сказать мне, знаешь ли.

Я склонила голову набок, словно она видела меня, что, конечно же, было невозможно.

– Сказать тебе что?

– Что ты встречаешься с Джейком, – я подождала. – Он ведь твой парень?

Через несколько часов я встречу с мамой, но почему-то мне легче было говорить с ней о таких вещах по телефону. Я представила себе спутники там, высоко над землёй, моргавших издалёка. Кажется невероятным то, что мой голос сначала долетает до них, и только потом посылается к маме.

Сначала она молчала.

– Полагаю, ты и сама могла бы это понять.

– Тогда почему ты никогда не говорила о нём как о парне?

– Не знаю, – я услышала, как она вдохнула. – Наверное, так было легче. Я не знала, как ты к этому отнесёшься.

Мама говорила прямо как подросток.

– Думаю, я не возражаю.

– Хорошо. Спасибо.

Теперь мы обе замолчали. Из задней двери кафе вышла Луна и села за стол. «Мама», – сказала я ей одними губами, и она кивнула. Впервые за долгое время появился официант, чтобы положить нам на край стола счёт. Луна взяла его.

– Мам, а ты жалеешь о чём-нибудь?

– О чём ты?

– Ну, там, о тебе с отцом, о группе. Хотела бы ты, чтобы всего этого не было?

Луна смотрела на меня, замерев так, что сложно было сказать, дышит ли она вообще.

– Конечно же, нет. Из-за этого всего у меня есть вы. И я любила вашего отца, пусть ничего у нас не сложилось.

– Вот про это я бы хотела услышать поподробнее. Луна тоже. Расскажешь нам? Не сейчас, но на днях.

Долгое время в трубке была тишина, и я даже решила, что пропала связь.

– Хорошо.

С дерева на нас упали новые листочки, будто бледно-розовое конфетти.

– Как там Луна?

– Она в порядке. В полном порядке.

Я смотрела на сестру, отвечая на мамин вопрос, а она смотрела на меня, с лёгкой улыбкой на губах. Я сочла это за знак.

– Хочешь с ней поговорить? – спросила я маму.

– Да, – тут же ответила она, полная решимости.

Я протянула телефон Луне. Но та сначала раздумывала, сжав губы, как она обычно делала в такие моменты. Потом она тронула свою пустую чашку, обвив её пальцами, после чего тоже протянула руку и взяла телефон. Прислонив его к уху, она сделала тихий вдох.

– Мам, привет.

Глава 53

Спустя два часа Арчер провернул ключ, и фургон вздрогнул, напоминая живое, но ещё сонное и нежелающее просыпаться существо. Мотор завёлся с гулом и тарыхтением. Должно быть, моё волнение тут же отразилось на лице.

– Малышка Бэтти очень тебе рада. Особенно учитывая то, что Луна старается не ездить на ней, чтобы не кататься от репетиционной базы до клуба и разгружаться посреди ночи.

Съезжая с обочины, фургон издал протяжный скрип.

– Да ладно тебе. Вы же мускулистые ребята! В противном случае, она бы собрала группу из одних девчонок.

И это напомнило мне о маме и тех девчачьих группах, которые она так и не собрала. Они с сестрой были единственными девчонками на сцене. Хотя, конечно, парни у них, должно быть, хороши не только в разгрузке инструментов.

На первом же повороте Арчер слишком лихо крутанул руль, и что-то большое и увесистое скользнуло в задней части фургона. Я вцепилась руками в сиденье.

– Ты точно умеешь водить эту штуковину?

Улыбаясь, он помотал головой. Его глаза были устремлены на дорогу.

– Вообще-то не совсем. Для этого у нас есть Джош.

В солнечном свете улицы казались стеклянной чёрной рекой. Пожилая женщина медленно переходила дорогу перед нами, напевая что-то маленькому шнауцеру, которого она выгуливала.

– Я поговорил с Луной. Сегодня утром.

Я резко повернулась к нему.

– Ты ей позвонил?

Арчер кивнул.

– О чём говорили?

– Я спросил её, не хочет ли она добавить Баффало в график тура, – он долго и медленно останавливал машину на жёлтый свет. – Короче говоря, Луна свяжется с нашим менеджером.

– Да ладно?

– Она считает, что это не будет проблемой, – он повернул, и парочка дисков слетела с приборной панели. – Думаю, мы уже немного популярны.

В голове пронеслись недавние слова мамы, когда она в ответ на моё «они немного популярны» сказала: «в лучших традициях».

– Похоже на то.

– Я слышал, что в декабре в Баффало особенно прикольно.

– Ну, хотя насчёт снега и морозов люди любят преувеличивать, всё же в декабре у нас очень хорошо, – я пожалала плечами. – Обычно.

Я вспомнила про снегопад на день рождения Луны три года назад и родителей, расчищающих дорожку от сугробов.

– Мне как раз немного экстрима не помешало бы.

– Почему она мне про это не сказала?

– Я сказал ей, что сам хочу это сделать. Что в Баффало есть одна девушка, которую мне очень хотелось бы навестить, – он украдкой посмотрел на меня на следующем светофоре, и я знаю, что он увидел: ухмыляющуюся меня, сидевшую на пассажирском сиденье. – Плюс, мы будем проезжать Баффало в октябре по пути на запад.

Раз, и всё! Теперь я точно знала, когда смогу снова увидеть его.

Спустя сорок минут мы стояли рядом с малышкой Бэтти недалеко от входа в здание аэропорта.

Арчер вытащил мой чемодан через заднюю дверь фургона, а я ждала. Асфальт источал столько тепла, будто это был пар над вулканом. По этому адскому пеклу я точно скучать не буду, в отличие от много чего другого, что было в этом городе.

– Не очень-то люблю прощания, – сказал Арчер и опустил взгляд на землю. – И как мне в голову взбрело самому тебя отвезти?

Я засмеялась.

– Премного благодарю.

Он замотал головой, улыбаясь.

– Я не это имел в виду.

– Я так и поняла.

– Я кое-что тебе принёс. Хотел сделать подборку для тебя в самолёт, но сейчас это так трудно сделать, – он начал говорить быстро, взволнованно. – Твой отец наверняка делал такие штуки для твоей мамы на кассетах. Но я кое-что придумал, – он вручил мне белый айподовский шафл. Я взяла его в руки и почувствовала, какой он был маленький и лёгкий, что, если бы мама с папой прибыли сюда из своего 1994 года, то наверняка бы не поверили, что в ней помещались песни.

– Это осталось от Нэтэли. Вместе со всеми другими вещами. Так что отдаю не навсегда. Можешь вернуть его мне при встрече в Баффало.

– Хорошо.

Он также дал мне листок бумаги, вырванный по ровной линии из тетради. Идеальным почерком – маленькими печатными буквами – он переписал синей ручкой названия всех песен и

исполнителей.

– Пришлось переписать их все, потому что это шафл, и песни будут идти в случайном порядке, так что всё не очень идеально, – Арчер перевёл дыхание. – И это, конечно, не кассета. Иногда я думаю, что их нам уже ничто не заменит.

– Думаю, у мамы ещё сохранился её старенький вокмен, так что в следующий раз сможешь сделать плейлист на кассете.

– Вокмен Мэг Феррис. Тринадцатилетний Арчер внутри меня офигел бы от счастья.

– И всё же, шафл мне тоже очень нравится. Спасибо.

Он добавил туда песню «Treetop», мою самую любимую песню с последнего альбома «The moons».

– Всего одна ваша песня?

– А тебе разве не хватило нашей музыки на этой неделе?

– Эта песня сейчас моя самая любимая.

– И моя.

Он показал на бумагу.

– Я записал туда «Море Спокойствия». Мне и песня нравится, да и не хотелось «Shelter» оставлять в стороне.

Он никак не мог знать, что именно её я слушала прошлым вечером, но всё равно она была очень кстати.

– Ты выбрал ту, что нужно.

Я провела пальцем вдоль списка. В нём были и «Lemonheads», и «Pavement», и Джулиана Хэтфилд для полноты перечня по музыке девяностых. Ну и мнимый отец Луны Пол Вестерберг был там же. Арчер также записал Отис Реддинга, Элвиса Костелло и Дэвида Бирна, на чьих ступеньках мы постояли вместе. А также группы, о которых я никогда не слышала, вроде «Radiator Hospital» и «Wahahatchee». В конце списка были «The Weakerthans» с песней «Left and Leaving», которая, если бы я не знала, что увижу его через месяц, могла бы разбить мне сердце.

Я сложила листок и положила в сумку. В голове уже начал складываться плейлист, который я бы записала для него по приезду домой.

– Что ж...

– Что ж...

Я старалась дышать ровно, но сердце всё равно начало учащать пульс. Забавно, как можно забыть то, что оно у тебя есть, пока оно не начнёт трепыхаться в самом бешеном темпе.

– Я и не надеялся, что неделя получится такой.

Он положил руку на дверь фургона, и я сделала то же самое. Машина была горячей и гладкой.

– Я тоже.

– Я рад, что она была такой.

– Я тоже.

Арчер засмеялся.

– Офигеть какой у нас содержательный разговор.

– Да уж, очень многозначительный, – я огляделась по сторонам. – Надеюсь, кто-нибудь его запишет. Настоящий клад.

– У меня есть оправдание, – Арчер прислонился бедром и плечом к малышке Бэтти. – Я парень, не особо дружащий со словами.

Я улыбнулась.

– А я, значит, парень, дружащий с ними?

– Ты девушка, которая с ними дружит.

Арчер встал ровно. Вообще, он выглядел немного взволнованным, и это было очень мило.

– А, ну, да, – я кивнула. – Постой. Ты имеешь в виду, что это я должна бы произнести пламенную речь?

Я сделала округлый взмах рукой, как какая-нибудь ведущая передачи по телевизору и ощутила себя Луной, вечно активно жестикулирующей и машущей руками.

– Нет. Только если сама захочешь.

Задумавшись, я вспомнила слова Джеки, написанные Майклу на память в книге «Над пропастью во ржи», которая неизменно лежала у меня в сумке. Когда я закрыла глаза, в сознании всплыли те буквы, выведенные синими чернилами.

– Благодарю за те дни, что нам суждено было провести вместе.

Арчер смотрел на меня с полуулыбкой на лице, и я постаралась запомнить его во всех деталях: его глаза цвета морской синевы, его длинные ресницы.

– Как-то так. Однажды я тебе объясню.

– Договорились. Только я надеюсь, что мы больше дней проведём вместе. Это возможно?

Я засмеялась.

– А как же иначе?

Над нами с гулом пронёсся самолёт, и я взглянула вверх, на его серебристое брюхо, рассекавшее небо. Затем я посмотрела на Арчера.

– Тебе уже пора готовиться к отлёту, – он сделал шаг навстречу и скользнул рукой в мою ладонь, притягивая ближе к себе. – Но сначала тебе, наверное, следует меня поцеловать.

– Наверное, – сказала я, пожимая плечами, будто в этом не было никакой проблемы. И поцеловала его.

По пути к дверям терминала я не стала оборачиваться. Я тянула за собой чемодан, но потом достала телефон и захотела послать Арчеру одно, последнее сообщение, пока ещё была в городе. Всего одно, перед тем как уйду. Поэтому я написала стихи, весь день крутившиеся в моей голове. Теперь они окончательно сложились в нужную форму.

«Где бы ты ни был, лишь стоит себя потерять,

Ты достигнешь дна и будешь готовым всё снова начать».

Я пробежала глазами по тексту на светившемся экране и отправила сообщение. И знала, что лишь перед поворотом оглянусь назад – туда, где стоял Арчер возле своего фургона, провожая меня взглядом. И мы помашем друг другу на прощание.